

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2021

№ 22

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Chairperson

Е.В. Иванцова (Томск, Россия) –
зам. председателя

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk,
Russia) – Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk,
Russia) – Executive Editor

В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Valentina Yu. Apresyan (Moscow,
Russia)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Irena Janyšková (Brno, Czech
Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Дядечко Л.П. Мировая авторская эптография: предыстория, современное состояние, перспективы	5
Калинина Л.В., Фалеева А.С. Переходное состояние как объект описания в толково-идеографическом словаре	27
Мольков Г.А. Анонимный русско-латинско-немецкий лексикон середины XVIII века из собрания Библиотеки Академии наук: принципы составления словника	48
Носкова В.Н., Матханова И.П. Функционирование местоимения ДРУГОЙ и особенности его словарного представления	64

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Захарова Е.В., Муллонен И.И. Ойконимы Карелии как объект лексикографического описания: из опыта работы над «Словарем названий населенных мест карелов-людигов»	86
Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Лексикографическое и дискурсивное исследование топонима <i>Челябинск</i> (на материале английского языка)	107
Сведения об авторах	128

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Diadechko L.P. World Author's Eptography: Prehistory, Contemporary State, Prospects	5
Kalinina L.V., Faleeva A.S. The Transitional State as an Object of Description in an Explanatory-Ideographic Dictionary	27
Molkov G.A. A Mid-18th-Century Anonymous Slavic-Latin-German Lexicon from the Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences: Principles of Compiling the Glossary	48
Noskova V.N., Matkhanova I.P. Functions of the Pronoun DRUGOY [OTHER] and Features of Its Representation in Dictionaries	64

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Zakharova E.V., Mullonen I.I. Oikonyms of Karelia as an Object for Lexicographic Description: An Experience of Working on the <i>Dictionary of Ludic Karelian Settlement Names</i>	86
Solopova O.A., Koshkarova N.N. Lexicographic and Discursive Representation of the Place-Name <i>Chelyabinsk</i> in English	107
Information About the Authors in Russian	128

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811'373.7:82-84(091)
DOI: 10.17223/22274200/22/1

Л.П. Дядечко

МИРОВАЯ АВТОРСКАЯ ЭПТОГРАФИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Дается обзор лексикографирования авторских цитат и их производных на материале языков разных языковых семей. На основании содержания словарей и результатов эксперимента показывается принципиальное отличие эпонимов (крылатых выражений в узком смысле) от цитат, интертекстем, крылатых цитат; доказывается необходимость развития авторской эптографии для описания истинного вклада автора в развитие фразеологического корпуса национальных языков и для создания общезыковых словарей эпонимов.

Ключевые слова: авторская лексикография, фразеология, цитата, крылатые слова, интертекстема, эпоним, эптография

В научной литературе прообразы писательских – и шире – авторских словарей (в том числе словарей одного произведения или цикла произведений) усматривают в древнейших аккадских глоссариях, содержащих отдельные шумерские слова, и в комментариях к сочинениям Гомера и других писателей, а затем, еще в античную эпоху, и к библейским текстам. В этих трудах, как и в старинных прикнижных глоссариях к средне- и ранненовоанглийским памятникам, открывающих историю европейской авторской лексикографии Нового времени, главной целью было разъяснение непонятных (заимствованных, устаревших, диалектных) слов (см. об этом на примере словарей Чосера: [1. С. 10, 15]).

Данная метаязыковая цель – с помощью общелитературной лексики истолковать ограниченные в употреблении слова и выражения, встречающиеся у автора, – затеняется стилистическими задачами или вовсе уступает им место, когда формируется жанр писательского конкорданса. Именно с этого жанра зарождается большинство европейских национальных авторских лексикографий [2–4; 5. С. 8–9].

В восточных национальных авторских лексикографиях, ведущих свой отсчет с 50–80-х гг. прошлого столетия или появляющихся в наши дни, учитывается опыт составителей словарей, выполненных на материале германских, романских, славянских языков, поэтому даже при создании первых конкордансов обычно выдвигается единая цель: например, словари о языке Мусы Джалиля ([6]¹ и др.) характеризуются как «источники для изучения индивидуального стиля, языковых особенностей, а также литературного языка соответствующего периода» [7. С. 55] (ср. также справочные издания конкордансного и толкового типов, посвященные языку писателей иных восточных лингвокультур: абхазской [8], армянской [9], грузинской [10, 11], кабардинской [12] и др.).

В целом очевидно, что национальные авторские лексикографии на начальном этапе, а имеющие более или менее долгую историю в их многообразном жанровом воплощении [5. С. 210–276; 13] – и в ходе дальнейшего развития, вплоть до нашего времени, ориентированы на описание того, как общезыковые средства используются мастером слова, как соотносится традиционное и новаторское в его творчестве на уровне лексики и грамматики.

В отличие от лексикографических трудов, где представление центральной для авторских словарей проблемы «общелитературный язык ↔ язык писателя (автора)» смещалось в сторону частного, индивидуально-авторского, в теоретических историко-лингвистических и стилистических исследованиях широко освещалось и противоположное направление, раскрывающее влияние мастера слова на развитие литературного языка. Так, в русистике всесторонне показана посредническая роль писателей в продвижении народно-диалектных и инновационных лексико-семантических элементов в систему литературного языка и в закреплении в ней (см., напр.: [14]). М.А. Карпенко обращала внимание на то, что «активное использование семантико-стилистических потенций языка, идейно-эстетическая трансформация слова (или фразы) при обобщенно-символическом употреблении создает новые качества оценочно-смысловой структуры и ведет к “отложению” (В.В. Виноградов) в литературном языке речевых единиц с высокой степенью “авторизации”» [15. С. 86].

¹ Здесь и далее информацию по публикациям на тюркских языках любезно предоставила И.Л. Покровская, на армянском – А.Г. Саркисян, на грузинском – З.К. Адамия; см. также далее на венгерском – О. Федосов.

В сознании среднего носителя языка наиболее реальной и осязаемой лептой писателя в развитие словарного состава предстают именно эти речевые единицы с высокой степенью «авторизации», которые в некоторых фразеологических школах принято называть крылатыми словами и / или выражениями и которые сосредоточиваются в произведениях отдельного лексикографического жанра, так и именуемых – словари крылатых слов (и выражений).

В общих словарях этого жанра вклад каждого писателя в обогащение лексико-фразеологического фонда языка при многовекторности отбора реестровых единиц не столь очевиден: многие из имеющих рейтинг частотности, который не уступает включенным лексикографами, не попадают на страницы справочных изданий. Например, по данным самых крупных в русистике и украинистике собраний крылатых слов и выражений, в русском языке 86 гоголизмов [16. С. 704], в украинском – 17 [17. С. 696], тогда как, согласно авторскому словарю, описывающему крылатые единицы Н.В. Гоголя в русской и украинской речевой практике [18], их в разы больше: 250 и 105 соответственно.

Уяснение качественно-количественного состава слов и выражений, вошедших в язык из текстов определенного автора, затрудняется не только отсутствием планомерной лексикографической работы в данном направлении. Далеко не во всех национальных лексикографиях созданы общие словари крылатых слов и выражений: такие труды есть лишь в германском и славянском ареалах, а также в некоторых бывших советских республиках – на грузинском [19], молдавском [20], азербайджанском [21] и других языках, и в республиках России – на татарском [22] и якутском [23] языках, куда калькированный термин «крылатые слова» проник из русского. Кроме того, в большинстве частных лингвистик вовсе нет данного термина, а его толкование там, где он имеется, весьма диффузно (яркое подтверждение тому – материалы алтайского [24] и отчасти шведского [25] словарей). Крылатыми словами называют как любые образные обороты – от эффектных индивидуально-авторских метафор до пословиц, поговорок, фразеологизмов, так и все многообразие инотекстовых вкраплений, начиная от прямых цитат и заканчивая едва уловимыми аллюзиями.

В мировой литературе можно встретить и выходящее за рамки лингвистической терминологии употребление гомеровского образа: турецкий перевод сборника афоризмов «циньянь» китайского писателя и философа Хун Цзычена так и называется «Крылатые слова муд-

реца» [26]. В этом случае, если прибегнуть к русскому эквиваленту, точнее было бы название «крылатые мысли» (ср. также обозначения «крылатые аргументы» [27], «крылатые строки» [28]). Речь идет, по сути, о литературном жанре, который воплощен в афористических и подобных сборниках, сохраняющих мудрые, поучительные, оригинальные, парадоксальные и прочие мысли знаменитостей о разных сторонах бытия и предназначенных прежде всего для ознакомления, а также для отыскания подходящих к случаю кратких, но емких высказываний с целью цитирования.

Во многих лингвокультурах имеются собрания таких изречений, которые принадлежат одному автору, начиная с газетно-журнальных подборок, приуроченных к юбилею писателя, как публикация «Заветы, советы и крылатые слова» в армянской литературной газете, посвященная 150-летию со дня рождения Ованеса Туманяна [29], и заканчивая отдельными книгами (см. сборник мыслей турецкого поэта и прозаика Ахмеда Хамди Танпинара [30]) и книжными сериями (например, венгерским издательством TINTA подготовлены выпуски с высказываниями Иштвана Сечени [31], Йожефа Этвеша [32] и др.). Обычно составляются, причем нередко многократно, сборники мыслей тех, кто воплощает дух нации: в английской лингвокультуре это Шекспир [33, 34], белорусской – Якуб Колас [35], русской – Пушкин [36, 37] и др.

Содержание книг такого типа по принципам отбора и подачи материала весьма сходно с содержанием словарей цитат – известного в авторской лексикографии жанра, отличающегося в целом обязательностью указателей и / или индексов, более точной паспортизацией источника и детализированным отражением внеязыковой действительности в структуре: единицы описания в сборниках афоризмов и сходных речеобразований обычно группируются так, как это принято в паремиологических изданиях, т.е. в соответствии с ключевыми лингвокультурными концептами, а в словарях цитат – в соответствии с ключевым словом одного или нескольких высказываний. Кстати сказать, грань между справочниками обоих типов очень зыбкая. Так, перечисленные шекспировские сборники, которые не содержат в своих названиях слова *словарь*, были в данном случае привлечены с тем, чтобы продемонстрировать типичные заглавия английских и американских собраний мудрых мыслей, однако по своим сущностным свойствам все эти три издания являются именно словарями цитат.

Например, книга *The Mind of Shakespeare, as Exhibited in His Works* структурирована так же дробно, как и словарь *The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations*, при этом вокабулы нередко совпадают; ср. следующие друг за другом статьи в обеих книгах: ARTISTS, ASPIRATION, AUTHORITY, AUTUMN [33. С. 12–13] и ART, AUTHORITY, AUTUMN [38. С. 15–16]. Безусловно, издания различаются между собой: в первом из них цитата сопровождается отсылкой только к соответствующей части произведения, а во втором – указанием страниц и даже строк цитируемого источника. Интересно, что как раз в сборнике, не заявленном как словарь, шекспировским текстам предшествует уточнение смысла вокабулы. Например, если взять одни и те же слова короля Лира из одноименной трагедии (акт 4, сц. 6), включенные в оба справочника в статье AUTHORITY: *Thou hast seen a farmer's dog bark at a beggar, and the creature run from the cur? There thou mightst behold the great image of authority: a dog's obeyed in office*, – то в первом случае поясняется концепт-вокабула: *its power of commanding obedience*, – а во втором конкретизируется ситуация речи: *Lear to Gloucester*.

Жанр авторских словарей цитат давно получил распространение в мировой лексикографии (см., например, итальянский словарь, описывающий цитаты из «Божественной комедии» Данте [39], немецкий и немецко-русский – из Гете [40, 41], турецкий – из выступлений первого турецкого президента Ататюрка [42]), особенно в последнее время в ее электронном формате (см. венгерский словарь цитат из «Трагедии человека» Имре Мадача [43] и многочисленные, прежде всего любительские, обычно небольшие по объему интернет-издания). Однако наиболее развит этот жанр в англо-американской лексикографической практике, о чем неоднократно писали и о чем можно судить по количеству словарей цитат в списке [44. С. 212–229], ориентированном на авторские справочники с высказываниями политиков и философов.

Объектом описания в словарях цитат выступает широчайший диапазон нередко лингвистически четко не определяемых единиц, как в гетевском словаре Р. Добеля. Составитель очерчивает этот диапазон образно – от так называемых крылатых слов до таинственных, интригующих описаний, уточняя форму и тематику цитат из стихов Гете, его писем и пр.: «...от зарифмованных поговорок до разнообразных высказываний поэта о явлениях природы, искусства, общества и ду-

ховной жизни, о современниках и фигурах прошлого, а также о самом себе» [40. С. VI].

Тоже широко, но в ином ключе, толкуется термин «крылатые слова / выражения» в другом лексикографическом направлении (см.: [45; 46]), где он приравнивается понятию «интертекстема». Это направление открывается книгой К. П. Сидоренко, в которой описаны цитаты из «Евгения Онегина» и которую сам составитель назвал словарем интертекстом, подразумевая под введенным им термином не только соединение слов, заключающее в себе некоторый смысл, как в словарях цитат, но и любой вовлеченный в межтекстовые связи сегмент авторского текста, т. е., кроме лексического, также и грамматический, и ритмико-интонационный, и композиционный [47. С. 6]. Наряду с оборотами, вошедшими во фразеологический фонд русского языка, прямыми цитатами, а также разного рода аллюзиями, основную часть словаря составили скрытые цитаты, выявленные, как правило, в каком-либо одном контексте. Например, словосочетание *дерзостные своды* иллюстрируется только одноименным названием книги Б. Евгеньева о метро; фраза *Каждый взял свой пистолет* – отрывком из «Вишневых вод» И. Тургенева; строка *как Байрон, гордости поэт* «как шутивное цитирование слов Пушкина» – фрагментом из «Портретов» Н. Некрасова: *...Почуя лавры над главою, Тотчас он тиснул свой портрет, С улыбкой гордою и злою, «Как Байрон, гордости поэт». Но байроническою миной Он никого не удивил... Он поросенка в коже львиной Напомнил всем – и насмешил!* [47. С. 65, 96–97]¹.

В перечисленных изданиях в соответствии с разработанной лексикографической концепцией дается сколь можно полное описание писательского слова как «чужого» в его живом, динамичном употреблении: приводится максимальное количество примеров, каждый из которых сопровождается семантизацией и / или функционально-стилистическими комментариями. В этом состоит принципиальное отличие словарей интертекстом от словарей цитат, которые обычно составляются людьми без специальной лингвистической подготовки и не содержат ни примеров использования, ни толкований.

Среднее положение между двумя направлениями занимают представленные в восточнославянской лексикографии издания, где, в отли-

¹ Ср.: в последней из данной серии книге [48] толкование термина «крылатые выражения», поставленного в ее названии в один ряд с цитатами, литературными образами, конкретизируется, сужается.

чие от словарей интертекстом, фиксируются цитаты в их обычном понимании (как некие последовательности слов, извлеченные из текста), а в отличие от словарей цитат – только те из них, которые, характеризуясь относительно компактной структурой, реально востребованы, что эксплицируется обязательной иллюстративной зоной с одним-двумя и более примерами прямого или скрытого цитирования авторской фразы (см. напр.: [49; 50]). Такое лексикографическое направление, следовательно, описывает единицы, которые можно обозначить как крылатые цитаты. Сами составители указанных справочников, впрочем, своим объектом называют крылатые выражения. Так, в предисловии к словарю, посвященному оборотам из творчества А.В. Кольцова, отмечается, что к крылатым выражениям составители относят «слова или сверхсловные единицы, принадлежащие воронежскому поэту и получившие распространение за рамками кольцовского текста» [50. С. 4]. Фактически имеем более четкое определение термина, толкуемого все же широко: материалы книги показывают, что к крылатым отнесены, помимо единиц, по своим функциональным свойствам похожих на пословицы и поговорки, и отрывки из стихотворений, которые всегда сопровождаются указанием автора (особенно много примеров прямого цитирования, когда кольцовские строки используются в роли эпиграфа).

Только первая разновидность является достоянием лексико-фразеологического корпуса. Чтобы привлечь внимание научного сообщества к ней, в лингвистический обиход было введено уже освоенное языковедами десятка стран обозначение «эптоним», возвращающее к истокам лексикографического жанра – к книге *Geflugelte Worte* немецкого ученого Г. Бюхмана, вынесшего в 1864 г. кальку с гомеровского *erea pteroenta* в название своего справочника. Под эптонимами понимаются крылатые слова и выражения в строго лингвистическом смысле, выведенном в период прочного закрепления фразеологии как отдельной научной дисциплины: к ним относятся только те речеобразования, которые, во-первых, восходят к конкретному, задокументированному тексту, высказыванию, сохраняя в сознании всех современных носителей языка или их значительной части связь с первоисточником; во-вторых, обладают собственной структурой и семантикой, нередко весьма далекими от первоначальных; в-третьих, не цитируются, а воспроизводятся, подобно другим языковым единицам (отдельным словам, фразеологизмам, пословицам), выполняя номинативную функцию [51. С. 40–89].

На узком толковании понятия крылатых слов и выражений, т.е. эптонимов, в лексикографии настаивает С.Г. Шулежкова, которая предупреждает: «Отказ составителя придерживаться строгих критериев отбора единиц может превратить его труд в нечто аморфное...» [52. С. 25].

Первые попытки создания авторских словарей эптонимов относятся к 1990-м гг. (этот термин еще не использовался, в название эптографических изданий выносился традиционный – «крылатые выражения»). Сначала появились журнальные публикации – дополнения к общим словарям крылатых слов и выражений русского языка, компенсирующие лексикографические лакуны в фиксировании вошедших в массовый обиход оборотов определенного писателя.

В 1998 г. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова издали учебное пособие, первая глава которого построена как словарь крылатых слов и выражений из «Горя от ума», а по сути – эптонимов. Ученые поставили задачу научить старшеклассников «использовать слова автора гениальной комедии в речи» [53. С. 75], отобрав наиболее яркие, выразительные, потенциально востребованные учащимися выражения и «говорящие» имена и объяснив ситуации применения описываемых единиц.

Эптографическим по своему словнику, включающему в абсолютном большинстве единицы с фиксированной структурой и закреплённым в узусе значением, является и опубликованный в 2005 г. В.В. Прозоровым справочник крылатых слов и выражений из гоголевских сочинений, в котором охарактеризованы ситуации функционирования гоголизмов в речи и таким образом продемонстрированы принципиальные отличия включённых единиц от их прототипов. Тем не менее 15 фраз при тщательной проверке не оправдали статуса эптонимов, среди них такие, как: *Бурая свинья унесла...; Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!; И хорошее слово, да позабыл; Приятный разговор лучше всякого блюда; Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни* [54. С. 29, 31, 36, 94]. Ни одну из них не удалось обнаружить в свободном (не собственно цитатном) употреблении в интернет-текстах. Ради справедливости скажем, что сам составитель предупреждал читателей: «В нашем кратком лексиконе собраны и те летучие фразы из Гоголя, что издавна употребляются довольно широко, и те, что обрели хождение среди узкого круга отменных знатоков русской

словесности. Здесь зафиксированы и собственно крылатые обороты, и имеющие явную готовность ими стать» [54. С. 8–9].

Первым переводным эптографическим изданием, охватывающим все творчество писателя, если не считать немецко-русский словарь крылатых выражений из Гете, где доказательства крылатости русских эквивалентов не предполагалось [41], стал уже упоминавшийся русско-украинский и украинско-русский гоголевский словарь. В нем как сам словник, так и толкование и вариантность реестровых единиц определялись по имеющимся общим словарям крылатых слов и выражений русского и украинского языков и уточнялись обращением к слово- и фразеупотреблениям из картотеки, составленной за два десятилетия, и из текстовых корпусов. Масштабное исследование речевой практики, когда критерием отбора слов, сочетаний слов, фраз была их фиксация не менее чем в 7–10 контекстах без ссылок на цитирование, позволило, как представляется, привести неоспоримые аргументы эптонимичности каждого восходящего к сочинениям Н.В. Гоголя речеобразования, кристаллизации его структуры и развития собственного значения (или значений), что является показателем формирования самостоятельной языковой единицы. Обязательными компонентами статьи был не только фрагмент, к которому восходит эптоним, из гоголевского оригинального и переводного текстов с паспортизацией, но и структурно-грамматические варианты описываемого феномена, его толкование, примеры слово- и фразеупотреблений. Так, после цитаты из поэмы «Мертвые души» в статье ВОЗВЕСТИ В ПЕРЛ СОЗДАНИЯ даны:

- грамматические варианты: *возвести / возводить в перл создания*;
- толкование со стилистической квалификацией: «наделить необыкновенно высокими свойствами, качествами кого-, что-л.; сделать предметом настоящего искусства (*перен.*; *высок.* или *ирон.*; *книжн.*)»;
- примеры канонического употребления: *...художник, по новейшим эстетикам, пользуется завидным правом воплощать в себе всякие мерзости, **возводя их в перл создания**...* (И. Тургенев. Накануне); *Чтобы понять эти <народные> идеалы и **возвести их в перл создания**, необходима известная высота культурного уровня...* (Ф. Достоевский. Дневник писателя); *...животные сходятся только тогда, когда могут производить потомство, а поганый царь природы – всегда, только бы приятно. И мало того, **возводит** это обезьянье занятие **в перл создания**, в любовь.* (Л. Толстой. Крейцеров соната);

Клеопатра – демонический образ чувственной страсти, возведенной в перл создания. (Б. Никольский. Суд над Пушкиным);

– примеры окказионального употребления: *Ленин возглавляет ныне другую линию большевистской мысли, линию «умеренную» и «компромиссную».* Прообразом этой тактики был Брест-Литовск. *Через три года она вновь выдвигается в перл создания.* (Н. Устрялов. Под знаком революции) [18. С. 94–96].

Этот же принцип отбора и тщательная проработка легли в основу концепции словарей, отражающих эпитонимы Т.Г. Шевченко в украинском [55], русском [56] и белорусском [57] языках. В названиях этих словарей, рассчитанных на широкого читателя, по-прежнему используется традиционное наименование описываемого объекта – «крылатые выражения», но в предисловиях оговаривается, что оно используется в узком смысле, как синоним к термину «эпитоним» [18. С. 9–10; 55. С. 3].

Таким образом, восточнославянская авторская эпитография уже начинает приобретать жанровые очертания.

Выделение эпитографического направления как самостоятельного ни в коей мере не уменьшает значимости других жанров: словарей цитат, словарей интертекстом и словарей крылатых цитат. Неоценимый вклад в осмысление того или иного национального менталитета вносят авторские словари цитат, сосредоточивающие в одном месте мнение по многочисленным и разнообразным вопросам бытия знаменитого человека, который является не только ярким представителем лингвокультуры, но обычно и ее творцом. Словари интертекстом и крылатых цитат показывают, насколько созвучны времени мировоззренческие установки авторитетной личности, как советы, оценки, воззвания и т.п., высказанные знаменитостями, отзываются в делах и речах их современников и потомков.

Главная цель словарей эпитонимов кардинально отличается от задач цитатографических изданий, где цитата самодостаточна и самоценна: эпитографы должны показать, как цитата преобразовалась, став общенародным достоянием, какими признаками характеризуется вновь возникшая единица.

То, что в целом эпитоним – качественно иное явление, нежели цитата, можно наглядно продемонстрировать, используя чисто формальный признак – степень развернутости единицы. Очевидно, что, чтобы сверхсловное образование могло использоваться в живой речи

всеми (многими) носителями лингвокультуры, количество лексем в нем должно соответствовать пропускной способности человеческой памяти, подчиняясь известной формуле Миллера 7 ± 2 . И действительно, в уже упоминавшемся словаре «“Словечки в простоте” (крылатые слова из “Горя от ума”))» в книге [53. С. 11–27], где терминосочетание используется в строго лингвистическом – эптонимическом – смысле, ни у одного из 49 зарегистрированных оборотов максимальное число компонентов не превышает 9 (служебные слова здесь и далее не учитывались), т.е. все они подчиняются миллеровскому закону. Совсем иную картину наблюдаем при фиксации цитат, когда выход за верхнюю границу определенного американским психологом интервала типичен. Так, в шекспировском словаре на произвольно выбранных четырех страницах [38. С. 223–227] представлено 47 цитат, 19 из которых, или 40,4%, состоит из 10 и более слов (самая длинная – из 52 слов). В гетевском словаре этот процент еще выше: в соотносительном фрагменте зафиксировано 57 цитат [40. Стлб. 223–226], из них 40 протяженностью от 10 до 50 слов, или, иными словами, 70% сверхмногокомпонентны.

При сравнении конкретной цитаты и порожденного ею эптонима становится очевидным, что расхождения в их свойствах носят принципиальный характер. Как показано в исследовании [51. С. 176–246], преобразование цитаты в эптоним сопровождается стабилизацией структурно-семантических параметров, задающей границы его вариатности. Если вернуться к статье из переводного гоголевского словаря, то обращает внимание, что оборот *возвести / возводить в перл создания* не только развивает грамматическую вариантность, но и закрепляет единственно возможный фонетический вариант последнего слова (у Гоголя оно выступает в виде *созданья*). Меняется также семантика словосочетания в сторону абстрагирования, причем если в поэме «Мертвые души» речь идет лишь о преобразовании некоторого кванта действительности в предмет истинного искусства, то в эптониме на первый план выдвигается наделение кого- или чего-либо необыкновенно высокими качествами, кроме того, нередко оборот функционирует в речи с иронической и даже саркастической коннотацией, как в лев-толстовской повести, а в гоголевском лирическом отступлении он погружен в контекст с трагическими нотками.

Проведенные на материале русского и украинского языков эксперименты подтверждают частотность случаев, когда закрепившийся

в языке структурный вариант эпонима, отличный от исходного, является единственным или более предпочтительным. В этом отношении особенно показательны результаты блиц-опросов, касающихся стихотворных строк, которые, казалось бы, не предполагают вариативности. Опросы по отрывку из «Евгения Онегина» проводились регулярно раз в три-четыре года с 2008 по 2019 г. в аудитории из 15–20 человек: участников научных конференций, студентов, учеников старших классов. На просьбу продолжить пушкинскую фразу *Но я другому отдана...* в абсолютном большинстве случаев испытуемые отвечали: *...и буду век ему верна*, – т.е. избирали форму, в которой она и используется в качестве эпонима (ср.: в Национальном корпусе русского языка из 18 вхождений половина выступает именно в этом варианте, а вторая половина носит характер прямой цитации в литературоведческих трудах, причем лишь в четырех случаях ученые точно копируют текст романа [58]). Только двое-трое из интервьюируемых вспоминали оригинал: *...я буду век ему верна*. Еще более впечатляющими были результаты, полученные в задании по восстановлению шевченковской фразы *...і буде мати, і будуть люди на землі*, которое выполняли только студенты-филологи в тот же период и в том же количестве. С этим заданием, однако, справлялись не все, по-видимому, потому что стихотворение не заучивалось наизусть в средней школе (в группе было от одного до пяти отказов). Те же, кто выполнил задание, практически все записали начало в виде *І буде син* (ср. в стихотворении «І Архімед, і Галілей...»: «І на оновлений землі Врага не буде, супостата, А буде син, і буде мати, І будуть люде на землі»). Попутно можно заметить, что во всех примерах употребления шевченковского выражения, зафиксированных в словаре [55. С. 131–132], архаичная форма множественного числа *люде* заменена на современную *люди* и что обновление компонентного состава весьма часто сопутствует превращению цитаты в эпоним.

Эти и проведенные другими учеными эксперименты по выявлению знаний носителями языка семантических свойств новой единицы дают в целом положительный результат, который, безусловно, зависит от нескольких факторов: например, изучалось ли в школе литературное произведение, породившее эпоним [59. С. 153]. Наглядно видно освоение лингвокультурой эпонима в единстве его формы и содержания, когда его значение не выводится непосредственно из значений компонентов. Так, если бы стереотипные представления

о ситуации, в которой может быть употреблен оборот *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*, не хранились в массовом сознании, вряд ли было бы возможным его функционирование в русскоязычной среде в качестве шутливой угрозы. «Почему надо было молиться и при чем здесь Дездемона?» – вот закономерные вопросы непосвященного человека, не соблюдающего церковные обряды и не понимающего странного обращения к нему. Добавим, что сейчас вообще мало кто знаком с текстом шекспировской трагедии «Отелло» в переводе П. Вейнберга (более популярен перевод Б. Пастернака, где соответствующий эпизод представлен иначе), поэтому самостоятельно установить смысл фразы проблематично.

Возможно, еще более веским аргументом необходимости создания словарей эпонимов являются нередкие в нашей жизни коммуникативные провалы, обусловленные нераспознаванием речевых структур как готовых средств номинации участниками общения, говорящими на родном и тем более на иностранном языке. Приведем один, но симптоматичный пример: слушатель, приехавший в 2019 г. в Киев на летние языковые курсы из Турции, обратился к преподавателю за разъяснениями, трижды (!) за две недели услышав в городском транспорте выражение *комсомолка, спортсменка, просто красавица*.

Можно, следовательно, с уверенностью утверждать, что усилия лексикографов по выявлению и полному, раскрывающему дифференциальные признаки описанию эпонимов (фиксация их в свободном, без ссылок на автора, употреблении в достаточном количестве контекстов, установление структурно-семантических вариантов, определение их функционально-стилистических особенностей) не пропадут даром.

Начинать следует с наблюдений над речевой практикой и анализа национальных лексикографиях изданий (если они имеются), в которых фиксируются существующие в языке устойчивые обороты в творчестве писателя или в речах политика, как, например, в испанском словаре, где собраны пословицы, афоризмы, клишированные фразы, идиомы и тому подобное в сочинениях Сервантеса [60], или в американском – с пословицами в выступлениях Г. Трумэна [61], служащими основанием для отделения общеязыковых устойчивых оборотов от собственно сервантесовских или трумэновских. Такое разделение уже осуществлено в белорусском словаре, где разные типы афоризмов: общенародные, преобразованные и созданные Якубом Коласом – имеют специальные пометы [62].

Надежным подспорьем в разработке этого направления авторской лексикографии станут популярные в разных лингвокультурах словари цитат, уменьшающие объем поиска эпонимов и сберегающие информацию о их происхождении. Словари интертекстом и крылатых цитат, кроме того, ценны тем, что содержат доказательства частотности авторских оборотов в речи. В этом плане становление и развитие перечисленных словарных жанров выступают предысторией авторской эпиграфии, делающей первые шаги лишь в восточнославянской лексикографии.

В целом понятно, что развитие авторской эпиграфии, которая прежде всего должна охватить фразеотворчество крупнейших писателей и выдающихся исторических личностей, с тем чтобы раскрыть их реальный вклад в пополнение номинативного фонда национальных языков устойчивыми оборотами, станет важным стимулом для становления общих словарей эпонимов этих языков, а там, где такие словари уже созданы, будет способствовать уточнению и дополнению их словников.

Литература

1. *Мелентьева О.А.* Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 24 с.
2. *Гельгардт Р.Р.* Словарь языка писателя: к истории становления жанра // *Лексические единицы и организация структуры литературного текста.* Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1983. С. 18–35.
3. *Фонякова О. И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // *Из истории науки о языке : (памяти проф. Ю.С. Маслова).* СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993. С. 113–134.
4. *Karpova O.M.* English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.). Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 281 p.
5. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.
6. *Галиуллин К.Р., Кәримуллина Р.Н., Минһажева Л.С.* Муса Жәлил. «Моабит дәфтәрләре» теле : Сүзлек. Казан : Мәгариф, 2006. 255 с.
7. *Галиуллин К.Р., Каримуллина Р.Н.* О словарном описании языка произведений Мусы Джалиля: «Моабитские тетради» // *Ученые записки Казанского государственного университета.* Т. 148. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2006. С. 55–64.
8. *Словарь языка Дмитрия Гулия* / сост. Н.В. Аршба, С.М. Начкебия. Сухуми : Алашара, 1986. 290 с.
9. *Պաշտօնային և Պարույր Սևակի աշխատությունների և թարգմանությունների բառարան.* Երևան : ԵՊՀ հրատ., 1986. 563 էջ.

10. *Симфония* к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» / сост. под рук. А.Г. Шанидзе. Тбилиси : Тбилис. гос. ун-т, 1956. 431 с. [На груз. яз.]
11. *Саникидзе Т.В.* Словарь поэзии Акакия Церетели / под ред. Ш. Дзидзигури. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1982. Кн. 1: А–М. 551 с.; 1983. Кн. 2: Н–Х. 430 с.
12. *Словарь* языка Алима Кешокова [Кышчокъуэ Алим и бзэм и псалъалъэ] / под науч. ред. Б.Ч. Бижоева. Нальчик : Изд. отдел КБИГИ, 2016. 1148 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/izdat/ebibl/slovar.pdf>
13. *Карпова О.М., Уткина Н.С.* Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2013. 105 с.
14. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
15. *Карпенко М.А.* Обобщенно-символические слова и фразеупотребление в горьковской речи и его резонанс в русском литературном языке // *Slavica XIV*. Debrecen, 1976. С. 75–86.
16. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. Т. 2. 737 с.
17. *Коваль А., Коптілов В.* Крилаті вислови в українській літературній мові. 3-тє вид. Київ : Ярославів Вал, 2011. 701 с.
18. *Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прадид Ю.Ф.* 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь / 250 крилатих слів і зворотів М.В. Гоголя: українсько-російський тлумачний словник. Симферополь : Лемешко К.А., 2012. 584, 236 с.
19. *ქართული ხატოვანი სიტყვა-თქმანი* / თედო სახოკია ; რედაქტორები: შოთა ძიძიგური, გიორგი ჩიტაია ; ბოლოსიტყვაობის ავტორი: გიორგი ჩიტაია. 3 ტომი. თბილისი : სახელგამი, 1950–1955.
20. *Popescu I.* Cuvinte înaripate: origine și semnificația celor mai frecvente cuvinte și expresii înaripate. Chișinău : Cartea Moldovenească, 1991. 160 p.
21. *Qanadlı sözlər* : Kolleksiyaçı və tərtib / Əbülkasim Hüseynzadə; [trans. G. Hüseynzadə]. Bakı : Yazıcı, 1984. 207 s.
22. *Гыйззәтуллин И.* Канатлы сүзләр. Казан : Заман, 2020. 383 с.
23. *Бэргэн* этиилэр / [хомуйан онордо К.Б. Ксенофонтова]. Дьокуускай : Бичик, 2015. 62 с.
24. *Алтай чүмдү сөс* = Крылатые слова : алтайские пословицы и поговорки : сб. / [тургузаачызы Көмүрчи Петешева]. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2007. 151, 157 с. [Текст алт., рус.].
25. *Holm P.* Bevingade ord och andra: Staende uttryck och benamningar. Stockholm : Alb. Bonniers boktryckeri, 1955. 372 s.
26. *Huanchu Daoren.* Bilgenin Kanatlı Sözleri. İstanbul : Anahtar Kitaplar. 132 s.
27. *Кондаков Н.И., Кленовская Л.А.* Крылатые аргументы (афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина). М. : Знание, 1989. 208 с.
28. *Владимир Высоцкий:* «Золотые мои россыпи...»: строки, ставшие крылатыми / сост. и авт. предисл.: С. Зайцев, Т. Зайцева. М. : Вагант-Москва, 2000. 299 с.

29. *Թանխնրանի ասոյթները*. Պատգամներ, խորհուրդներ և թեւալոր խոսքեր // Փրակաւն Թերթ. 15.02.2019. URL: <http://www.grakanter.am/archives/12211>

30. *Şerif Ö. Ahmet Hamdi Tanpınar'ın Görüşler, Düşünceler, Özdeyişler*. İstanbul : Yörük Matbaası, 1977. 144 s.

31. *Széchenyi István: Széchenyi igéi* / Szekfü Gyula előszavával. Budapest : TINTA, 2014. 122 oldal.

32. *Báró Eötvös József igéi* / Tringl László (szerkesztő). Budapest : TINTA, 2017. 124 oldal.

33. *Morgan A.A. The Mind of Shakespeare, as Exhibited in His Works*. London : G. Routledge and Sons, 1876. 360 p.

34. *Lofft C. Aphorisms From Shakespeare: Arranged According to the Plays, & C., With a Preface and Notes; Numerical References to Each Subject, and a Copious Index*. London : Forgotten Books, 2018. 554 p.

35. *Міхневіч А.Я.* Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... : выбраныя выслоўі народнага песняра. Мінск : Беларускі дзярж. ін-т праблем культуры, 2002. 107 с.

36. *Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина* / сост. И. Шкляревский. М. : Газ.-журн. обозрение «Воскресенье», 1999. 159 с.

37. *Афоризмы и размышления А.С. Пушкина* / ред. Л. Ф. Богданова. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 52 с.

38. *Armstrong J. The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations*. London : Methuen Drama, 2010. 396 p.

39. *Morpurgo A. Dizionario di citazioni dantesche, tratte dalla Divina commedia. Annotate ed illustrate secondo i miglior commenti di Anselmo Morpurgo, con prefazione di GL Passerini*. Città di Castello : Casa editrice S. Lapi, 1910. 371 p.

40. *Dobel R. Lexikon der Goethe-Zitate*. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1999. 1308, VIII S.

41. *Александрова Т.С.* Из Гете. Крылатые слова. Цитаты. М. : Аграф, 2000. 241 с.

42. *Köklügiller A. Atatürk'ten Düşünceler ve Özdeyişler*. İstanbul : Bahçeşehir Yayınları, 2007. 224 s.

43. *Madách Imre: Az ember tragédiája* (44 idézet). Budapest : Európa Könyvkiadó. URL: https://www.citatum.hu/konyv/Az_ember_tragediaja

44. *Перцева В.Г.* Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2017. 229 с.

45. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та : Фолио-пресс, 1999. 748 с.

46. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* Большой словарь крылатых выражений Александра Грибоедова («Горе от ума»). М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 800 с.

47. *Сидоренко К.П.* Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. СПб. : Образование, 1998. 318 с.

48. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Басни Ивана Андреевича Крылова: Цитаты, литературные образы, крылатые выражения : словарь-справочник. СПб. : Свое издательство, 2013. 681 с.

49. Щербина В. Євангеліє українців, або Крилаті вислови «Кобзаря». Київ : Вид-во ім. Олени Теліги, 2001. 496 с.

50. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово А.В. Кольцова. Опыт словаря. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2012. 183 с.

51. Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология : учеб. пособие. 2-е изд. Киев : Аванпост-Прим, 2007. 336 с.

52. Шулежкова С.Г. Имеют ли право крылатологи называть свои справочники словарями? (Размышления по поводу языкового статуса крылатых единиц и принципов их лингвистического описания) // Мир русского слова. 2010. № 4. С. 23–28.

53. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Читая и почитая Грибоедова. Крылатые слова и выражения. М. : Рус. яз., 1998. 80 с.

54. Прозоров В.В. Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя : словарь-справочник любителям русского слова. Саратов : Саратовтелефильм – Добродяга, 2005. 128 с.

55. Гнатюк Л.П., Дядечко Л.П. Тлумачний словник крилатих висловів Шевченка в українській мові // Шевченкове слово в мовах світу. Київ : ВПЦ «Київський університет», 2020. С. 3–7, 19–431.

56. Дядечко Л.П. Толковый словарь крылатых выражений Шевченко в русском языке // Шевченкове слово в мовах світу. Київ : ВПЦ «Київський університет», 2020. С. 433–478.

57. Дзядзечка Л.П., Іваноў Я.Я. Тлумачальны слоўнік крылатых выразаў Шаўчэнкі ў беларускай мове // Шевченкове слово в мовах світу. Київ : ВПЦ «Київський університет», 2020. С. 479–482.

58. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.07.2020).

59. Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. «Школьный словарь крылатых слов русского языка» как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 153–163.

60. *Fraseología de Cervantes: colección de frases, refranes, proverbios, aforismos, adagios, expresiones y modos adverbiales que se leen en las obras cervantinas.* Madrid : Lux, 1929. 319 p.

61. Mieder W., Bryan G. The Proverbial Harry S. Truman: an Index to Proverbs in the Works of Harry S. Truman. New York : Peter Lang Publishing Inc., 1997. 247 p.

62. Іваноў Я.Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа «Новая зямля») : лексікаграфічны аспект. Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. 84 с.

World Author's Eptography: Prehistory, Contemporary State, Perspectives

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 5–26.

DOI: 10.17223/22274200/22/1

Liudmyla P. Diadechko, Kyiv National Taras Shevchenko University (Kyiv, Ukraine).

E-mail: eptonim@ukr.net

Keywords: author's lexicography, phraseology, quotation, winged words, intertexteme, eptonym, eptography.

The article deals with a direction of author's lexicography, which is actively developing but insufficiently studied in science. The direction focuses on the influence of an outstanding person's speech creativity on the development of a linguaculture. The article aims to establish the lexicographic conceptions of reflecting the author's word that exists in speech in the world's dictionary practice and to substantiate the need for the development of eptography (dictionary description of eponyms (L.P. Diadechko), i.e., winged words in the narrow sense, along with phraseological units and proverbs) as an independent genre. Over 70 dictionaries of quotations and their derivatives have been analyzed to achieve the aim. Of them, 48 are dictionaries describing a few language families discussed in the article. These units are differently termed in national philological traditions; therefore, a number of concepts were clarified. Thus, using the method of calculations, a fundamental difference was proved in the quantitative composition of components of eponyms and quotations: in the dictionary of eponyms from *Woe from Wit*, all expressions are subject to Miller's formula 7 ± 2 , while, in quotation dictionaries, 40–70 % of register units exceed the upper limit, including from 10 to 50 or more words. A quantitative analysis also helped to separate eponyms from intertextemes (K.P. Sidorenko) and from winged quotations: both are recorded by the compilers of dictionaries only in one or two contexts; therefore, it is impossible to assert their integration in speech usage. The results of experiments carried out on the material of Russian, Ukrainian, and Turkish showed that, in mass linguistic consciousness, eponyms are stored in the unity of new form and new content, different from those that characterize original text fragments. Taking into account the structural, semantic, and functional properties and principles of the dictionary description of the author's word as "alien" made it possible to distinguish four genres: 1) dictionaries of quotations, 2) dictionaries of intertextemes, 3) dictionaries of winged quotations, 4) dictionaries of eponyms. Each of them is important for national linguacultures: dictionaries of quotations reflect the national linguistic picture of the world in the person of its bright representative; dictionaries of intertextemes and winged quotations, in addition, demonstrate the existence of author's expression in speech. However, only dictionaries of eponyms provide information about the new linguistic unit that has emerged based on the author's text: variants of its structure, semantics, and features of functioning in speech. Therefore, the significance of eponymic dictionaries, compiled so far only on the material of East Slavic languages, is the same as that of general explanatory dictionaries. The prerequisites for the development of author's eptography have already been created: the emergence of the genre of dictionaries of quotations, intertextemes, and winged quotations in the world dictionary practice is, in fact, its prehistory.

References

1. Melent'eva, O.A. (2014) *Slovari yazyka Chosera v paradigme angliyskoy pisatel'skoy leksikografii* [Dictionaries of Chaucer's Language in the paradigm of English literary lexicography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.
2. Gel'gardt, R.R. (1983) *Slovar' yazyka pisatelya: k istorii stanovleniya zhanra* [Dictionary of the writer's language: on the history of the genre]. In: *Leksicheskie*

editsy i organizatsiya struktury literaturnogo teksta [Literary text lexical units and structure]. Kalinin: Kalinin State University. pp. 18–35.

3. Fonyakova, O.I. (1993) *Ocherk razvitiya pisatel'skoy leksikografii v otechestvennom yazykoznanii (1883–1990)* [Essay on the development of writer lexicography in Russian linguistics (1883–1990)]. In: *Iz istorii nauki o yazyke: (pamyati prof. Yu.S. Maslova)* [From the history of the science of language: (in memory of Prof. Yu.S. Maslov)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 113–134.

4. Karpova, O.M. (2011) *English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.)*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

5. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author's lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

6. Galiullin, K.R., Karimullina, R.N. & Minhazheva, L.S. (2006) *Musa Jalil. Language of Moabit Notebooks: A Dictionary*. Kazan: Magarif. (In Tatar).

7. Galiullin, K.R. & Karimullina, R.N. (2006) O slovarnom opisanii yazyka proizvedeniy Musy Dzhaliya: “Moabitskie tetrady” [On the dictionary description of the language of Musa Jalil's works: Moabit Notebooks]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 148 (3). pp. 55–64.

8. Arshba, N.V. & Nachkebiya, S.M. (1986) *Slovar' yazyka Dmitriya Gulia* [Dictionary of Dmitry Gulia's language]. Sukhumi: Alashara.

9. Papoyan, A. (1986) *Dictionary of works and translations of Paruyr Sevak*. Yerevan. (In Armenian).

10. Shanidze, A.G. (1956) *Symphony to the poem by Shota Rustaveli “The Knight in the Panther's Skin”*. Tbilisi: Tbilisi State University. (In Georgian).

11. Sanikidze, T.V. (1982–1983) *Slovar' poezii Akakiya Tsereteli* [Dictionary of the poetry of Akaki Tsereteli]. Tbilisi: Tbilisi State University.

12. Bizhoviev, B.Ch. (ed.) (2016) *Slovar' yazyka Alima Keshokova* [Dictionary of the language of Alim Keshokov]. Nalchik: Izd. otel KBIGI. [Online] Available from: <http://www.kbigi.ru/fmedia/izdat/ebibl/slovar.pdf>

13. Karpova, O.M. & Utkina, N.S. (2013) *Angliyskaya avtorskaya leksikografiya: ot Shekspira k Garri Potteru* [English author's lexicography: from Shakespeare to Harry Potter]. Ivanovo: Ivanovo State University.

14. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-e gg. XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.

15. Karpenko, M.A. (1976) Obobshchenno-simvolicheskie slova i frazoupotreblenie v gor'kovskoy rechi i ego rezonans v russkom literaturnom yazyke [Generalized symbolic words and phrase usage in Gorky's speech and its resonance in the Russian literary language]. In: *Slavica XIV*. Debrecen. pp. 75–86.

16. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [A large dictionary of winged words and expressions of the Russian language]. Vol. 2. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

17. Koval', A. & Koptilov, V. (2011) *Winged expressions in the Ukrainian literary language*. 3rd ed. Kyiv: Yaroslaviv Val. (In Ukrainian).

18. Diadechko, L.P., Petrenko, O.V. & Pradid, Yu.F. (2012) *250 krylattykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: russko-ukrainskiy tolkovyy slovar'* [250 winged words and expressions of N.V. Gogol: Russian-Ukrainian explanatory dictionary]. Simferopol: Lemesheko K.A.
19. Dzidziguri, Sh. & Chitaia, G. (eds) (1950–1955) *Georgian figurative words and expressions*. In 3 volumes. Tbilisi: Sakhelgami. (In Georgian).
20. Popescu, I. (1991) *Cuvinte înaripate: originea și semnificația celor mai frecvente cuvinte și expresii înaripate*. Chișinău: Cartea Moldovenească.
21. Hüseyinzadə, Ə. (1984) *Qanadlı sözlər* [Winged words]. Bakı: Yazıcı. (In Azerbaijani).
22. Gyyzətullin, I. (2020) *Kanathy szlär* [Winged words]. Kazan: Zaman. (In Tatar).
23. Ksenofontova, K.B. (2015) *Bergen etiler* [Winged words]. Dyukuuskay: Bichik. (In Yakut).
24. Petesheva, K. (2007) *Altay chymdy sös = Krylatye slova: altayskie poslovyty i pogovorki* [Winged words: Altai proverbs and sayings]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek. (In Altai and Russian).
25. Holm, P. (1955) *Bevingade ord och andra: Staende uttryck och benamningar*. Stockholm: Alb. Bonniers boktryckeri
26. Daoren, H. (n.d.) *Bilgenin Kanathı Sözləri*. İstanbul: Anahtar Kitaplar.
27. Kondakov, N.I. & Klenovskaya, L.A. (1989) *Krylatye argumenty (aforizmy i krylatye vyrazheniya v trudakh i vystupleniyakh K. Marksa, F. Engel'sa i V.I. Lenina)* [Winged arguments (aphorisms and winged expressions in the works and speeches of K. Marx, F. Engels and V.I. Lenin)]. Moscow: Znanie.
28. Zaytsev, S. & Zaytseva, T. (2000) *Vladimir Vysotskiy: "Zoloty moi rossypi...": stroki, stavshie krylatymi* [Vladimir Vysotsky: "My gold placers ...": lines that have become winged]. Moscow: Vagant-Moskva.
29. Grakan Tert. (2019) *Tumanyan statements*. 15 February. [Online] Available from: <http://www.grakantert.am/archives/12211>
30. Şerif, Ö. (1977) *Ahmet Hamdi Tanpınar'ın Görüşler, Düşünceler, Özdeyişler*. İstanbul: Yörük Matbaası.
31. Szekfü, G. (2014) *Széchenyi István: Széchenyi igéi*. Budapest: TINTA.
32. Tringl, L. (2017) *Báró Eötvös József igéi*. Budapest: TINTA.
33. Morgan, A.A. (1876) *The Mind of Shakespeare, as Exhibited in His Works*. London: G. Routledge and Sons.
34. Lofft, C. (2018) *Aphorisms From Shakespeare: Arranged According to the Plays, & C., With a Preface and Notes; Numerical References to Each Subject, and a Copious Index*. London: Forgotten Books.
35. Mikhnevich, A.Ya. (2002) *Jakub Kolas ponders, gives birth, laughs...: selected sayings of the folk singer*. Minsk: Belarusian State Institute of Cultural Problems. (In Belarusian).
36. Shklyarevskiy, I. (ed.) (1999) *Krylatye slova i aforizmy A.S. Pushkina* [Winged words and aphorisms of A.S. Pushkin]. Moscow: Gaz.-zhurn. obozrenie "Voskresen'e".
37. Bogdanova, L.F. (ed.) (2002) *Aforizmy i razmyshleniya A.S. Pushkina* [Aphorisms and thoughts of A.S. Pushkin]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University.
38. Armstrong, J. (2010) *The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations*. London: Methuen Drama.

39. Morpurgo, A. (1910) *Dizionario di citazioni dantesche, tratte dalla Divina commedia*. Annotate ed illustrate secondo i miglior commenti di Anselmo Morpurgo, con prefazione di GL Passerini. Città di Castello: Sasa editrice S. Lapi.

40. Dobel, R. (1999) *Lexikon der Goethe-Zitate*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co.

41. Aleksandrova, T.S. (2000) *Iz Gete. Krylatye slova. Tsitaty* [From Goethe. Winged words. Quotations]. Moscow: Agraf.

42. Köklügiller, A. (2007) *Atatürk'ten Düşünceler ve Özdeyişler*. İstanbul: Bahçeşehir Yayınları.

43. Madách, I. (n.d.) *Madách Imre: Az ember tragédiája (44 idézet)*. Budapest: Európa Könyvkiadó. [Online] Available from: https://www.citatum.hu/konyv/Az_ember_tragediaja

44. Pertseva, V.G. (2017) *Angloyazychnye slovari yazyka politikov i filosofov (na materiale slovarey tsitat i poslovits)* [English-language dictionaries of the language of politicians and philosophers (on the material of dictionaries of quotations and proverbs)]. Philology Cand. Diss. Ivanovo.

45. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* [Dictionary of winged expressions of Pushkin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University: Folio-press.

46. Mokienko, V.M., Semenets, O.P. & Sidorenko, K.P. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh vyrazheniy Aleksandra Griboedova ("Gore ot uma")* [A large dictionary of winged expressions by Aleksandr Griboedov ("Woe from Wit")]. Moscow: OLMA Media Grupp.

47. Sidorenko, K.P. (1998) *Tsitaty iz "Evgeniya Onegina" A.S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotations from "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin in texts of different genres]. St. Petersburg: Obrazovanie.

48. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2013) *Basni Ivana Andreevicha Krylova: Tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: slovar'-spravochnik* [Fables of Ivan Andreevich Krylov: Quotations, literary images, popular expressions: a reference dictionary]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

49. Shcherbina, V. (2001) *The Gospel of Ukrainians, or Winged Expressions of the Kobzar*. Kyiv: Vid-vo im. Oleni Teligi. (In Ukrainian).

50. Kol'tsova, L.M. & Churikov, S.A. (2012) *Krylatoe slovo A.V. Kol'tsova. Opyt slovary* [The winged word of A.V. Koltsov. A dictionary experience]. 2nd ed. Voronezh: Voronezh State University.

51. Diadechko, L.P. (2007) *"Krylatyy slova zvuk", ili Russkaya eptologiya: ucheb. posobie* ["The winged sound of the word", or Russian eptology: textbook]. 2nd ed. Kyiv: Avanpost-Prim.

52. Shulezhkova, S.G. (2010) *Imeyut li pravo krylatologi nazyvat' svoi spravochniki slovaryami? (Razmyshleniya po povodu yazykovogo statusa krylatykh edinit i printsipov ikh lingvisticheskogo opisaniya)* [Do researchers of winged words have the right to call their reference books dictionaries? (Reflections on the linguistic status of winged units and principles of their linguistic description)]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 23–28.

53. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1998) *Chitaya i pochtaya Griboedova. Krylatye slova i vyrazheniya* [Reading and honoring Griboedov. Winged words and expressions]. Moscow: Rus. yaz.

54. Prozorov, V.V. (2005) *Krylatye slova i vyrazheniya iz sochineniy N.V. Gogolya: slovar'-spravochnik lyubitelyam russkogo slova* [Winged words and expressions from the works of N.V. Gogol: a dictionary-reference book for lovers of the Russian word]. Saratov: Saratovteletfil'm – Dobrodeya.

55. Gnatyuk, L.P. & Diadechko, L.P. (2020) Explanatory Dictionary of Shevchenko's winged expressions in the Ukrainian language. In: *Shevchenko's word in the languages of the world*. Kyiv: Kyiv University. pp. 3–7, 19–431. (In Ukrainian).

56. Diadechko, L.P. (2020) *Tolkovyy slovar' krylytykh vyrazheniy Shevchenko v russkom yazyke* [Explanatory Dictionary of Shevchenko's winged expressions in the Russian language]. In: *Shevchenko's word in the languages of the world*. Kyiv: Kyiv University. pp. 433–478. (In Ukrainian).

57. Diadechko, L.P. & Ivanov, Ya.Ya. (2020) Explanatory dictionary of Shevchenko's winged expressions in the Belarusian language. In: *Shevchenko's word in the languages of the world*. Kyiv: Kyiv University. pp. 479–482. (In Ukrainian).

58. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 08.07.2020).

59. Mokienko, V.M. & Zykova, E.I. (2019) The School Dictionary of Russian Winged Words as an Object of Lexicographical Description. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 153–163. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/9

60. Benages, J.S. (1929) *Fraseología de Cervantes: colección de frases, refranes, proverbios, aforismos, adagios, expresiones y modos adverbiales que se leen en las obras cervantinas*. Madrid: Lux.

61. Mieder, W. & Bryan, G. (1997) *The Proverbial Harry S. Truman: an Index to Proverbs in the Works of Harry S. Truman*. New York: Peter Lang Publishing Inc.

62. Ivanov, Ya.Ya. (2004) *Aphorism of the language of a work of art (poem by Yakub Kolas "New Land")*: lexicographical aspect. Mogilev: Mogilev State University. (In Belarusian).

УДК 81'37

DOI: 10.17223/22274200/22/2

Л.В. Калинина, А.С. Фалеева

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВО- ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Анализируются средства семантизации переходного состояния в толково-идеографическом словаре (на примере «Большого толкового словаря русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко). Под переходным понимается состояние, в момент протекания которого X находится в процессе превращения в Y, на что указывает наличие в словарной дефиниции этого состояния определенного набора сем. Такого рода номинации располагаются в словаре не только в группах с типовой семантикой 'состояние', но и в целом ряде других.

Ключевые слова: *переходное состояние, толково-идеографический словарь, системная организация лексики, компонентный анализ, имя существительное*

Введение

Жизнь – это непрекращающаяся смена состояний. Еще Аристотель отмечал, что субъект постоянно «претерпевает» какое-то состояние: «Претерпеваемым состоянием в одном смысле называется качество, в отношении к которому возможны изменения... а в другом смысле так называются уже реальные процессы или изменения в области этих свойств» [1. С. 99–100]. А.А. Камалова в монографии «Семантическая категория состояния» пишет: «Философское изречение “всё течет, всё меняется” применимо, прежде всего, к состоянию, поскольку оно предполагает переход в другое, противоположное состояние, отображая жизнь, динамику материального мира» [2. С. 8].

Смена состояний непрерывно происходит как в окружающем мире, так и внутри человека (как живого организма и как духовной сущности). В настоящее время переходные состояния человека, общества и природы находятся в центре внимания многих гуманитарных наук: филологии, социологии, экономики, культурологии, психологии, филологии и др. [3–9]. М.Н. Эпштейн, автор «Проективного словаря гуманитарных наук», подчеркивает: «Сама логика развития информационного общества ведет к его переходу в *трансформационное*» [10. С. 7],

в связи с чем актуальность изучения разного рода переходных феноменов и пограничных явлений будет только возрастать. Язык как зеркало всего, что происходит в обществе и в сознании человека, удовлетворяет потребность людей словесно описывать всевозможные состояния.

Состояние – чрезвычайно широкое понятие, и лингвисты уже неоднократно обращались к анализу языковых средств его выражения с различных точек зрения и на материале разных языков. Из работ последнего времени назовем диссертационное исследование А.А. Камаловой «Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах», где доказывается, что состояние является универсальной семантической категорией и что «актуальное состояние в русском языке выражается совокупностью значений (значимостей), соотносимых с оппозициями динамичность / статичность, результативность / нерезультативность, активность / пассивность субъекта и др., которые составляют инвариант семантического поля, идентифицирующий различные категориально-семантические значения» [11. С. 7]. В работе «Семантическая категория состояния. Лингвофилософский очерк» А.А. Камалова продолжает свое исследование и сопоставляет аспекты изучения состояния в философии, квантовой механике, когнитивистике и языкознании [2]. А.В. Павлова в статье «Состояние как формат языкового знания (на материале современного английского языка)» приходит к выводу, что состояние – это особая «концептуально-сложная структура знания, не имеющая референтов в реальном мире, характеризующаяся инферентностью, обеспечивающая вторичную репрезентацию знаний о мире, обнаруживающая модусный характер» [12. С. 96]. Модусный, интерпретирующий характер семантической категории состояния подчеркивает и Л.А. Панасенко, высказывая мысль о том, что именно изменчивый, «динамический характер существования природных явлений и субстанций... выступает основанием для интерпретации событий, эмоциональных проявлений и действий человека, для которых движение является конституирующим признаком» [13. С. 65]. О.А. Селеменова в работе «Концепт *состояние природы* в русской языковой картине мира» выявляет 20 когнитивных признаков указанного концепта, среди которых важное место занимают стихийность, временность, локализованность, интенсивность, фазовость, движение, каузированность и др., характеризующие изменчивый характер состояния [14. С. 79–80]. Семантика изменения

внешнего или внутреннего состояния объекта на материале разных типов текста и разных языков рассматривается также в работах [15–19].

Постановка проблемы

Несмотря на внимание лингвистов к понятию «состояние» и средствам его репрезентации, языковые средства выражения именно переходного состояния пока не получили достаточного освещения. Одной из проблем изучения лексических единиц с семантикой переходного состояния являются само выявление их состава и разграничение понятий «состояние» / «не-состояние», «устойчивое состояние» / «временное состояние» / «пограничное состояние» / «переходное состояние», которые являются тесно связанными, пересекающимися, но не тождественными.

По утверждению Ю.П. Князева, «к *устойчивым* состояниям относятся прежде всего обозначения умений, навыков, предрасположений, устойчивых эмоциональных и интеллектуальных отношений... *временные* состояния актуальны в течение какого-то конкретного ограниченного периода времени и характеризуют лишь одну из “стадий” существования носителя данного состояния» [20. С. 428].

В связи с этим считаем важным отметить, что всякое переходное состояние – временное, но не всякое временное состояние – переходное. Например, такое физиологическое состояние, как лихорадка, – это состояние временное, и после окончания лихорадки субъект обычно возвращается к здоровому состоянию, что можно схематично описать через формулу $X \rightarrow (\text{временное состояние}) \rightarrow X$. С другой стороны, такое физиологическое состояние, как агония – тоже временное состояние, однако ведущее к переходу от состояния X к состоянию Y , т.е. от жизни к смерти: $X \rightarrow (\text{временное состояние}) \rightarrow Y$.

Также можно констатировать, что всякое переходное состояние – это пребывание «на грани» между некоторыми качествами, явлениями, процессами, но не всякое пребывание «на грани» завершается качественным изменением [17]. Например, в дефинициях слов типа *аффект, беспамятство, бешенство, гнев, горячка, запал, иступление, истерия, психоз, сумасшествие, угар, ярость* присутствует указание на максимальную, крайнюю, пограничную степень переживания. Однако такие состояния обычно являются кратковременными и обратимыми, в них можно «впасть» или испытать их «приступ» с последующим возвращением к исходному состоянию: $X \rightarrow (\text{пребывание}$

на грани) → X. При этом такие эмоциональные состояния, как *раздвоенность* или *разлом*, являются и «пограничными» (определяются в словарях как ‘колебание между двумя чувствами’), и переходными, так как в итоге субъект не может не склониться к одному из борющихся чувств: X → (*пребывание на грани*) → Y или Z.

Таким образом, для признания состояния переходным необходимо наличие у него признаков временности, динамичности, пограничности и выраженного «вектора» качественного изменения от исходного состояния к новому. Переходное состояние можно определить как состояние, в момент протекания которого X находится в процессе превращения в Y, т.е. обнаруживает в себе признаки и исходного (X), и нового (Y) состояния, при этом тяготея к Y.

Одной из актуальных проблем изучения лексических единиц с семантикой переходного состояния является их представление в толковых словарях, в частности в словарях толково-идеографических: насколько по словарной дефиниции можно понять, что речь идет именно о переходном состоянии? Какие семы для этого должны быть обязательно представлены в словарном толковании и какими языковыми средствами они могут быть выражены?

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности представления слов с семантикой переходного состояния в толково-идеографическом словаре и выявить средства семантизации переходного состояния в словарных дефинициях (на примере «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко).

Материал и методы исследования

Толково-идеографический словарь – это особый тип словаря, словарь-тезаурус. Языковой материал в таком словаре классифицируется по содержательно-тематическому принципу с целью представить системную организацию лексики; ср.: «Тезаурус – словарь (языка в целом или языка какой-нибудь специальной сферы деятельности) с полной и логически упорядоченной смысловой информацией» [21. С. 764]. У словаря-тезауруса есть свои преимущества перед обычными толковыми словарями. В предисловии к первому тому «Русского семантического словаря» указывается: «Каковы бы ни были старания лексикографа, описание лексики, ведущееся в алфавитном порядке (“от абазура до ящура”), неизбежно сопряжено с непоследовательностями

и неточностями, а иногда и с противоречиями» [22. С. XXI]. Ср. в связи с этим критику лексикографических описаний в толковых словарях в [23]. Что касается толково-идеографических словарей, то в них решается задача «лексикографической параметризации полученных научных знаний о системной организации лексики» на принципах иерархии, дополнительности, вариативности и пересекаемости классов [24. С. 13–14]. Примерами такого рода изданий могут служить «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н.Ю. Шведовой [22], «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова [25], «Проективный словарь гуманитарных наук» М.Н. Эпштейна [10], серия толково-идеографических словарей разных частей речи (глаголов, существительных, прилагательных) под редакцией Л.Г. Бабенко [24, 26, 27]. При этом постоянно существует потребность в составлении новых, специализированных в той или иной области толково-идеографических словарей (ср., напр.: [28]).

Для решения задач нашего исследования обращение именно к толково-идеографическим словарям оптимально по той причине, что уже сами рубрики словаря-тезауруса позволяют находить интересующие нас лексические единицы с общей семантикой состояния, чтобы затем выявлять среди них единицы с семантикой переходного состояния.

Непосредственным материалом для наблюдений послужили дефиниции из «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко (далее – БТСРС) [26]. Выбор данного словаря для специального рассмотрения обусловлен тем, что он представляет собой завершенное однотомное издание, в котором состояния, будучи выражены именами существительными, предстают как познанные человеком «предметы».

Основными методами, использованными при проведении исследования, являются метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа. В качестве вспомогательного используется метод количественных подсчетов.

Как известно, словарные толкования строятся на определенных принципах и бывают следующих видов: оstenсивные, словесные, родовидовые, идентифицирующие, описательные, перечислительные, синонимические, антонимические [29]. Большинство словарных определений относится к родовидовым и идентифицирующим, когда в толкующей части сочетаются подведение некоего явления под общее (родовое)

понятие и указание на специфические (видовые) признаки понятия. Следовательно, в словарных толкованиях лексем с семантикой переходного состояния должно быть представлено одновременно несколько сем:

- родовая (идентифицирующая) сема ‘состояние’, которая может быть представлена в толковании с помощью самого существительного *состояние* или – реже – с помощью его синонимов (*положение, статус, пребывание, ситуация* и др.);

- обязательные видовые (конкретизирующие) семы, указывающие на сам процесс изменения, перехода и его особенности: ‘изменение’, ‘переход’, ‘превращение’, ‘промежуточное положение’, ‘нарастание’, ‘убывание’ и т.п.;

- факультативные видовые (конкретизирующие) семы, которые позволяют понять, кто или что претерпевает данное состояние, чем вызвано данное состояние (внешним воздействием или естественными причинами), оценивается ли данное состояние как ‘изменение к лучшему’ или ‘изменение к худшему’ и др.

В соответствии с этим исследование осуществляется в определенной последовательности:

- 1) в составе толково-идеографического словаря выявляются рубрики, специально предназначенные для лексических единиц с семантикой состояния;

- 2) состав этих рубрик анализируется с количественной и качественной точек зрения: сколько слов включено в данную рубрику и сколько из них характеризует именно переходное состояние;

- 3) в дефинициях лексических единиц с семантикой переходного состояния выявляются языковые средства выражения данной семантики;

- 4) с учетом установленных средств выражения семантики переходного состояния и с целью уточнения состава номинаций переходных состояний анализируются другие рубрики словаря.

Представление и обсуждение результатов

Обращение к БТСРС показало, что лексические единицы с семантикой переходного состояния представлены не только в тех рубриках, в названии которых есть слово *состояние*. Это связано с тем, что, по замыслу авторского коллектива, «семантизация существительных

в словаре осуществляется многократно: в дефиниции, в зоне лексических категорий, иллюстрацией, а также (неявно) положением в лексической парадигме, т.е. местом в общей системе лексических групп» [26. С. 22]. Данный подход при составлении идеографического словаря представляется целесообразным и отчасти позволяет решить объективно существующую проблему пересечения классов [22. С. XI].

Анализ структуры и содержания БТСРС позволяет говорить о трех способах семантизации существительных со значением 'переходное состояние': 1) включение слова *состояние* в название лексической группы; 2) указание на присутствие семы 'состояние' в типовой семантике лексической группы; 3) наличие средств выражения переходного состояния в самом толковании той или иной лексической единицы. Поиск номинаций с семантикой переходного состояния на основании первых двух критериев является неспециализированным (так как не всякое состояние – переходное), но позволяет обнаружить в составе словарных толкований те средства (лексические, морфологические, словообразовательные), которые дают возможность идентифицировать лексические единицы с семантикой переходного состояния.

I. Семантизация состояния посредством включения слова *состояние* в название лексической группы

В БТСРС содержится 6 рубрик, специально посвященных состояниям (слово *состояние* включено в их названия). Перечислим их и укажем количество слов со значением переходного состояния по отношению к общему количеству слов, входящих в ту или иную рубрику. Возможность отнесения конкретных номинаций к обозначениям именно переходных состояний устанавливалась на основе анализа словарных толкований на предмет наличия в них сем 'временность', 'динамичность', 'сочетание признаков X и Y', 'выраженное изменение X в Y'. Примеры такого рода анализа будут приводиться в ходе изложения.

«1.1.3. *Существительные, обозначающие физиологические состояния и процессы*». Из 59 слов, входящих в данную рубрику, мы на основе анализа словарных толкований относим к единицам со значением переходного состояния 6 слов (обозначим это как 6/59): *агония, дремота, полусон, похудание, реакция, тошнота*.

«1.2.2.6. *Существительные, обозначающие физиологические состояния и процессы, характерные для человека*». 1/14: *климакс*.

«1.3.2. Существительные, обозначающие **состояния** и процессы, характерные для животных». 0/3.

«7.1. Существительные, обозначающие эмоциональное **состояние**». 6/246: надлом, полузабытьё, раздвоение, раздвоенность, разлад, разлом.

«37.10. Существительные, обозначающие **состояние** экономики». 7/37: ажиотаж, воспроизводство, девальвация, инфляция, кризис, отток, ревальвация.

«40.5. Существительные, обозначающие **состояние** воюющих сторон». 2/9: нападение, перемирие.

Наиболее трудной для интерпретации результатов компонентного анализа является группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния, так как любая эмоция сама по себе является переходящей ('временность'), эмоции часто бывают сложными, противоречивыми ('сочетание признаков X и Y '), им свойственны нарастание и ослабление интенсивности ('динамичность'). Ср. в связи с этим [30]. Однако даже наличие перечисленных сем не всегда является достаточным для признания состояния переходным, если при этом не обнаруживается сема 'выраженное изменение X в Y '. Например, лексемы с семантикой страха (*боязнь, опасение, опаска, паника, страх, тревога, ужас*), смущения (*замешательство, конфуз, неловкость, растерянность, смущение, смятение, стыд*) или потери самоконтроля (*аффект, беспамятство, бешенство, гнев, забытьё, иступление, истерия, неистовство, психоз, угар, ярость*) не попадают в центральную зону нашего рассмотрения, так как обозначаемые ими эмоции нельзя описать через формулу «*этот X обычно превращается в Y* »: у них нет выраженного вектора изменения.

Сравним для примера номинации *агония* и *боязнь*. Значение лексемы *агония* можно истолковать через формулу «*этот X обычно переходит в Y* »: агония – это «движение по направлению» от жизни к смерти, это состояние перед смертью. Боязнь же не имеет однозначного направления развития: она может либо превратиться в более сильную эмоцию того же ряда (панику, ужас), либо осложниться эмоцией другого типа (любопытством, отвращением), либо исчезнуть совсем, поэтому лексема *боязнь* не является самоочевидным примером обозначения переходного состояния. Рассмотрим в связи с этим три контекста со словом *боязнь* из «Национального корпуса русского языка» [31].

По мере слов Глеба **боязнь** на лице Нади **перешла в** пепельный **страх** (А. Солженицын. В круге первом) – в данном случае одно эмоциональное состояние переходит в другое, более сильное состояние того же ряда, и контекст позволяет интерпретировать слово **боязнь** как стадию эмоции, предшествующую другой ее стадии: ‘боязнь усиливается и переходит в страх’.

Разные чувства **боролись** в нем: **и страх, и боязнь, и желание, и любовь** (В. Соллогуб. Метель) – в данном контексте речь идет о сложном эмоциональном переживании, одной из составляющих которого является боязнь, однако мы не воспринимаем описанную ситуацию как «переход» боязни то в страх, то в желание, то в любовь – все эти чувства сосуществуют и проявляют себя одновременно, о чем говорит глагол **боролись**.

В нашей семье царит тот уровень откровенности, когда **исчезает боязнь** выглядеть идиотом (З. Гердт. Рыцарь совести) – в этом примере боязнь как эмоциональное состояние не получает никакого развития, а просто перестает иметь место.

Как видим, хотя многие эмоциональные состояния потенциально могут быть расценены как переходные, они не являются переходными «по умолчанию», и номинирующие их лексемы каждый раз требуют специального рассмотрения в условиях контекста.

II. Семантизация состояния посредством включения семы ‘состояние’ в типовую семантику лексической группы

Вторым способом семантизации состояния в БТСРС является указание семы ‘состояние’ как части «типовой семантики» или как «базового имени» лексической группы. Кроме шести групп, перечисленных выше, этому критерию соответствует еще шесть групп.

«1.1.1.1. Существительные, обозначающие рождение живого существа» – типовая семантика ‘**состояние**, связанное с появлением на свет живого существа’, базовое имя ‘физиологическое **состояние**’. 5/8: беременность, зачатие, оплодотворение, роды, рождение.

«1.1.1.2. Существительные, обозначающие жизнь живого существа» – типовая семантика ‘физиологическое **состояние** живого организма (человека, животного) от зарождения до смерти’, базовое имя ‘физиологическое **состояние**’. 2/3: жизнь, существование.

«3.13. Существительные, обозначающие погоду» – типовая семантика ‘**состояние** атмосферы, характеризующееся температурой,

уровнем влажности, давлением, а также наличием или отсутствием ветра'. 3/24: оттепель, потепление, похолодание.

«7.3. Существительные, обозначающие эмоциональное отношение субъекта к окружающему миру» – базовое имя 'эмоциональное **состояние**'. 3/250: охлаждение, разочарование, раскаяние.

«11.5. Существительные, обозначающие физическую характеристику предмета» – типовая семантика 'основные физические характеристики предмета, его **состояний** и свойств', базовое имя '**состояние**'. 0/32.

«38.16. Существительные, обозначающие какую-либо социальную обстановку, положение дел» – базовое имя '**состояние**'. 2/19: кризис, напряжение.

В целом в БТСРС представлено 12 лексических групп, в описании которых тем или иным образом (в самом названии или в типовой семантике группы) заявлена сема 'состояние'. В этих 12 лексических группах в совокупности содержится 704 лексемы, 37 из которых мы считаем обозначениями переходных состояний. Далее покажем, на основании каких компонентов словарного толкования мы относим ту или иную лексическую единицу к номинациям переходных состояний.

Среди средств выражения семантики переходного состояния можно выделить лексические, морфологические и словообразовательные.

К основным **лексическим средствам** выражения семантики переходного состояния можно отнести следующие.

1. Слова со значением фазы (как правило, начальной) в развитии чего-л., изменения состояния во времени.

Зачатие – физиологический процесс зарождения плода в материнском организме; **начало** беременности.

Рождение – физиологический процесс появления на свет младенца, детеныша; **начало** жизни живого существа.

Нападение – состояние, при котором кто-л. **начал** вооруженные действия против кого-л. с враждебными намерениями; **напал** на кого-л., объявил войну.

2. Слова с семами 'увеличение, нарастание' / 'уменьшение, спад'.

Девальвация – состояние финансов страны, характеризующееся **снижением** курса национальной валюты по отношению к твёрдым валютам, международным счетным единицам, **уменьшение** реально-го золотого содержания денежной единицы.

Ревальвация – состояние финансов страны, при котором отмечается процесс **повышения** курса национальной валюты по отношению к международным валютным единицам, а также официальное **повышение** золотого содержания национальной денежной единицы.

3. Слова, прямо называющие прежнее и новое состояние.

Охлаждение – состояние **отчуждения, утраты интереса, любви** к кому-либо.

Разочарование – чувство **неудовлетворённости**, вызванное несбывшимися **ожиданиями или мечтаниями**.

Похудание – физиологическое состояние, проявляющееся в **утрате веса**.

4. Слова, указывающие на факт качественной (крутой, резкой, существенной) перемены состояния, установления нового положения дел.

Кризис – состояние, положение, **тяжелое и нестабильное, крутой перелом, резкое изменение**.

Оплодотворение – физиологический процесс слияния мужской и женской половых клеток, в результате которого образуется живая клетка, **способная развиться в новый организм**.

Напряжение – состояние, положение в какой-либо области деятельности, **грозящее перейти в конфликт**.

К **морфологическим средствам** выражения семантики переходного состояния отнесем предлоги, выражающие временные, причинные, пространственные отношения: **перед, после, в период, в результате, вследствие, от... до, между, к, на грани чего-л., вплоть до и др.**

Агония – физиологическое состояние организма **перед** смертью.

Жизнь – физиологическое состояние живого организма (человека, животного) **от** появления на свет **до** прекращения жизнедеятельности.

Беременность – физиологическое состояние женщины, самки живородящего животного **в период** развития в организме зародыша нового живого существа, плода.

К **словообразовательным средствам** выражения переходного состояния, которые могут присутствовать в составе как толкуемой, так и толкующей части определения, могут быть причислены:

1. Суффиксы со значением отвлеченного действия, процесса.

Потепление – погода, характеризующаяся **повышением температуры, изменением климатических условий**.

Инфляция – состояние финансов страны, при котором происходит **обесценивание денег**.

Воспроизводство – состояние экономики, при котором происходит **воссоздание** израсходованных факторов производства (природных ресурсов, рабочей силы, средств производства) посредством их последующего производства в неизменных размерах (простое воспроизводство) или во все увеличивающихся размерах (расширенное воспроизводство).

2. Приставки со значением изменения, обновления, промежуточного состояния (*пере-*), разделения на части (*раз-*), начала или завершения действия (*за-*, *пред-*, *у-*, *пре-*), неполноты признака (*полу-*, *не-*, *недо-*, *над-*) и др.

Зачатие – физиологический процесс зарождения плода в материнском организме или яйце.

Надлом – состояние угнетенности, упадка.

Перемирие – положение, при котором воюющие стороны по взаимному соглашению временно **прекращают** военные действия.

Полусон – неглубокий сон.

Разлом – состояние внутренней **раздвоенности**, **надломленности**, отсутствие единства, согласия.

Тошнота – физиологическое состояние, **предшествующее** рвоте.

Нередко в толковании представлено одновременно несколько средств выражения семантики переходного состояния. Приведем примеры.

Раздвоение – состояние душевного разлада, колебание между двумя чувствами, желаниями, **раздвоенность**. В данном толковании представлены слова, называющие возможность качественного изменения в одном либо другом направлении (*колебание между двумя чувствами, желаниями*), предлог *между*, приставка *раз-* (*раздвоение, раздвоенность*), суффикс отвлеченного действия *-ние* (*колебание*).

Климакс – физиологическое состояние человека в период угасания функций половой системы при переходе от зрелого возраста к пожилому (*чаще по отношению к женщине*). В толковании присутствуют лексические (*переход от чего к чему*), морфологические (*предлоги в период, от... к*) и словообразовательные (суффикс в слове *угасание*) средства выражения переходного состояния.

Ажиотаж – состояние рыночной экономики, при котором происходит искусственное повышение или понижение курса ценных бумаг, валютного курса, цен на товары, резко меняется конъюнктура, что дает возможность быстрого получения прибыли. В толковании при-

сутствуют слова с семами ‘увеличение’, ‘уменьшение’ и суффиксом *-ение* (*повышение, понижение*), а также со значением качественного изменения состояния (*резко меняется*).

Особо отметим и такие случаи, когда семантика переходного состояния явно выражается в иллюстративном материале.

Отток – состояние рынка, при котором происходит резкое сокращение количества товаров, капиталовложений и т.п. **В периоды кризисов происходит отток капиталов из страны.** Иллюстрация содержит семы ‘временность’ (*в периоды*), ‘динамичность, процессуальность’ (*происходит отток*), ‘переход к качественно иному состоянию’ (*кризис*).

Рождение – физиологический процесс появления на свет младенца, детеныша; начало жизни живого существа. **Вообще, с появлением ребенка приходит столько новых мыслей и забот!** (Л. Андреев). Пример употребления слова содержит временную сему ‘жизненный этап’ (*с появлением ребенка*), семы ‘динамичность, процессуальность’ (*приходит*) и ‘переход к качественно иному состоянию’ (*столько новых мыслей и забот*).

III. Семантизация переходного состояния с помощью лексических, морфологических, словообразовательных средств

Средства выражения семантики переходного состояния, выявленные при анализе лексических групп с типовой семантикой ‘состояние’, были обнаружены и в дефинициях лексических единиц, входящих в другие группы. Общее число таких групп – 22, а лексических единиц – 132, так что мы не будем перечислять их все, отметим лишь, что среди них есть обозначения возраста (*детство, зрелость, младенчество, молодость, отрочество, старость, юность*), оптических явлений (*полумгла, полумрак, полусвет, полутьма, рассвет, сумерки*), интеллектуальной деятельности (*замысел, план, прозрение, просветление*), проявления эмоций (*порыв, поползновение, пощада*), периодов времени (*весна, зима, лето, осень; вечер, день, ночь, утро; канун, межсезонье, предзимье, передышка*), развития процессов, явлений, событий (*возрождение, деградация, изменение, метаморфоза, перелом, становление*), обрядов (*венчание, конфирмация, отпевание, пострижение*), технических процессов (*амортизация, конверсия, модернизация, монтаж*), военных мероприятий (*демобилизация, капитуляция, мобилизация, увольнение*), видов политической деятельности (*демон-*

таж, контрреволюция, монополизация, огосударствление, революция, реставрация) и др.

Во всех таких случаях в словарных толкованиях в тех или иных комбинациях представлены семы 'временность', 'динамичность', 'сочетание признаков X и Y', 'выраженное изменение X в Y'. Приведем примеры без подробных комментариев, но графически выделяя в них средства выражения переходного состояния.

Юность – *возраст человека, являющийся промежуточным между отрочеством и зрелостью, в который происходят накопление и развитие жизненных сил организма; период жизни человека в таком возрасте.*

Весна – *время года, следующее за зимой и предшествующее лету.*

Деградация – *изменение чего-либо, приводящее к постепенному ухудшению, вырождению, утрате ценных свойств и качеств, упадок.*

Конфирмация – *обряд (в протестантстве), символизирующий достижение юношей или девушки церковного совершеннолетия (14–16 лет), также включение их в состав религиозного общества.*

Конверсия – *процесс перевода предприятий военно-промышленного комплекса на выпуск различных товаров народного потребления.*

Мобилизация – *военное мероприятие, при котором происходит перевод вооруженных сил в боевую готовность, а также призыв военнослужащих запаса в армию во время войны.*

Демонтаж – *действия, направленные на уничтожение или коренное преобразование общественных структур, системы управления государством и т.п.*

В целом языковой материал представлен в БТСРС следующим образом:

– в 6 лексических группах (общим объемом 368 лексических единиц) сема 'состояние' заявлена и в названии, и в описании типовой семантики; семантика переходного состояния отмечена у 22 лексических единиц из 368 (6% номинаций);

– еще в 6 лексических группах (общим объемом 336 лексических единиц) сема 'состояние' указана только в типовой семантике группы; семантика переходного состояния отмечена у 15 лексических единиц из 336 (4,5% номинаций);

– в 22 лексических группах (общим объемом 998 лексических единиц) в описании группы сема 'состояние' отсутствует; семантика

переходного состояния отмечена у 169 лексических единиц из 998 (17% номинаций).

Всего в БТСРС выявлено 34 лексические группы (общим объемом 1 702 единицы), семантика переходного состояния отмечена у 206 лексических единиц из 1 702 (12% номинаций).

В заключение отметим, что анализ толкований в ряде случаев выявил несовпадение наших привычных представлений о состояниях и не-состояниях, а также о состояниях устойчивых и временных, переходных и непереходных, с подачей соответствующих слов в словаре. Например, в рубрике 1.2.2.6. «Существительные, обозначающие физиологические состояния, характерные для человека» слово *щекотка* определяется как «физиологическое состояние, связанное с легкими прикосновениями к коже...», хотя щекотка – это, скорее, процесс или ощущение. У слов *забытье*, *похоть*, *сладострастие* нет указания на то, что это состояния временные. Некоторые слова из числа проанализированных встречаются сразу в нескольких рубриках, но семантика переходного состояния отражается не во всех дефинициях. Например, слово *ажитаж* в одном случае (в группе 7.1.) определяется как эмоциональное «состояние искусственно вызванного возбуждения, сильного волнения», т.е. не имеет семы перехода. В другом случае (в группе 37.10.) *ажитаж* определяется как явно переходное «состояние рыночной экономики, при котором происходит искусственное повышение или понижение курса ценных бумаг...» Отмеченные расхождения, несомненно, обусловлены сложностью для интерпретации самого языкового материала, что подтверждает актуальность дальнейшего изучения системной организации русской лексики.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Переходное состояние – это временное динамичное состояние при наличии выраженного «вектора» качественного изменения X в Y . Переходное состояние можно описать формулой «*этот X обычно превращается в Y* ». Лексические единицы с семантикой переходного состояния могут быть выявлены по наличию в словарных дефинициях родовой (идентифицирующей) семы ‘состояние’ и видовых (дифференцирующих) сем ‘временность’, ‘динамичность’, ‘сочетание признаков X и Y ’, ‘выраженное изменение X в Y ’.

2. Для выражения семантики переходного состояния используются лексические, морфологические и словообразовательные средства. Как правило, в словарном толковании представлено одновременно несколько средств выражения семантики переходного состояния.

3. Анализ БТСРС показал, что лексические единицы со значением переходного состояния обнаруживаются не столько в «специально отведенных» под описание состояний рубриках, сколько в рубриках с другой типовой семантикой. Очевидно, это объясняется наличием семантических пересечений, из-за чего одно слово теоретически может быть семантизировано по нескольким признакам и включено сразу в несколько групп. Для составителей словаря приоритетной задачей была «денотативная категоризация имен предметов <...> на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [26. С. 17]. Вероятно, поэтому лексические единицы со значением состояния располагаются в БТСРС внутри тех или иных денотативных классов как частные компоненты соответствующей типовой ситуации.

Перспективу исследования может составить описание лексических единиц с семантикой переходного состояния на материале других толково-идеографических словарей и других частей речи, а также в условиях реального контекстуального употребления.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. М.–Л. : Госсоцэкиздат, 1934. 348 с.
2. *Камалова А.А.* Семантическая категория состояния. Лингвофилософский очерк. Olsztyn : Centrum Badan Europy Wschodniej Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2008. 132 с.
3. *Барабаш Ю.Я.* Этнокультурное пограничье: концептуальный, типологический и ситуативный аспекты (Чужое–Иное–Свое) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 3. С. 290–329.
4. *Крючков В.Н., Гатин А.Р.* Экспресс-анализ переходного состояния компании // *Управленческие науки*. 2016. №1. С. 74–81.
5. *Куликова Т.В.* Феномен границы // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 6. С. 381–387.
6. *Куракина Е.В.* Проблема неопределенности бытия личности в обществе переходного состояния // *Научное мнение*. 2016. № 15. С. 69–72.
7. *Попов В.В., Иваненко А.А.* Переходные состояния: концептуально-семантические аспекты // *Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова*. 2011. № 2. С. 248–254.

8. Степанова А.А. Феномен перехода: культурно-эстетические аспекты и литературоведческий смысл // Уральский филологический вестник. 2017. № 3. С. 8–22.
9. Яковлева Т.А. Понятие переходный объект как когнитивный инструмент культурологии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 96–101.
10. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
11. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. 39 с.
12. Павлова А.В. Состояние как формат языкового знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 96–102.
13. Панасенко Л.А. Лексические категории как интерпретирующие форматы знания (на примере категорий артефактов, природных субстанций и природных явлений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 58–65.
14. Селеменова О.А. Концепт *состояние природы* в русской языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 73–81.
15. Гуревич Д.Л. Соотношение грамматического и семантического параметров у глаголов изменения состояния в португальском языке // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 2. С. 38–52.
16. Казарина В.И. К вопросу о состоянии как семантической категории // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 60–71.
17. Калинина Л.В. Семантика неуловимого: где проходит *тонкая грань* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 114–124.
18. Фещенко В.В. Можно ли понимать, не понимая? Абсурдистский текст как пограничье между смыслом и бессмыслицей // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 102–109.
19. Bromhead H. Disaster linguistics, climate change semantics and public discourse studies: a semantically-enhanced discourse study of 2011 Queensland Floods // Language Sciences. 2021. Vol. 85. Art. 101381.
20. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
21. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : ЭКСМО, 2005. 944 с.
22. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. Т. 1. XXV, 807 с.
23. Руделев В.Г., Руделева О.А. Заметки о подаче слова (лексемы) в толковом словаре языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 84–94.
24. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание; английские эквиваленты; синонимы; антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
25. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М. : Прометей, 1990. 252 с.

26. *Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание; синонимы; антонимы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс-Книга, 2005. 863 с.

27. *Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 864 с.

28. *Королькова М.Д.* Представление ремесленной лексики Присурского Поволжья в тематическом словаре: предпосылки создания, состав и структура // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 40–66.

29. *Благова А.Р.* Определение как логическая и лингвистическая категория // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 72–83.

30. *Бабенко Л.Г.* Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. Т.В. Романова. Н. Новгород : Деком, 2019. С. 32–37.

31. *Национальный корпус русского языка.* URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

The Transitional State as an Object of Description in an Explanatory-Ideographic Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 27–47. DOI: 10.17223/22274200/22/2

Liudmila V. Kalinina, Anna S. Faleeva, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru / FaleevaAnn@yandex.ru

Keywords: transitional state, explanatory-ideographic dictionary, systemic organization of lexis, component analysis, noun.

The article aims to analyze the representation of words with semantics of the transitional state in an ideographic dictionary and to identify the means of semanticization of the transitional state in dictionary definitions. The authors address the problem of distinguishing the concepts of “state”/“non-state”, “temporary state” / “border state” / “transitional state”. According to the authors, the transitional state is the state at the moment of which *X* is in the process of turning into *Y* (for example, *agony* is a transition from life (*X*) to death (*Y*); *warming* is a transition from cold (*X*) to heat (*Y*); *youth* is a transition from adolescence (*X*) to maturity (*Y*), etc.). In the dictionary definitions of nominations of the transitional state, the semes “temporality”, “dynamism”, “combination of signs *X* and *Y*”, “pronounced change of *X* into *Y*” should be detected. The research was carried out on the material of the *Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns* edited by L.G. Babenko. The research methods were dictionary definitions analysis, component analysis, and quantitative calculations. The research included several stages: 1) identification of categories with the typical semantics of “state” in the dictionary; 2) identification of units with the semantics of the transitional state in these categories; 3) identification of linguistic means of expressing the semantics of the transitional state; 4) analysis of other categories of the dictionary taking into account the established means of expressing the semantics of the transitional state. In the course

of the research, three ways of expressing the meaning of the transitional state were characterized: 1) the inclusion of the word *state* in the name of a lexical group – 6 lexical groups with a total of 368 nominations, 22 of which name transitional states; 2) the indication of the presence of the seme “state” in the typical semantics of a lexical group – 6 lexical groups with a total of 336 nominations, 15 of which name transitional states; 3) the presence of means of expressing the transitional state in the very interpretation of a particular lexical unit – 22 lexical groups with a total of 998 nominations, 169 of which name transitional states. Finally, 34 lexical groups with a total of 1702 units were identified, of which 206 units (12%) name transitional states. The research shows that lexical, morphological, and word-forming means are used to express the semantics of the transitional state – as a rule, in a complex. The research has revealed that lexical units with the meaning of the transitional state are found not so much in categories specially designated for the description of states as in categories with other typical semantics. Obviously, this is due to the presence of semantic intersections, which is why one word can be described by several parameters and included in several denotative classes at once, in most of which it describes some particular manifestation of the corresponding typical situation.

References

1. Aristotle. (1934) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow; Leningrad: Gossosekizdat.
2. Kamalova, A.A. (2008) *Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya*. *Lingvofilosofskiy ocherk*. Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego w Olsztynie.
3. Barabash, Yu.Ya. (2019) Ethnocultural frontier: Conceptual, typological, and circumstantial aspects (Alien – other – one’s own). *Studia Litterarum*. 4 (3). pp. 290–329. (In Russian).
4. Kryuchkov, V.N. & Gatin, A.R. (2016) Ekspress-analiz perekhodnogo sostoyaniya kompanii [Express analysis of the transitional state of a company]. *Upravlencheskie nauki*. 1. pp. 74–81.
5. Kulikova, T.V. (2010) Fenomen granitsy [The phenomenon of the border]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6. pp. 381–387.
6. Kurakina, E.V. (2016) Problema neopredelennosti bytiya lichnosti v obshchestve perekhodnogo sostoyaniya [The problem of the uncertainty of being of a person in a transitional society]. *Nauchnoe mnenie*. 15. pp. 69–72.
7. Popov, V.V. & Ivanenko, A.A. (2011) Perekhodnye sostoyaniya: kontseptual’no-semanticheskie aspekty [Transition states: conceptual and semantic aspects]. *Vestnik Taganrogskogo instituta im. A.P. Chekhova*. 2. pp. 248–254.
8. Stepanova, A.A. (2017) Phenomenon of transition: Cultural-aesthetic aspects and literary sense. *Ural’skiy filologicheskij vestnik*. 3. pp. 8–22. (In Russian).
9. Yakovleva, T.A. (2016) Ponyatie perekhodnyy ob’ekt kak kognitivnyy instrument kul’turologii [The concept of a transitional object as a cognitive tool of cultural studies]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul’tury i iskusstv*. 1 (45). pp. 96–101.
10. Epshteyn, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar’ gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Kamalova, A.A. (1999) *Semanticheskie tipy predikatov sostoyaniya v sistemnom i funktsional'nom aspektakh* [Semantic types of state predicates in the systemic and functional aspects]. Philology Dr. Diss. Ufa.

12. Pavlova, A.V. (2016) State as a linguistic knowledge format (Based on modern English language). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3. pp. 96–102. (In Russian).

13. Panasenko, L.A. (2012) Lexical categories as interpretative formats of knowledge (Based on the categories of artifacts, natural substances and natural phenomena). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 58–65. (In Russian).

14. Selemeneva, O.A. (2012) The concept state of nature in the Russian world view. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 73–81. (In Russian).

15. Gurevich, D.L. (2021) Correlation of grammatical and semantic parameters in Portuguese change-of-state verbs. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 7 (2). pp. 38–52. (In Russian).

16. Kazarina, V.I. (2002) K voprosu o sostoyanii kak semanticheskoy kategorii [On state as a semantic category]. In: *Predlozhenie. Tekst. Rechevoe funktsionirovanie yazykovykh edinits* [Sentence. Text. Speech functioning of language units]. Elets: Elets State University. pp. 60–71.

17. Kalinina, L.V. (2020) Semantics of imperceptible: Where the tonkaja gran' passes. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 114–124. (In Russian).

18. Feshchenko, V.V. (2009) *Mozhno li ponimat', ne ponimaya? Absurdistskiy tekst kak pogranich'e mezhdru smyslom i bessmyslitsey* [Can one understand without understanding? Absurdist text as a boundary between meaning and nonsense]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 102–109.

19. Bromhead, H. (2021) Disaster linguistics, climate change semantics and public discourse studies: a semantically-enhanced discourse study of 2011 Queensland Floods. *Language Sciences*. 85. Art. 101381.

20. Knyazev, Yu.P. (2007) *Grammaticheskaya semantika: russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

21. Krysin, L.P. (2005) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: EKSMO.

22. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskii slovar'.* *Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.

23. Rudelev, V.G. & Rudeleva, O.A. (2012) Notes on defining a word (a lexeme) in a dictionary. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 84–94. (In Russian).

24. Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisanie; angliyskie ekvivalenty; sinonimy; antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: ideographic description; English equivalents; synonyms; antonyms]. Moscow: AST-Press.

25. Baranov, O.S. (1990) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic dictionary of the Russian language]. Moscow: Prometey.

26. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoe opisanie; sinonimy; antonimy* [A large explanatory dictionary of Russian nouns: ideographic description; synonyms; antonyms]. Moscow: AST-Press-Kniga.

27. Babenko, L.G. (ed.) (2012) *Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam* [Dictionary-thesaurus of Russian adjectives distributed by thematic groups]. Yekaterinburg: Ural State University.

28. Korol'kova, M.D. (2021) Representation of the Handicraft Vocabulary of the Sura Volga Region in a Thematic Dictionary: Prerequisites for Creation, Composition and Structure. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 20. pp. 40–66. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/20/3

29. Blagova, A.R. (2020) Definition as a Logical and Linguistic Category. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture*. 4 (1). pp. 72–83. (In Russian). 10.24833/2541-8831-2020-1-13-72-83

30. Babenko, L.G. (2019) Tipologiya mental'nykh sliyanii v strukture kompleksnykh emotivnykh kontseptov [Typology of mental fusions in the structure of complex emotive concepts]. In: Romanova, T.V. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. Vol. XXXVII. N. Novgorod: Dekom. pp. 32–37.

31. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/>

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/22/3

Г.А. Мольков

**АНОНИМНЫЙ РУССКО-ЛАТИНСКО-НЕМЕЦКИЙ
ЛЕКСИКОН СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ
БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК:
ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВНИКА**

Описываются характерные особенности организации реестровой русской части рукописного лексикона из собрания БАН, созданного в 50–60-е гг. XVIII в., дающего важную информацию о слабо исследованном периоде в развитии русской лексикографии. Путем сопоставления с рядом иностранных переводных словарей показывается, что основным способом пополнения реестра исследуемого лексикона является перевод немецкого и латинского словника иноязычного словаря, о чем говорят разного рода повторы в его реестре.

Ключевые слова: история лексикографии, переводные словари, рукописный лексикон, русско-латинско-немецкий словарь

Русская лексикография XVIII века изучена крайне фрагментарно. Печатные словарные издания, количество которых в течение этого столетия неуклонно росло – от 25 словарей разного типа в первой четверти века до почти двухсот изданий в последней четверти – в большинстве своем введены в научный оборот. Сведения о печатных словарях приведены в сводном каталоге В.П. Вомперского [1], их общей типологии и описанию отдельных словарных изданий посвящены работы Е.Э. Биржаковой [2]; существуют научные исследования по отдельным аспектам изучения словарей XVIII в. (см., напр., работы сотрудников «Словаря русского языка XVIII века» О.Е. Березиной, А.А. Алексева, Л.А. Войновой и др., представленные в сборнике [3]). Рукописные словари исследованы в еще меньшей степени: не существует справочников, обобщающих сведения о рукописных лексиконах XVIII в. [2. С. 15], изданы лишь отдельные из них [4, 5], среди источников «Словаря русского языка XVIII века» [6. С. 58–139] нет ни одного рукописного словаря (за исключением опубликованных).

К числу малоизученных рукописных словарей XVIII в. относится анонимный триязычный лексикон (*Ле́жиконъ, то есть словесникъ*

обстоятельный словеноро^сйскій¹, латинскій, немецкій), хранящийся в рукописном отделе БАН под шифром 31.3.32. Лексикон включает три тома: 1-й от А до Н, 2-й от О до С и 3-й от Т до V (672 + 527 + 325 л.). Словарь не был завершен, так как последний том содержит только русский реестр слов (за исключением небольшого отрезка на Ф, содержащего как словник, так и словарные статьи с переводом).

Единственное исследование, посвященное этому словарю, – кандидатская диссертация С.А. Валериус. Часть § 3 первой главы этой работы рассматривает вопрос о возможных источниках, которыми пользовался составитель словаря, а также содержит обзор основных особенностей лексики и фразеологии, отраженных в анонимном лексиконе [8. С. 76–90].

По мнению исследовательницы, лексикон создавался под сильным влиянием Вейсманнова лексикона 1731 г. [Там же. С. 77–78]. В работе Валериус описаны некоторые особенности построения статей в лексиконе: заголовочное слово в большинстве случаев сопровождается толкованием и / или рядом синонимов, при омонимах даются пояснения (типа *гребень, хохол / гребень, гребенка железная*). Не вполне точно, на наш взгляд, Валериус называет статью словаря всю совокупность однокоренных слов и приводимых словосочетаний с ними: каждое из таких слов начинается с нового абзаца, сопровождается переводом на латынь и немецкий и, очевидно, представляет собой самостоятельную статью (ниже под словарной статьей мы понимаем каждую лексическую единицу, снабженную переводом на латынь и немецкий и / или отсылкой к другой словарной статье).

По мнению исследовательницы, в русской части анонимный лексикон отличается «богатством синонимических рядов» и «разнообразием лексики с точки зрения стилистической» [Там же. С. 76]. С.А. Валериус описывает стилистический диапазон входящего в лексикон словарного материала – от церковнославянизмов до грубого просторечия и заимствований разных тематических групп [Там же. С. 80]; также рассматривает характеристики заимствованной лексики в словаре, обращая внимание на то, что «в основном это слова, не имевшие однословных русских эквивалентов» [Там же. С. 81]. Отдельно С.А. Валериус останавливается на народно-разговорной лексике, давая перечень маркированно разговорных суффиксов, встретившихся в лексике

¹ О термине *словенороссийский* (вар. *славянороссийский*) язык см.: [7].

словаря [8. С. 82–83], отмечая ранний характер фиксации отдельных слов этой категории в словаре [8. С. 83–84]. Фразеология, представленная в лексиконе, рассмотрена С.А. Валериус в сопоставлении с материалом Вейсманнова лексикона 1731 г. Это позволило показать, что некоторые латинские и немецкие выражения переведены в анонимном лексиконе более дословно, чем в более раннем печатном [Там же. С. 86–87].

В настоящей статье рассмотрены принципы составления словника анонимного рукописного лексикона из собрания БАН, определяющие его место в становлении традиции толковой лексикографии в России; главной целью является доказательство компилятивной природы его русской части, составленной с опорой на разные источники. В связи с этим решается ряд задач: проанализировать информацию, которую содержит предисловие словаря; выявить все используемые в лексиконе структурные типы словарных статей по соотношению русской и иноязычных частей; найти текстуальные совпадения в данном лексиконе и более ранних словарях, доказывающие факт заимствования языкового материала анонимным автором; описать особенности порядка следования словарных статей. В связи с этими задачами статья имеет следующую структуру: в первой части рассмотрена информация предисловия, позволяющая уточнить время создания словаря, во второй рассмотрены структурные типы статей, позволяющие указать конкретный источник заимствования, в третьей – типы, дополнительно указывающие на компилятивную природу словаря, в четвертой части проанализированы особенности алфавитного порядка расположения словарных статей, в заключении содержатся выводы.

В каталоге БАН словарь датирован по бумаге 40–60-ми гг. XVIII в., т.е. относится к тому же периоду в развитии русской лексикографии, что и созданные при Академии наук объемные лексикографические труды А.И. Богданова, К.А. Кондратовича и др., которые так и не были напечатаны, но послужили важной стадией в подготовке «Словаря Академии Российской» и в целом поспособствовали его созданию в короткие сроки [9. С. 205]. Принадлежность рассматриваемого лексикона начальной стадии в собирании и обработке лексики русского литературного языка современного типа, составившей основу последующей традиции академической толковой лексикографии, обуславливает актуальность исследования этого словарного труда, в том числе принципов формирования его словника с применением сравнительного метода.

Предисловие анонимного автора словаря заслуживает отдельного внимания, так как содержит важную информацию для уточнения времени создания лексикона. В предисловии автор пишет об умножении наук в России благодаря реформам Петра I, в частности упоминает *московский императорский университет*, т.е. дошедшая до нас версия словаря создавалась после 1756 г. Таким образом, предполагаемое время создания рукописи сужается до второй половины 1750–1760-х гг. Описывая цели составления лексикона, автор упоминает и ряд источников, которыми он пользовался: *для вяще^н пользы во ученіи сущи^н и скорѣишаго понятія рѣче^н, в наука^х же бывшимъ для неса^бвенно^н памяти, а протчи^х некасающимся наукъ для ясне^ншаго знанія се^н в рукахъ вѣишихъ ѿмѣюще^нся росиско^н лѣзико^н то е^сть словесникъ поросиски толкуется вновь со^бсяки^н о^бстоятельство^н сочинень, і всѣ ро-сискіе слова в началѣ по граматически^н правила^н по азбуке в чинъ положены толико ясно что нетокмо совершенны му^ж но и млады о^мрокъ потребное слово сыскать и ра^зумѣть возможе^н, и ктому два главные ино^транные языки собравъ о^м знатныхъ авторовъ **калепи-ни, списерій**, и протчихъ латинско^н пото^н немецко^н присовокуплены* (л. 2 об.). По этому описанию можно судить, что автор не дополнил русской частью какой-то конкретный переводной словарь (как это практиковалось в XVIII в.), но компилировал материал разных словарей. Из упомянутых им авторов – Амброзио Калепино и Теодор Списер(ий)¹. Первый из них – автор широко известного словаря, дополненного последователями до 11 языков². В библиотеке Академии наук имелось его издание 1685 г.: Calepini (Ambrosii) dictionarium XI linguarum. Lugdini, 1685 [11. С. 149]. Второй лексикограф – автор латино-немецкого и немецко-латинского словаря, выдержавшего два издания [12. С. 654]: Theodori Spieseri Lexicon universale latino-germanicum & germanico-latinum (Basel, 1700, 2-е изд. 1716).

По нашим наблюдениям, именно иноязычные словари послужили основным источником, которым пользовался анонимный автор словаря при формировании словника.

¹ С.А. Валериус, вследствие, по-видимому, неверного прочтения рукописи, пишет об упоминании в предисловии Калепино и Целлария [8. С. 76].

² У А. Калепино заимствовал почти всю латинскую часть для своего словаря крупнейший восточнославянский лексикограф середины XVII в. Епифаний Славинецкий [10. С. 55].

Прежде всего отметим, что словарь содержит черты пополнения славянского реестра путем перевода латинского и немецкого словников. Этот прием был хорошо известен русской лексикографии к середине XVIII в. В первом русском печатном переводном словаре – «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1704) – заголовки славянской реестровой части являются «переводами следующих за ними греческих и латинских слов и словосочетаний», в результате чего «на одно слово в Лексиконе во многих случаях приходится большое число словарных статей» [13. С. 84]. Аналогичным образом действовал и Я. Брюс при составлении «Русско-голландского лексикона» (1717), о чем позволяет судить тот факт, что в нем «отдельными словарными строками представлены однозначные слова, если им соответствуют разные лексемы в голландском языке» [14. С. 30]. Похожие, хотя немногочисленные примеры можно встретить и в рассматриваемом лексиконе:

башмакъ,		calceus, calceamen, calceamentum, calcearium,	ein schuhe,
башмакъ,	туфель, зри. туфель.	crepida,	ein pantoffel, schuh,
оба,		uter que,	alle, bejde,
оба,	і то ^т и друго ^и ,	ambo, amba,	bejde mit ein ander, bejde,
оба,	которо ^и нибу ^д ,	uter cunque, uter libet & utervis,	welcher auch sein unter bejden,

Разновидностью таких повторов в заголовках, которая встречается существенно чаще и является специфической для рассматриваемого лексикона, можно считать парные словарные статьи для глагольной лексики с разными заголовочными формами – инфинитивом и формой 1-го лица ед. числа презенса:

вдувати,	вдохновение творити,	inspirare,	einblaßen, zu blaßen,
вдуваю,	вдохновение творю,	inspiro,	Ich blaße ein,
обгибати,	огигати, обогнути,	circum flectere,	umbiegen, herumbeugen,
о ^б гибаю,	огибаю,	circumflecto,	ich beuge herum,

Такие повторы связаны с разной формой глагольного заголовка в европейском словаре. Латино-немецкие соответствия в таких двойных статьях в большинстве случаев совпадают, поэтому можно предположить, что переведенные на русский статьи входили в разноязычные части одного и того же словаря. Например, в латино-немецкой части упомянутого в предисловии лексикона Т. Списерия заголовком является форма 1-го лица ед. числа (*circumflecto, inspiro* и т.п.), а в немецко-латинской части немецкие заголовочные глаголы даются в форме инфинитива (*einblasen, herumbiegen* и т.п.). Сводя данные по алфавиту русских соответствий после перевода обеих частей лексикона Списерия (или подобного по структуре¹), автор русского словаря получал частые парные статьи для глаголов. В части таких пар соотносятся инфинитив совершенного вида и форма 1-го лица ед. числа презенса несовершенного вида: *башмаки надѣти* – *башмаки надѣваю, бросити* – *бросаю, ввѣрити* – *ввѣряю, вдавитися* – *вдавливаю, обязати* – *обязываю* и др.; статей *бросати, ввѣрати, обязывати* и тому подобных при этом нет, т.е. во многих случаях вид глагола влияет на выбор начальной словарной формы.

Есть и другая черта, типологически сближающая анонимный лексикон со словарями Ф. Поликарпова и Я. Брюса, составленными путем «перевертывания». В частности, у Брюса помимо однословных толкований «в строке может быть и набор синонимов или близких по значению слов, раскрывающих значение голландского слова» [14. С. 30]. Материал реестровой славянской части у анонима может представлять собой достаточно развернутое толкование однословного иноязычного эквивалента. Например, статья *алекторного побоища то^ожество* имеет латинское соответствие *alectoria*; статья *алебастромъ сжєнымъ, или гинсо^о по^омасати* имеет в латинской части глагол *gypsare* и в немецкой – *gipsen*; рус. *ароматные масла і кореніе, чемъ мертвыхъ тела для благовонія помасуются* – объяснение экзотизма *atomia*; статья *бесвласное лека^оство о^о которого волосы вонь паду^о, выпадаю^о* толкует лат. *depilatoria*; пространная заголовочная формулировка *оглавление вкратце про^остранны^х или о^оширныхъ веще^о* соответствует лат. *synopsis* и т.п.

¹ Отличие статей анонимного лексикона от словаря Т. Списерия состоит в том, что Списерий для латинских форм 1-го лица приводит немецкие соответствия в форме инфинитива: *Inspiro, as, avi, atum, are, Einblasen / einathmen* [15. С. 592].

При формулировке таких развернутых толкований – как в качестве единицы реестра, так и в собственно толкующей части статьи – составитель лексикона активно пользуется данными латинской и особенно немецкой части:

амасоны,	имя храбромужественных скифских жён, которые для военно^и удобности сами себя правые груди обрѣза^и,	amazones, amazonides,	die amazonen, oder kriegemische weiber, in scythien ohne Männer, welche sich selbst die rechte brust weggeschnitten, damit desto beßer streiten könnten,
виловидность,	всякая вещь подобная вила^и, или на вилы походить,	furca,	gabel, alles was zwey zinkig ist wie eine gabel, als staglen,

В этих примерах русское толкование представляет собой частичный перевод или пересказ немецкой части. Может быть и полное соответствие русского и немецкого текстов:

балсамъ дѣтско ^и ,	которо ^и чреватые жены для укрепления плода прѣнимають,	balsamus embryonum,	kinder balsam, so man den schwangeren zu sterkung der leibs frucht zu kommen lößt,
окружная рѣчь о како ^и вещи многими словами,	зри оговаривание,	periphrasis, circum locutio, circum scriptio,	eine umred, beschreibung eines dings mit vielen worten

Реже встречаются примеры, в которых лексикограф объединяет в русской части латинский и немецкий языковой материал:

балсамово ^и сокъ, ѣли масло,	balsamolaeori,	balsam safft,
---	----------------	---------------

Эта разновидность словарных статей – имеющих развернутое русское толкование (при абсолютном преобладании в лексиконе синонимических толкований) – наиболее показательна для установления источника, которым пользовался российский лексикограф. Для всех отмеченных статей с развернутым переводным толкованием лексемы находится точное соответствие в двуязычном словаре Т. Списерия – автора, указанного в предисловии к анонимному лексикону (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление немецкой части статьи Словесника и Словаря Т. Списерия

Немецкая часть в Словеснике	Словарь Списерия (изд. 1716 г.)
die amazonen, oder kriegemishe weiber, in seythien ohne Männer, welche sich selbst die rechte brust weggeschnitten, damit desto beßer streiten könten,	Die amazonen/ oder kriegemishe Weibern, in Seythien ohne Männer/ welche sich selbst die rechte Brust weggeschnitten/ damit <u>sie</u> desto besser streiten könten. C. 67
ein Manifest, auf gebott zum krieg, schrift eines potentaten, darinnen er an den Tag gibt, warum er einen krieg angefangen, eine öfentliche verthädigungs schrift, schutzschrift,	Ein Manifest; Auf gebott zum Krieg; Schrift eines Potentaten/ darinnen er an den Tag gibet/ warumb er einen Krieg angefangen. Eine öffentliche Verthädigungs schrift/ schutzschrift. C. 673
kinder balsam, so man den schwangere[n] zu sterkung der leibs frucht zu kommen lößt,	Kinder-balsam/ so man den Schwangeren zu Stärkung der Leibsfrucht zukommen läßt. C. 138

Необходимо отметить, что и в словаре Т. Списерия развернутые толкования даются лишь к отдельным латинским словам, требовавшим реального комментария. Таким образом, русский автор последовательно заимствовал статьи этого типа из словаря Списерия для информативных толкований в русской части. В некоторых случаях даже при наличии в лексиконе Списерия подробного объяснения он мог дополнить немецкую часть информацией по другим словарям. Так он поступил в статье *окружная рѣчь о како^у вещи многими словами* в соответствии с лат. *periphrasis*: в словаре Списерия этот латинский термин не имел однословного немецкого соответствия. Его русский составитель дополнил однословным *Umred*, видимо, по словарю А. Калепино (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение статьи *Periphrasis* в Словеснике, Словаре А. Калепино и Словаре Т. Списерия

Латинская и немецкая части в Словеснике	Словарь Калепино [16]	Словарь Списерия [15]
periphrasis... – eine umred , beschreibung eines dings mit vielen worten	Periphrasis... – Germ. Ein Umred / oder Beschreibung eines dings mit viel Worten. C. 1063	Periphrasis... – Beschreibung eines dings mit <u>vielen</u> Worten. C. 825

Однако толкование (в том числе замещающее собой реестровое слово) могло быть и независимым от иноязычной части словарной статьи и, возможно, было сформулировано самим автором:

амѣнь,	еврейское реченіе, сзнаменуеть истинно, пра ^в да, а по .70. пе- рево ^ч никовъ, буди, или буди тако, тако,	amen,	wahrheit, Ja,
бѣлятся и румя- нятся чемъ,		fucus,	schmink, anstreichfarb,
василискъ,	смѣи всоромъ убиваючи,	basiliscus, regulus serpens, (‘василиск-змея’)	basilisk, eine gifftige schlang, (‘ядовитая змея’)
овощная полата	в которо ^и всякие заѣдки хранятся,	cella dulciaria,	Konfekt kammer, (‘кондитерская комната’)

Необходимую энциклопедическую информацию в подобных случаях лексикограф мог черпать из несловарных источников. Например, конкретная характеристика василиска – его способность убивать взглядом – могла быть известна автору из публикации в первом русском журнале «Примечания на Ведомости». В частях 16–18 за 1732 г. был опубликован подробный свод сведений о василисках и их способности убивать взглядом: *васѣлѣскъ такъ ядовитые глаза имѣетъ, что онъ однимъ только своимъ взглядомъ умертвить можетъ* [17. С. 63]. Эту особенность, которая описана в статье Примечаний как одна из наиболее характерных черт василисков, лексикограф мог включить в толкование для конкретизации формулировки европейских словарей (‘ядовитая змея’).

Как правило, развернутые толкования автор словаря дает служебным частям речи и местоимениям (это отметила С.А. Валериус [8. С. 78]). В этом случае, по нашим наблюдениям, аноним пользовался «Лексиконом трезычным» Ф. Поликарпова. Ср. толкование частицы *бо* (выделены текстуальные несовпадения) в табл. 3.

Из сопоставления видно, что за основу взята статья из словаря Ф. Поликарпова, текст которой был отредактирован: дополнен ряд синонимов, устранена неактуальная для автора информация, касающаяся употребления союза у малороссов.

Таблица 3

Сравнение статьи *бо* в Словеснике и лексиконе Ф. Поликарпова

Словесник	Лексикон трехязычный, л. 25 об. (1-я пагинация)
бо, союзъ виновный значить, понеже, потому что, для того что, убо, тако, но , ... напреди речений у словя ^и не полагается, ѣбо не глаголе ^и , бо бгѣ ншѣ, но глаголе ^и бгѣ бо ншѣ и протчая посему :	Бѣ союзъ винослѣбный, знáчить, понéже, потому чтѣ, для тогѣ чтѣ, а напредѣ речѣнѣй, у славянѣ не полагáется, понéже не глаголѣмъ, бо Бгѣ нашѣ, нѣ глаголѣмъ Бгѣ бо нашѣ, и прѣочая: малорѣссы обáче и напредѣ речѣнѣй полагáютъ

Нетипично для рассматриваемого лексикона выглядит статья, толкующая слово *акрида*, в которой нет латинской и немецкой части при развернутом русском толковании: видимо, автор включил материал дополнительного источника и по недосмотру (или по причине отсутствия в иноязычных словарях) не снабдил его переводом. Весьма вероятно, что материал для этой статьи был взят из Лексикона Памвы Берынды 1627 г. (или восходит к нему) (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение статьи *акрида* в Словеснике и Лексиконе П. Берынды

Словесник	Лексикон Памвы Берынды
акрида трава или былие, оно ^и корень около себя иных травъ смакъ притягае ^т , сладѣтна вкусомъ и питателна, то ^{же} и пружие, вершки древесные,	Акрѣды: Травá ѣбо сѣлѣе котрѣгѣ корѣ ^и в'кѣло себѣ ѣны ^х зѣлѣи сма ^к притягае ^т , вдѣячнѣй дѣ вкуше ^и я ѣ трвáлы в'сѣтити е ^{ст} . тѣж' зрѣ ѣ прѣужѣ... (л. 226); Прѣужѣ: Лѣторѣслѣи з' дрѣва, вершѣй дрѣвянѣй, пѣча... (л. 82 об.)

Еще одна черта лексикона, говорящая о его компилятивном характере, связана со статьями отсылочного типа. Эти статьи могут иметь разную структуру. Отсылочная статья может заключать:

- 1) только заголовочное слово и отсылку с пометой *зри*;
- 2) заголовочное слово, отсылку и ряд синонимов (один из которых может дублировать отсылку, ср. статью *апять*);
- 3) содержать наряду с перечисленным также переводную часть.

Например:

анатоміа	зри потрашеніе,		
апать,	паки , вторично, в дру- го" ра ³ еще, зри паки .		
бархатъ шерстяно".	зри трипъ.		
баталіа,	зри сраженіе. бо",	praelium, pugna, certamen, dimicatio,	schlacht, streit,
блудъ,	блужение, блуждение, погрѣшеніе, зри за- блу ^ж дение,	error, erratio, errantio, erratum, aberratio,	Irthumb, Irrung, feller, ein versehen,

По-видимому, такие непоследовательно приводимые отсылки (они даны далеко не на все приводимые синонимы) отражают работу составителя с разными источниками, обрабатывая которые он добавлял отсылочную информацию.

Периодически непоследовательность допускается в статьях, не имеющих отсылок, и связана с порядком следования латинской и немецкой частей: дополнительные латинские соответствия могут быть дописаны после немецких, в конце статьи, ср.:

блѣдность,	ісмѣнение лица,	pallor,	die bleiche, bleichfarb, blaßfarb,
		luror,	

Латино-немецкая часть к русскому заголовку может быть двойной:

блистание молніи,	молніа,	fulgur,	wetterleich, blitz,
		fulguratio,	das blitzen, wetter leuchten,

Особенностью словаря, отсылающей к определенной лексикографической традиции, являются некоторые особенности алфавитной организации реестровой части. Во-первых, в реестр включаются варианты произношения ряда лексем, отражающие аканье, а также фонетико-орфографические варианты заимствованных лексических единиц, что было присуще более ранней лексикографической традиции. Так, например, один из составителей азбукovníка писал в предисло-

вии: *есть же во алфавитъ се^м, нѣкѣа рѣчи писаны вдвое или и втрое, якоже сѣа рѣчь: авелѣу, и наки таа же рѣчь написана по иному переводу во инѣ овѣлѣу* (РНБ, собр. М.П. Погодина, 1642, л. 3 об.)¹. Аналогичным образом автор анонимного словаря, по-видимому, рассценивает подобные варианты как допустимые в реестровой части. Для некоторых слов отражающий аканье вариант записи дается с отсылкой к традиционному как основному (*абѣдѣ, зри обѣдѣ; арель, ... зри орель* и др.). Но в других случаях варианты с *а* и с *о* рассмотрены в виде отдельных статей на своих алфавитных местах: *абѣдня, литоргѣя, чинѣ ѿи должность служ^мбы бжѣей и обѣдня, служба бжѣя, зри литоргѣа*. Во-вторых, титульные варианты написания могут составлять отдельную статью, расположенную по порядку букв в сокращении, и при этом являться основной (при наличии отдельной статьи с полной записью словоформы в заголовке) статьей словаря. Например, статья *божество* имеет отсылочный характер: *божество, зри бжѣство*, а на алфавит *БЖ* слово в титульном виде получает полную разработку²:

бжѣство,

Divinitas, Deitas,

gottheit,

Отметим, что для других однокоренных слов на *бжѣ* в алфавите на *бож-* нет отсылочных статей, т.е. указанный принцип реализуется непоследовательно.

Предпринятое рассмотрение структуры и типов словарных статей анонимного «Словесника» из собрания БАН, их соотношения друг с другом и специфики расположения в алфавите показывает, что автор рукописного лексикона при составлении реестровой части пользовался широким кругом словарных источников разного времени, а не опирался только на Вейсманнов лексикон 1731 г., как следует из анализа С.А. Валериус. Рассмотрение всех имеющихся в словаре структурных типов словарных статей позволило установить, что автор формирует русский словник путем перевода немецкой и в некоторых случаях латинской части своих иноязычных источников (из них в предисло-

¹ Благодарю К. И. Коваленко за указание на эту цитату.

² Ср. использование титульных написаний, в том числе с корнем *бжѣ* в качестве заголовочных в азбуковниках [18. С. 162]. В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова титульное написание также может присутствовать в отдельных заголовках (по недосмотру редактора?), ср.: *Богъ, божуся, Божѣа трава*, но *Бжѣе древо* [19. С. 29 об.], и при этом стоит на алфавитном месте полного написания, на слог *БО*.

вии упомянуты словари А. Калепино и Т. Списерия); также при формулировке значений лексики отдельных групп (служебных частей речи, экзотизмов) он пользовался и другими славянскими печатными словарями – Памвы Берынды, «Лексиконом трезязычным» Ф. Поликарпова, и, возможно, пополнял славянский словник по рукописным источникам, продолжающим традиции допетровской лексикографии.

Таким образом, словарь, появление которого можно отнести ко времени после 1756 г., создавался в период подготовки целого ряда крупных авторских словарей при Академии наук (А.И. Богданова, К.А. Кондратовича и др.) и по принципам составления представляет собой переходный тип от переводных многоязычных к толковым словарям, характерный для начального этапа подготовки крупных академических словарных проектов, предшествовавших выходу «Словаря Академии российской».

Литература

1. *Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М. : Наука, 1986. 136 с.
2. *Биржакова Е.Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб. : Нестор-История, 2010. 212 с.
3. *Словари* и словарное дело в России XVIII в. : сб. ст. / под ред. Л.Л. Кутиной, Е.Э. Биржаковой. Л. : Наука, 1980. 168 с.
4. *Рукописный лексикон* первой половины XVIII в. / подгот. к печати и вступ. ст. А.П. Аверьяновой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1964. 402 с.
5. *Русско-французский словарь* Антиоха Кантемира / вступ. ст. и публ. Е.Э. Бабаевой. М. : Азбуковник – Языки славянской культуры, 2004. 1310 с.
6. *Словарь русского языка XVIII века.* Правила пользования словарем. Указатель источников / общ. ред. Ю.С. Сорокина. Л. : Наука, 1984. 142 с.
7. *Демидов Д.Г.* Славянорусский (славянорусский) язык – лингвистическая реальность (языковая действительность) конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 3. С. 13–24.
8. *Валериус С.А.* Переводные словари XVIII века и их роль в исследовании важнейших проблем русской исторической лексикологии и лексикографии : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2003. 264 с.
9. *Макеева В.Н.* Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов : сб. статей и материалов. М.–Л., 1960. IV. С. 180–205.
10. *Ковтун Л.С.* Лексикография Московской Руси начала XVI–XVII вв. // История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1998. С. 50–58.
11. *Хотеев П.И.* Читатели Библиотеки Академии наук: по данным за 1724–1728 и 1731–1736 г. СПб. : БАН, 2010. 243, [1] с.

12. Jones W.J. German lexicography in the European context: a descriptive bibliography of printed dictionaries and word lists containing German language (1600–1700). Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2000. 754 p.

13. Петрунин В.О. «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф.П. Поликарпова-Орлова // История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1998. С. 80–87.

14. Биржакова Е.Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса // Словари и словарное дело в России XVIII в. : сб. ст. / под ред. Л.Л. Кутиной, Е.Э. Биржаковой. Л. : Наука, 1980. С. 23–37.

15. Spieser Th. Lexicon universale latino-germanicum & germanico-latinum. Basileae : In Officina Episcopiana, 1716. 1172, 455 p.

16. Calepino A. Dictionarium undecim linguarum. Basileae : Apud Henric Petrinus, 1627. 1582, 302 p.

17. *Примечания* на Ведомости. СПб. : Тип. Акад. наук, 1732.

18. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л. : Наука, 1989. 296 с.

19. Поликарпов Ф.П. Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704. 206, 189 л.

A Mid-18th-Century Anonymous Slavic-Latin-German Lexicon from the Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences: Principles of Compiling the Glossary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 48–63. DOI: 10.17223/22274200/22/3

Georgiy A. Molkov, Institute for Linguistic Studies (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: georgiymolkov@gmail.com

Keywords: history of lexicography, translation dictionaries, handwritten lexicon, Russian-Latin-German dictionary.

The article solves the problem of the place of an anonymous handwritten Russian-Latin-German lexicon from the collection of the Library of the Russian Academy of Sciences in the history of Russian lexicography. The lexicon has three volumes and was created in the 1750s–1760s – in the period little known in historical Russian studies that precedes the creation of the Dictionary of the Russian Academy. To solve the problem, two types of analysis were used: at the first (preliminary) stage, a structural analysis of dictionary entries of the lexicon was carried out with the identification of types that differ in the configuration of the dictionary entry; at the second stage, a comparative analysis was carried out – the anonymous lexicon was compared with the German-Latin dictionaries indicated by the anonymous author in the preface. In the course of the study, information was obtained about a number of characteristic features in the organization of the glossary of the Russian part of the anonymous lexicon. The main way to replenish the glossary was the translation of the German and Latin words of the foreign language dictionary. The dependence on the German part is most clearly manifested in the definitions of the encyclopedic type, which are given for individual words. All the

noted definitions of this type repeat, with minor deviations, the German part of one of the dictionaries mentioned by the anonymous author in the preface. In addition, different types of lexical repetitions in the Russian part of the lexicon testify to the secondary nature of the Russian glossary. The first type of repetitions is several dictionary entries for different meanings of the same lexeme; in this case, the Latin-German correspondences in each of the entries are different. This feature is found in a number of Russian translation dictionaries of the first third of the 18th century. The second, more frequent type of repetitions is the duplication of a verb lexeme with a choice of different initial forms (infinitive and 1-person singular present tense). This is due to the different tradition of designating the initial form in Latin and German lexicography: among the sources of the anonymous lexicon were both Latin-German and German-Latin dictionaries. The translational nature of the Russian part of the dictionary is also indicated by frequent examples in which the title of a dictionary entry is a phrase, and in some cases a whole expanded syntagma corresponding to a lexeme in one of the foreign language parts. Along with this, the author used Slavic printed dictionaries. Possibly, when designing the headings, the author was guided by the pre-Petrine dictionary tradition: the included pronunciation variants of a number of lexemes reflecting colloquial akanye and the use of titlo spellings as headings allow speaking about this. The analysis made it possible to conclude that, according to the principles of compilation, the considered Russian-Latin-German lexicon is a transitional type from translation multilingual to explanatory dictionaries, typical for the initial stage of preparation of large academic dictionary projects, which preceded the release of the Dictionary of the Russian Academy.

References

1. Vomperskiy, V.P. (1986) *Slovari XVIII veka* [18th century dictionaries]. Moscow: Nauka.
2. Birzhakova, E.E. (2010) *Russkaya leksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the 18th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Kutina, L.L., Birzhakova, E.E. (eds) (1980) *Slovari i slovarnoye delo v Rossii XVIII v.* [Dictionaries and vocabulary in Russia in the 18th century]. Leningrad: Nauka.
4. Averyanova, A.P. (ed.) (1964) *Rukopisnyy leksikon pervoy poloviny XVIII v.* [Handwritten lexicon of the first half of the 18th century]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Babaeva, E.E. (ed.) (2004) *Russko-frantsuzskiy slovar' Antiokha Kantemira* [Russian-French Dictionary of Antiochus Cantemir]. Moscow: Azbukovnik – Yazyki slavyanskoy kultury.
6. Sorokin, J.S. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Pravila polzovaniya slovom. Ukazatel' istochnikov* [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Terms of use of the dictionary. Source Index]. Leningrad: Nauka.
7. Demidov, D.G. (2014) Slavic-Russian (“Slavyanorossiyskiy”) language – linguistic reality (linguistic actuality) of the late 18th – early 19th centuries. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Bulletin SPbGU. Series 9 'Philology. Oriental studies. Journalism'*. 3. pp. 13–24. (In Russian).

8. Valerius, S.A. (2003) *Perevodnyye slovari XVIII veka i ikh rol v issledovanii vazhneyshikh problem russkoy istoricheskoy leksikologii i leksikografii* [Translation dictionaries of the 18th century and their role in the study of the most important problems of Russian historical lexicology and lexicography]. Philology Cand. Diss. Smolensk.

9. Makeyeva, V.N. (1960) Russkaya leksikografiya 40–50-kh godov XVIII v. i Lomonosov [Russian lexicography of the 40–50s of the 18th century. and Lomonosov]. In: *Lomonosov: Sbornik statey i materialov* [Lomonosov: Collection of articles and materials]. Vol. IV. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 180–205.

10. Kovtun, L.S. (1998) Leksikografiya Moskovskoy Rusi nachala XVI–XVII vv. [Lexicography of Moscow Rus' at the beginning of the 16th and in the 17th centuries]. In: Sorokoletov, F.P. (ed.) *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka. pp. 50–58.

11. Khoteyev, P.I. (2010) *Chitateli Biblioteki Akademii nauk: po dannym za 1724–1728 i 1731–1736 g.* [Readers of the Library of the Academy of Sciences: according to data for 1724–1728 and 1731–1736]. St. Petersburg: RASL.

12. Jones, W.J. (2000) *German lexicography in the European context: a descriptive bibliography of printed dictionaries and word lists containing German language (1600–1700)*. Berlin; New York: W. de Gruyter.

13. Petrunin, V.O. (1998) “Leksikon treyazychnyy” 1704 g. F.P. Polikarpova-Orlova [“A Trilingual Lexicon” of 1704 by F.P. Polikarpov-Orlov]. In: Sorokoletov, F.P. (ed.) *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka. pp. 80–87.

14. Birzhakova, E.E. (1980) Iz istorii russko-inoyazychnoy leksikografii XVIII v. “Russko-gollandskiy leksikon” Yakova Bryusa [From the history of Russian-foreign-language lexicography of the 18th century. “Russian-Dutch Lexicon” by Jacob Bruce]. In: *Slovari i slovarnoye delo v Rossii XVIII v.* [Dictionaries and vocabulary in Russia in the 18th century]. Leningrad: Nauka. pp. 23–37.

15. Spieser, Th. (1716) *Lexicon universale latino-germanicum & germanico-latinum*. Basileae: In Officina Episcopiana.

16. Calepino, A. (1627) *Dictionarium undecim linguarum*. Basileae: Apud Henric Petrinus.

17. Academy of Sciences. (1732) *Primechaniya na Vedomosti* [Notes on Vedomosti]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.

18. Kovtun, L.S. (1989) *Azbukovniki XVI–XVII vv. Starshaya raznovidnost* [ABC books of the 16th–17th centuries. Senior type]. Leningrad: Nauka.

19. Polikarpov, F.P. (1704) *Leksikon treyazychnyy. Sirech recheniy slavenskikh, yellinogrecheskikh i latinskikh sokrovishche* [A trilingual lexicon. The treasure of Slavonic, Hellenic, and Latin sayings]. Moscow: Pechatnyy Dvor.

УДК 81'374 + 81'371

DOI: 10.17223/22274200/22/4

В.Н. Носкова, И.П. Матханова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ ДРУГОЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО СЛОВАРНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Исследуется вопрос о лексикографировании местоимения ДРУГОЙ с учетом специфики местоименной семантики, ее отличия от значения частей речи, выполняющих номинативную функцию. На основании анализа функционирования лексемы ДРУГОЙ в высказываниях с актуализацией дейктической, анафорической, кванторной функций предпринимается попытка создания модели словарной статьи рассматриваемой лексемы с распределением значений в соответствии с выделенными функциями, обосновываются критерии их выбора.

Ключевые слова: другой, определительные местоимения, функции местоимений, лексикографирование местоимений, многозначность местоимений, словарная статья

Введение

Статья посвящена лексикографическому представлению местоимения ДРУГОЙ на основе анализа его функционирования в таких высказываниях, как: *Значит, я стал другим? Нет, я тот же самый, только чуточку устал думать. Но если мы устаем думать, мы уже другие* (Е. Евтушенко); *Американского интеллектуала хлебом не корми, но только дай ему подискутировать на эту тему, или на какую-нибудь другую, или на третью, четвертую, сотую, а тем – миллион!* (В. Аксенов); *...две женщины оказались рядом со мною, и одна из них сказала другой: – Странно, что Чуковская не сказала ни слова о редакторе своей книги* (А. Мильчин).

Местоимение ДРУГОЙ, входящее в семантическую группу определительных, долгое время незаслуженно оставалось на периферии внимания лингвистов и лексикографов. Это обусловлено следующими факторами: 1) дискуссионностью феномена местоимения как части речи, что ведет к нерешенности проблем его лексикографического представления; 2) неоднородностью и периферийностью семантического разряда определительных местоимений, отсутствием четко вы-

раженного объединяющего их функционально-семантического принципа; 3) многозначностью местоимения ДРУГОЙ и его способностью выполнять сразу несколько функций; 4) недостаточным вниманием к особенностям функционирования местоимения ДРУГОЙ в различных высказываниях.

В статье за основу принят широкий подход к изучению местоимений, базирующийся на отсутствии у этих слов номинативной функции и наличии (с разной степенью актуализации) дейктической, анафорической, кванторной функций. При квалификации местоимения как особой части речи следует учитывать комплекс его специфических черт: грамматическую неоднородность, обусловленную близостью грамматических признаков другим частям речи, в соответствии с чем принято выделять местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия; полифункциональность, связанную с такими семантическими характеристиками, как эгоцентризм, отсутствие денотативной закреплённости; широкозначность; семантическую неполноту вне контекста (А.М. Пешковский [1], Е.М. Вольф [2], О.Н. Селиверстова [3], Е.В. Падучева [4], М.И. Откупщикова [5], С.А. Крылов [6], М.А. Шелякин [7], И.Е. Шувалова [8] и др.).

Анализ вступительных статей в толковых словарях (ТСУ [9], МАС [10], БАС [11], СОШ [12], СЕ [13]) показал, что отражению функционально-семантической специфики местоимений в них уделено недостаточно внимания и не учтены особенности лексикографирования слов, не выполняющих номинативную функцию. Даже в «Объяснительном словаре русского языка...» В.В. Морковкина [14], в котором основное внимание уделяется незнаменательным словам (за небольшим исключением), в параграфе, посвященном представлению местоимений, дано указание на часть речи, приведены грамматический и семантический разряды, но отсутствуют сведения об особенностях толкования местоимений.

Лингвистических работ, посвященных лексикографированию местоимений, очень мало, исключением могут служить работы И.В. Труфановой [15, 16], где рассматриваются вопросы отражения в словарях местоимений (в том числе слова *иной*, близкого к анализируемому нами местоимению ДРУГОЙ). Верно замечая, что ни один из толковых словарей не дает полного лексикографического портрета местоимения *иной*, автор поднимает вопросы связи современных и этимологи-

ческих толкований, разграничения грамматических разрядов местоимений, многозначности, в том числе развития значения неопределенности у определительных местоимений и др. Однако принципы особой семантизации местоимений, особенности представления семантической структуры многозначного местоимения, базирующиеся на результатах анализа его функционирования, освещены недостаточно, а такая задача представляется важной и перспективной. Эта проблема поднимается во вступительной статье к первому тому «Русского семантического словаря» [17], где говорится о большей сложности описания «слов указующих» по сравнению со «словами именующими», отмечается, что трудности, «которые здесь встают перед лексикографом, те же, что и при семантическом анализе предлогов, союзов или частиц: их расчленение на значения непривычно и может казаться искусственным» [Там же. С. 3]. И хотя в последнее время появляются все новые словари служебных и незнаменательных слов (см., напр.: [14, 18–20]), проблема создания специализированного словаря местоимений остается открытой, в том числе и из-за сложности описания местоименных значений.

Для решения этой задачи важным представляется мнение М.А. Шелякина [7], а также З.И. Комаровой и Ю.Ю. Шадриной, призывающих учитывать при характеристике местоимения особый «функционально-семантический компонент местоимения, который являет собой органическое целое... сплав семантики и функций» [21. С. 36].

Претворение этого подхода в лексикографическую практику требует разработки словарной статьи местоимения с представлением его функционально-семантических особенностей, что и предпринимается в данной работе для слова ДРУГОЙ.

Поскольку местоимение ДРУГОЙ является многозначным (полифункциональным), то для построения словарной статьи важно учитывать его способность служить средством дейксиса (ориентации на речевую ситуацию), анафоры (замещения антецедента) и квантором. Выявлению этих особых значений способствует исследование актуализации одной из функций в высказываниях, их иерархии. Подчеркнем, что частотность не является определяющим критерием для выделения первичной функции: по нашему мнению, основой для выделения первичной функции-значения является ее производящая сила, связь с дейктическим характером, которая может быть контекстуально обусловленной и ситуативной. Важным является учет грамматиче-

ской природы исходного слова и траектории его преобразования: от непроцессуального признака предмета к его субстантивации. Вторичными можно считать те функции-значения, которые требуют для своей трактовки определенных контекстуальных условий, т.е. выступают как средство замещения или отнесенности к определенному типу референции.

Целью данного исследования является создание особой модели словарной статьи, в которой семантическая структура слова ДРУГОЙ базируется на основных функциях местоимения: дейктической, анафорической, кванторной.

В работе были использованы словарные статьи основных толковых словарей (ТСУ [9], МАС [10], БАС [11], РСС [17], НОСС [22], а также текстовые фрагменты с местоимением ДРУГОЙ, извлеченные из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (ок. 500).

Характеризуя поведение местоимения ДРУГОЙ в высказываниях, послужившее основанием для его лексикографирования, отметим необходимость учитывать такие его семантические особенности, как неразрывность функции и значения, идентифицирующая роль, осуществляющаяся через фиксацию несовпадения с признаком / предметом, характерным для точки отсчета, а также неопределенность этого отличия, которое позволяет включить явление в тот или иной класс.

Актуализация дейктической функции в высказываниях с местоимением ДРУГОЙ

Основной первичной функцией местоимений является дейктическая, при которой местоимение в своем значении осуществляет отсылку к участникам акта речи. Во многих случаях происходит совмещение всех трех функций, актуализация достигается благодаря совмещению с другими элементами высказывания.

Эта особенность отчасти учитывается при толковании лексемы ДРУГОЙ в словарях: в толковании дейктическая функция совмещается с заместительной, при которой точкой отсчета является не участник речевого акта, а упоминаемый предмет, ср. толкования: «Не тот, не этот» [9], «Не такой, как этот (или как прежде), отличающийся от этого или от прежнего, иной» [10], «Не этот, не данный» [11, 12]. Однако уже в РСС одно из значений представлено через отсылку к участнику речевого акта (почему-то адресату): «Любой иной, не ты

сам», но дается синонимичное толкование, через местоимение *иной*, получается своего рода логический круг [16]. В НОСС при характеристике синонимов ДРУГОЙ, ИНОЙ применяется отсылка к речевой ситуации, ср.: «**другой** используется для указания на место и время, отличающееся от времени и места речевого акта», «другой... вводит как неопределенные, так и определенные, уже известные участникам общения объекты» [22. С. 110–111]. Во всех словарях в толковании используется принцип «от противного», точкой отсчета является наблюдаемый, известный признак, т.е. осуществляется опора на дейксис. Учет полифункциональности обнаруживается в иллюстративном материале, где отражены разные функции: «*Видно было, что матушка на этот счет была совершенно **другого** мнения* (Л. Толстой. Детство). *Нельзя уже было сомневаться: во мне произошла перемена, я стал **другим*** (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека)». Хотя этот принцип не эксплицирован в словарях, анализ словарной статьи лексемы ДРУГОЙ в МАС [10] позволяет судить о применении такого подхода: в первом примере точкой отсчета является прежде высказанное мнение (анафорическая функция), а во втором – признак, свойственный говорящему в более поздний временной период (дейктическая функция). В ТСУ в иллюстративном материале первичная роль дейктической функции также представлена: *Дай мне **другой** нож, этот тупой. Об этом поговорим в **другое** время и в **другом** месте* [9]. В этих примерах участниками ситуации являются говорящий и слушающий, наблюдаемый предмет (*этот нож*), а характеристика заменяющего его предмета дается путем отрицания качества объекта, находящегося в сфере внимания. Во втором случае точкой отсчета является хронотоп диалога: время и место, определяемые местоимением ДРУГОЙ, не должны совпадать с точкой отсчета. Итак, местоимение ДРУГОЙ характеризует признаки участников речевой ситуации (говорящего, слушающего, наблюдаемого предмета, времени и места происходящей коммуникации).

При употреблении местоимения ДРУГОЙ в речи происходит актуализация этих компонентов, способами этой актуализации являются способы с вербализованной и невербализованной (подразумеваемой) точкой отсчета.

В *первом* случае были выделены следующие группы.

1. Местоименная пара в оппозиции с личным местоимением 1-го лица ед. и мн.ч. **я** – *другие*, **мы** – *другие* в значении «другой – не свой-

ственный мне, нам», т.е. данные противопоставления предопределяют функциональное назначение – соотношение с главным участником речевой ситуации: ДРУГОЙ – не совпадающий со свойствами говорящего или группы лиц, его включающих: *У меня первая детская любовь – физика. А первая юная страсть – поэзия. В итоге: я – другой. Я – поэт!* (С. Шаргунов); *Ты живешь как мышь и дальше собственного носа ничего не видишь! И хочешь, чтобы я жил так же! А я другой, понимаешь!* (И. Муравьева); *«Мы в их возрасте были лучше»... Не были мы лучшие, просто были другие* (И. Грекова).

Самоидентификация говорящего осуществляется через осознание своих отличительных черт. В этом случае часто наблюдается субстантивация, при которой местоименное прилагательное трансформируется в местоименное существительное: *Сколько раз выдвинете меня кандидатом в президенты – я пойду / захотите другого / другой пойдет...* (В. Жириновский); *И еще я немного разочарован, что другие сегодня не были хотя бы примерно так быстры, как я* (А. Митьков).

2. Следующий контраст представлен личными местоимениями 2-го лица ед. и мн. ч. **ты / вы – другой** (не совпадающий со свойствами собеседника/ов, отличающийся от него): *Ты готов забыть нужду другого человека, потому что она тебе невыгодна или требует от тебя усилий, которые ты не готов отдать?* (митрополит Антоний); *Ты есть то, что прокачивают сквозь тебя цукербрины. И никакого другого тебя нет* (В. Пелевин). Может актуализироваться значение «другой – не свой по отношению к группе лиц, включающей и говорящего». Говорящий как бы распространяет умозаключения относительно себя на других, близких ему людей. Здесь также наблюдается субстантивация: *Если у тебя много отрезано... / ты не можешь чувствовать свои чувства / не можешь чувствовать чувства другого* (Л. Петрановская); *...другие пережили гораздо больше, чем ты* (А. Солженицын).

3. Еще одно противопоставление местоимений, актуализирующих дейктическую функцию, связано с несовпадением с наблюдаемым предметом: **этот – другой**. Значение лексемы **другой** можно определить как «не этот, т.е. не находящийся в сфере внимания говорящего предмет, а отличающийся от него»: *Платок этот подал Бенкендорфу сам государь в ответ на просьбу об инструкции для тайной полиции... И прибавил... что желал бы вручить не этот, а другой, увы,*

утраченный (Ю. Давыдов); *Ирина тоже повертела головой... и спросила: – А где это? Потом она быстро увела Володьку от этого дерева к другому* (В. Токарева). Подобное соотношение используется и в том случае, если речь идет не о противопоставлении 'наблюдаемый – ненаблюдаемый предмет', а 'известный / ранее упоминаемый – неизвестный / не входящий в сферу знания говорящего': *Зачем языку так много вот этих отглагольных прилагательных... / когда есть и другие отглагольные прилагательные...?* (Г.И. Кустова). Такая трактовка дает основание выделять у местоимения ДРУГОЙ значение неопределенности, неизвестности (см. о значении неопределенности у слова *иной* в статье И.В. Труфановой: [14], а также первое значение в словаре служебных частей речи Т.Ф. Ефремовой: «Другой – 1. Кто-либо, кто-нибудь, кто-то, некто иной, не сам»). Это значение можно считать вторичным по сравнению с дейктическим, где фиксируется просто несовпадение с находящимся в поле зрения говорящего [19].

Все эти значения можно обнаружить у местоимения ДРУГОЙ при его противопоставлении притяжательным местоимениям *мой, наш, твой, ваш, свой*: *Почему вы... думаете, что медведь съест именно моих детей прежде других?* (М. Горький); *Смерти нет. Ни твоей, ни чьей-либо другой. Ты ведь не умирал, Сева.* (А.П. Вергелис); *Так называемый «поэтический мир» – не другой, чем наш, которому поэт дает присутствовать* (В.В. Бибихин).

В высказываниях также фиксируется сопоставление местоимения ДРУГОЙ с местом (*здесь*) и временем (*сейчас*) речевой ситуации: *Он... прижился здесь и не рвался в другое место, справедливо считая, что вряд ли там будет лучше* (А. Солженицын); *Я сейчас занят, давай в другое время* (С. Шикера).

Ориентация на дейксис осуществляется и во втором случае, в высказываниях, где точкой отсчета «по умолчанию» становится сама речевая ситуация, нулевая точка отсчета, что чаще встречается в устной речи: *Зная язык другого народа, можно понять его психологию* (LiveJournal.2004); *[Andron] Другие могут сказать: ну да, неплохое кино...* (коллект. форум); *Найдите другую страну и другую планету / там будете фыркать / ...* (Слушатели против Эдуарда Лимонова). В качестве точки отсчета выступают все те же компоненты, что и в первом случае: говорящий, адресат, наблюдаемый предмет (тема ведущегося разговора), место и время коммуникации, однако провести их дифференциацию гораздо труднее.

Второй тип представления местоимения ДРУГОЙ учитывается лексикографами, это дано в иллюстративном материале; ср. в словарной статье МАС: *В **другое** время Владик обязательно заспорил бы* (А. Гайдар. Военная тайна) [10]. Время действия определяется по отношению к невербализованной точке отсчета, которой является момент речи (мысли) Владика.

Итак, нулевая, невербализованная позиция точки отсчета позволяет считать такой вариант исходным для остальных значений. Идентификация осуществляется путем отрицания совпадения с участниками речевого акта, представляя широкий неопределенный фон, на котором осуществляется эта операция (для конкретизации требуется разъяснение).

Актуализация анафорической функции в высказываниях с местоимением ДРУГОЙ

Актуализация анафорической функции местоимения ДРУГОЙ происходит в высказываниях, где точкой отсчета является свойство предмета или сам предмет, называемый в препозиции, в предтексте, напр.: *Внутрь полушарий кладем гаечку либо **другой** кусочек стали и устанавливаем изделие* (К. Скворцов); *По имеющимся данным, возможен вклад латентной коревой инфекции и в этиологию **других** хронических заболеваний* (В.В. Зверев, Н.В. Юминова).

Местоимение ДРУГОЙ в подобных высказываниях служит для указания на отличие свойств или самого упомянутого прежде предмета (антецедента) от того, который/ые называется в последующем контексте, причем отношения между парой антецедент–анафора обладают значительной спецификой (см. об этом работу О.Ю. Богуславской, И.А. Муравьевой: [23]). Основная особенность отношений, как отмечается в этой работе, заключается в принципиальном отсутствии тождества между анафорой и антецедентом и вместе с тем их отнесенности к одной ситуации, их «разной референциальной привязкой» [23. С.120]. ДРУГОЙ является ограничительным определением, делающим описываемый класс сущностей более узким за счет исключения из него антецедента. Напр.: *Комаровы ходят до Вырицы пешком по асфальтовой дороге, ведущей мимо садоводств. Есть и **другая** дорога – через лес...* (А. Григорян); *Зато в Филадельфии, Лондоне, Сан-Франциско, Бостоне, Мюнхене, Неаполе, Риме, Амстердаме и **других***

местах ездил много (коллект. форум «Горный»). В анафорических парах: *асфальтовая дорога – другая дорога; Филадельфия, Лондон, Сан-Франциско, Бостон, Мюнхен, Неаполь, Рим, Амстердам – другие места*, – местоимение ДРУГОЙ указывает на то, что антецедент и анафора не тождественны, но обладают некоторыми общими признаками, позволяющими их сравнивать; перечисленные города включены в широкий класс 'мест, где автор бывал', но в то же время исключены из тех, которые можно отнести к 'другим'.

В этих высказываниях сопоставляются либо аналогичные по своим свойствам предметы (значение 'похожий, но не тот же'), либо входящие в один класс, не одинаковые по своим характеристикам, но имеющие нечто общее: *...выехали из Омска, доехали до ближайшей узловой станции, там у них **состав** отцепляют, разворачивают, прицепляют **другой**, и обратно в Омск* (Е. Гришковец); *Есть что-то особенное в **трогательной бытовой сказке**, отличающее ее от **других фильмов того же типа*** (коллект. форум). Однородность предметов (называемого в препозиции и остальных, включенных в общий класс) обозначается либо пропуском одноименного существительного после местоимения ДРУГОЙ, либо существительным, называющим общий класс.

Помимо предмета местоимение ДРУГОЙ способно указывать на отличия сопоставляемых действий, что не было замечено при выполнении дейктической функции: *Обязанность адвоката совершить определенные **действия** может возникнуть только после наступления результата от **других** его **действий*** (Г. Шаров); *Обычное дело – Павлик **играет на компьютере**. Более того, я бы сильно удивилась, если бы он **делал что-нибудь **другое**** – читал или занимался...* (Е. Павлова).

Местоимение ДРУГОЙ, выполняя анафорическую функцию, реализует значение 'отличающийся по какому-либо признаку / признакам от названных явлений, включаемых в один класс'. Поскольку название класса выражается существительным, с которым согласуется местоименное прилагательное, то субстантивация в этом случае наблюдается реже, чем при выполнении им дейктической функции.

Итак, проявление анафорической функции-значения требует обязательного антецедента, сопоставление со свойствами которого (или им самим) определяет значение местоимения ДРУГОЙ; ориентация на сопоставление, присутствующая в семантике этого слова, реализуется только в контексте, поэтому можно говорить о вторичном значе-

нии. Анафорическая функция местоимения ДРУГОЙ, как правило, взаимодействует с кванторной.

Актуализация кванторной функции в высказываниях с местоимением ДРУГОЙ

В лингвистике принято делить местоимения на три группы по основным выполняемым функциям: дейктические, анафорические и кванторные [5, 6, 24], причем определительные местоимения относят к кванторным. По определению И.Е. Шуваловой, «местоимение *другой* предполагает, что актуальное множество (подчеркнуто нами. – И.М., В.Н.) противопоставлено отдельным элементам исходного множества на основании предметных (экстенсиональных) характеристик, т.е. особой денотативной отнесенности, фиксированности в особой точке пространства» [8. С. 71]. В НОСС указывается на сопоставление с объектами того же класса [22. С. 110]. Местоимение ДРУГОЙ действительно является кванторным, оно открывает зону неопределенности, служит своего рода «фоном», множеством, на котором выделяется важный для говорящего признак / объект, обладающий определенным признаком, но одновременно способно выполнять и дейктическую и анафорическую функции, т.е. является полифункциональным.

Кванторы служат показателями *обобщенности* (включения всех (каждого / некоторой части) элемента/ов в какой-либо семантический класс), а также *неопределенности* (неизвестности того или иного явления, невозможности или нежелания точно определить лицо, предмет и т.д. [25–28].

У местоимения ДРУГОЙ проявляются обе кванторные характеристики.

Значение неопределенности, неизвестности, несущественности точной квалификации является одной из сем этого слова. Неслучайно И.В. Труфанова [15] и Т.Ф. Ефремова [13] относят это местоимение к разряду неопределенных. Анализируемое местоимение фиксирует существование некоторых признаков / предметов за пределами выделенного/ых, никак их не квалифицируя (по принципу привативной оппозиции). Например: *Это – театр, это просто очередная роль; ты выучил свою партию, и другой в этом спектакле у тебя быть не может* (Д. Рубина). Отсутствие квалификации ведет к неопределенности признака: известно, что существуют еще какие-то роли в спек-

такле, но неизвестно, какие именно, кроме выпавшей на долю адресата. Наблюдается совмещение с кванторной дейктической (точкой отсчета является адресат) и анафорической (в предтексте упоминается предмет, включаемый в то неопределенное множество, на которое указывается при помощи местоимения ДРУГОЙ) функций. Однако значение неопределенного множества здесь специально не актуализируется.

Актуализация неопределенности возникает в случае употребления местоимения ДРУГОЙ в составе открытого однородного ряда, напр.: *Проблема состоит в том, что все достижения... генной инженерии, генной терапии и других направлений биотехнологии... могут быть непосредственно... использованы для создания биологического оружия* (А.С. Спирин); *Великолепная игра любимых актеров Тихонова, Броневого, Ланового, Евстигнеева и других погружает зрителя в захватывающую историю русского разведчика* (коллект. форум). Можно говорить о сближении значения этого местоимения и одного из неопределенных (*кое-какой, какой-то, какой-нибудь, некий*), которое формулируется как 'точно не определяемый, похожий на...', говорящий не считает нужным уточнить, какой именно' [29]. Говорящий может обладать необходимой информацией, но не считает нужным (важным) представлять ее слушающему, и неназванные признаки / объекты остаются неопределенными. Включение в однородный ряд вместе с тем задает определенный уровень обобщения, отнесенность к некоторому классу объектов / явлений, в том числе формируемому этим перечислением: *[Карина] Представьте, что каждый из вас стирает, моет пол, посуду, занимается другими хозяйственными делами* (коллект. форум). Благодаря этой особенности семантики местоимения ДРУГОЙ оно используется в так называемых цетерах (группах «слов и выражений, употребляющихся в конце перечисления как знак того, что оно может быть продолжено» типа *и другое, и иное, и прочее, и остальное*), служит, по мнению С.П. Петруниной [30], средством каталогизации и выступает **в перечислительном ряду как «эксплицитный континуатор обобщающего характера»**.

Значения несущественности, неважности выбора из класса предметов подчеркивается сочетанием с неопределенными местоимениями 'какой-нибудь', 'какой-то': *[Андрей Зализняк, муж] Он мог письма писать купцам / которых он отправлял со своим товаром в какие-то другие города и получал от них отчёты / как идут дела* (А. Зализняк); *А математиком я сделался... только тогда / когда убедился*

*в том / что дело это у меня идет хорошо / а совершенно неизвестно / какое-нибудь **другое** дело пошло бы или нет* (А. Колмогоров, А. Марутян). Неопределенность выбора актуализирует существование множества, из которого он производится. Этому же служит и сочетание с определительным местоимением 'любой'₂, указывающим на существование множества предметов и вместе с тем служащим для субъективного выделения одного предмета из класса [7. С. 129]: *Это дает возможность использовать в решении не только балочные элементы, но и **любые другие*** (В.А. Овчинников); *Я вообще как **любой другой** рядовой работник... считаю, что введение такого понятия, как 60-часовая рабочая неделя, сыграет в основном на руку работодателю...* (коллект. форум). В последнем примере наиболее отчетливо сопрягаются кванторные значения обобщения и неопределенности. Соединение двух определительных местоимений (*любой другой*) усиливает значение множества и отдельность-несходство входящих в него предметов. Во всех рассмотренных случаях наблюдается отсутствие конкретной референции предмета или признака.

У ДРУГОЙ может быть и *некванторное* значение. Оно реализуется, если местоимение выполняет функцию *конкретной* референции, употребляется в высказываниях, в которых «множество ограничено двумя-тремя элементами», осуществляя своего рода деквантификацию. В этих случаях ДРУГОЙ означает 'второй, противопоставленный данному' [8. С. 72], 'противоположный'. В НОСС [22] предлагается выделить такое значение как ДРУГОЙ 2 и дается толкование 'второй, следующий'. Конкретизация осуществляется при довольно жестких условиях: если в предтексте сообщается о двух или о парных предметах (*берега, руки, глаза и пр.*): *...Колюнина семья жила, как с соседями за стенкой, в **двухкомнатной** квартире на первом этаже. В одной комнате – бабушка, в **другой**... – родители и двое детей* (А. Варламов); *Где-то вдали мерещился **другой берег**, но это могло быть и оптическим обманом...* (Л. Улицкая). Парность может задаваться в сочетаниях 'один и другой', 'тот и другой' при противопоставлении (см. об этом подробнее: [25]): *Но **одно** дело – привлечь внимание к интересному техническому решению, совсем **другое** – привести его к успеху на рынке* (В. Соболев); *Понимаете, между поэтом и пророком – огромная разница. Хотя и **тот и другой** обращаются к современникам со стихами, они, по сути, противоположности* (Е. Чижов).

Функцию конкретной референции местоимение ДРУГОЙ выполняет, если оно включается в числовой ряд, становится синонимичным порядковому числительному *второй*: *Его раз поймали, другой, третий, и начальник цеха, молодой парень...* (Л. Улицкая); *Прежде чем я успел что-то сделать, пушка на ее танкетке дрогнула и послышался хлопок – один, другой, третий, четвертый...* (Л. Каганов).

Конкретизация осуществляется независимо от того, является ли ДРУГОЙ местоимением-прилагательным, или при его субстантивации.

Итак, кванторная функция-значение у местоимения ДРУГОЙ воплощает сразу оба аспекта – и неопределенность, и обобщение, при этом она совмещается в первую очередь с анафорической функцией. Именно контекст, содержащий антецедент, может предопределять деквантификацию местоимения, его способность служить средством конкретной референции, указывая на определенное явление.

Объединение значения местоимения ДРУГОЙ, выполняющего кванторную функцию, с его другими значениями обусловлено ее зависимостью от других функций, становящихся для нее источником производности, а также большой ролью окружающего контекста, типовыми употреблениями. Выделение значения ДРУГОЙ как самостоятельного в контексте конкретной референции также обусловлено значительной ролью семантико-синтаксического контекста, в котором возможна реализация значения 'второй, противоположный'.

Модель словарной статьи местоимения ДРУГОЙ

Поскольку в работе представлена модель словарной статьи одного местоимения, то не ставится вопрос об отборе вокабул; также следует отметить, что пока не рассматриваются случаи перехода в знаменательные части речи и устойчивые, фразеологические обороты.

Структура словарной статьи принципиально не отличается от общепринятой и включает вокабулу, акцентную характеристику, грамматические пометы, толкование, типовые употребления и иллюстративный материал.

Грамматические пометы содержат указание на грамматический и семантический разряды местоимений (как и в [14]), новым является отметка о преимущественно выполняемой функции (дейктической, анафорической, кванторной с уточнением неопределенной и обобщен-

ной референции), для которой устанавливается значение (информация для специалиста). Грамматический разряд обозначается при помощи помет: мест.-прил., мест.-сущ. (другие характеристики у слова ДРУГОЙ отсутствуют). Использование таких помет (вместо традиционных окончаний) связано с тем, что местоимение, обладающее грамматическими признаками прилагательного, может употребляться и в роли местоименного существительного, но не приобретает постоянного рода.

Информация об отнесенности местоимения ДРУГОЙ к семантическому разряду – определительных местоимений – важна для дальнейшего поиска свойств данного слова в грамматиках и справочниках, где их характеристика содержится в параграфе, посвященном определенной группе.

Толкование дается в описательной форме (в отличие от представленного в толковых словарях отрицательно-отсылчного). В толковании указывается связь с ведущей выполняемой функцией и, соответственно, с речевым актом, говорящим, предтекстом, включением в класс, степенью неопределенности. Представляется целесообразным субстантиваты давать не в конце словарной статьи, а включать со специальной пометой в соответствующее значение. В качестве основного значения выбирается не самое частотное и не наиболее широкое, а то, которое является источником производности и реализуется в наименьшем контексте.

Значения традиционно отмечаются арабскими цифрами и даются с абзаца, смысловые оттенки выделяются посредством двух параллельных черточек //, особенности употребления – после одной черточки /. Так же даются случаи субстантивации (перехода в местоименные существительные при отсутствии изменения в значении).

В качестве иллюстративного материала приводятся примеры из художественных, публицистических или научных произведений. Само местоимение выделяется жирным шрифтом, а слово, с которым оно соотносится, – подчеркиванием.

Этимологическая справка в данной модели статьи не приводится.

ДРУГОЙ – определит. 1. мест.-прил., (дейкт., с оттенком неопр.). Отличающийся по своим свойствам от свойств элементов речевого акта: говорящего, адресата, наблюдаемого предмета, выступающих в качестве точки отсчета (часто она может быть опущена в тексте). *И мне становилось стыдно, что я вот такой, а не **другой**, и понимал, что виноват, причем во всем...* (Е. Гришковец. Как я съел собаку); *Что, **другую** шкуру тебе выдадут, что ли? Вот, мол, Яша, тебе*

новая кожа... (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Здесь был **другой**, мягкий и вкрадчивый мир* (В. Аксенов. Звездный билет). // Фиксируемый, но не называемый признак лица, не совпадающего с говорящим или адресатом, предмета, отличного от наблюдаемого, места или времени, не включенных ситуацию общения. – *Нет, – сказал я. – Паспорт как раз тот. Это я – **другой*** (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени); – *Я сейчас занят, давай в **другое** время* (С. Шикера. Египетское метро); *Он был... сюда завезен по ошибке, но прижился здесь и не рвался в **другое** место, справедливо считая, что вряд ли там будет лучше* (А. Солженицын. В круге первом); *В бельэтаже послышался голос: «Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!» И **другой** голос: «Да ты не толкайся, я тебя сам так толкану!»* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). / субст. (мест.-сущ.) *Я сидела, озираясь, словно не я – **другой** сидел на моей вымытой, готовой к празднику кухне* (Е. Чижова. Лавра); *Поверишь ли, что это написал ты, а не **другой** кто-то* (В. Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий); *Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о **другом*** (Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла).

2. мест.-прил. (анафорическ., неопр., обобщ.). Не имеющий какого-либо свойства, которым обладает сопоставляемый с ним представленный в предтексте объект, обстоятельство или целая ситуация, либо имеющий дополнительный признак. *Петрушка как две капли воды был похож на отца... Ирина посмотрела на него и обрадовалась, что он именно такой, а не **другой*** (В. Токарева. Зигзаг); *Исчезла свойственная ему [Стуруа] прежде страсть к социальным акцентам и политическим обобщениям. Этот «**другой**» Стуруа... на этот раз, кажется, оформился окончательно* (Н. Каминская. Прореха на человечестве). // объект, обстоятельство или целая ситуация, близкие по какому-л. неназванному признаку предмету, упомянутому в предтексте и чем-либо отличающиеся от него. *Вот, например, смотрю кино, вижу там знакомую актрису..., я недавно видел ее в каком-то **другом** фильме...* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно); *Впрочем, тут же на полном серьезе и в положительном ключе наш влогер рассказывает о новых книжных адаптациях во вселенной «Звездные войны» и **другом** сомнительном чтиве* (А. Фаустов. Один день в русском буктьюбе). / (во мн. ч.) включение упомянутого/ых объекта/ов в ряд предметов, выделяемых по какому-либо признаку. ...*всюду есть какой-то строй, а там, где его*

нет, либо горные кручи, либо дикие звери с ядовитыми змеями. **И другие** неудобства... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); ...в их спектрах наблюдаются сильные, часто широкие линии излучения водорода, гелия и **других элементов** (А.М. Черепашук. Поиски черных дыр); / субст. (мест.-сущ) Тут можно говорить о недоверии к себе... Но хочется сказать **о другом**: как раз в те моменты, когда мы становимся уязвимыми, неуклюжими, неловкими, тупим, теряем лицо – мы становимся человечными (С. Скарлош. Недостаточно хорош для жизни); Компания теплая и небольшая, баскетболист с женой **и другие**, а в общем, тридцатилетние и даже моложе, худые, рослые, сомкнутые своим застольем и своей молодостью (Вл. Маканин. Отдушина).

3. мест.-прил., мест.-сущ. 'второй, противопоставленный данному', 'противоположный', часто при характеристике парных предметов (ноги, глаза, берега и др.). И Утка подставила ему свою спину и перевезла на **другой** берег (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?); Та пугливо пригнулась, бросила на пол шланг, что еще держал ее как на привязи, забыв в **другой** руке взмыленную ветошку, и... шмыгнула из покойницы (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней). / **один и другой; тот и другой; ни тот, ни другой** 'оба из названных'. Протянула я в печку руку со страхом, смотрю – валенки хозяйкины, **один и другой**... (С.Н. Сергеев-Ценский. Счастливица); ...ее отношения с мамой были холодными – ни **та**, ни **другая** не умели скрывать своего настроения (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний). // 'второй, противопоставленный находящимся в общем числовом ряду перед ним и после него': Вот и на этого мужика он просто смотрел, а мужик раз, **другой**, третий поднял на него свои утомленные глаза, хмурился все больше и вдруг как даст кулаком в лоб Клеконову... (А. Слаповский. Гибель гитариста); Он бросал на полотно один мазок, **другой**, третий – все это небрежно, походя, играя... (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). / **один за другим** – 'последовательно'. Дни действительно бежали **один за другим**. Саше исполнилось восемнадцать лет (В. Токарева. Своя правда).

Заключение

Семантика местоимения имеет длительную историю изучения. В настоящее время можно констатировать, что назрела необходимость создания словаря местоименных слов, предназначенного для

специалистов. Толкование этой части речи имеет свою специфику, обусловленную отсутствием у нее номинативной функции, постоянной денотативной закреплённости, наличием особых функций, диффузной семантики, что обуславливает выделение особого сплава функции и значения.

Поскольку местоимение выступает как ориентационный языковой механизм, связывающий высказывание с речевой ситуацией, текстом, действительностью, то в толковании важно указать точку отсчета, по отношению к которой реализуется то или иное значение-функция. Распределение значений в соответствии с дейктической, анафорической и кванторной функциями отчасти представлено в словарях, но это не эксплицируется ни во вводных статьях, ни в самих толкованиях.

Попытка создания словарной статьи отдельного местоимения позволяет перейти к обсуждению проблем лексикографирования этой части речи.

Разработка модели словарной статьи местоимения ДРУГОЙ является первым подступом к возможному созданию словаря местоимений. Предлагаемая модель отражает свойства, позволяющие проследить особенности словарного воплощения местоимения.

В статье представлена попытка совместить описательное толкование значения с выполняемой местоимением функцией, так как синонимическое толкование в этом случае не очень удачно, оно нивелирует функциональное различие. Важными для толкования местоимения ДРУГОЙ являются сопоставление с некоторой меняющейся точкой отсчета, не-включение в определенный / неопределенный класс явлений (объектов, признаков, действий, хронотопа), зависимость актуализации той или иной семантики от контекста или конситуации.

Основными критериями выбора основного и второстепенных значений в словарной статье становятся степень зависимости от контекста, синтаксическая обусловленность, способность к семантической производности, что возможно сделать в результате изучения функционирования слова в речи.

Специфика местоимения как части речи, его грамматическая неоднородность требуют системы особых помет.

Недостаточно разработанными пока остаются проблемы выделения у местоимения оттенков значений и употреблений, поскольку зависимость от контекста в этом случае гораздо выше, чем у знаменательных частей речи. Требуют также обсуждения включение в одну

словарную статью местоимений, перешедших в другие части речи (знаменательные и незнаменательные), способ представления устойчивых сочетаний и пр.

Таким образом, постановка вопроса о лексикографировании местоимений требует дальнейшего изучения.

Литература

1. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
2. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений : на материале иберо-романских языков. М. : Наука, 1974. 224 с.
3. *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М. : Наука, 1988. 151 с.
4. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью : (референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985. 271 с.
5. *Откупщикова М.И.* Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л. : Ленинград. гос. ун-т, 1984. 87 с.
6. *Крылов С.А.* О семантике местоименных слов и выражений // *Русские местоимения: семантика и грамматика*. Владимир : ВГПИ, 1989. С. 5–13.
7. *Шелякин М.А.* Местоимение // *Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А.* Современный русский язык : теоретический курс : словообразование, морфология / под ред. В.В. Иванова. М. : Рус. яз., 1989. С. 108–130.
8. *Шувалова И.Е.* Семантика русских местоимений. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 143 с.
9. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935. Т. I. 1562 с. (ТСУ).
10. *Словарь русского языка* : в 4 т. М. : Рус. яз., 1985. Т. I. 702 с. (МАС).
11. *Большой академический словарь русского языка*. М.: Наука, 1999. Т. 1. 867 с. (БАС).
12. *Толковый словарь русского языка* / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азъ, 1992. 955 с. (СОШ).
13. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2001. Т. I: А–О. 1232 с. (СЕ).
14. *Объяснительный словарь русского языка*. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
15. *Труфанова И.В.* Лексикографический портрет местоимения ИНОЙ // *Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8, № 3. С. 509–518.
16. *Труфанова И.В.* Определительные местоимения, обойденные грамматикой // *Общественные науки*. 2017. № 4–1. С. 131–142.
17. *Русский семантический словарь*. М. : Азбуковник, 1998. Т. I. 800 с. (РСС).
18. *Словарь служебных слов русского языка* / *Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А., Сергеева Г.Н.* Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.

19. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2004. 814 с.
20. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М. : Рус. яз., 1991. 254 с.
21. Комарова З.И., Шадрина Ю.Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2010. № 1. С. 32–39.
22. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. : Языки русской культуры, 2000. Вып. 2. LV, 488 с. (НОСС).
23. Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М. : Наука, 1987. С. 78–128.
24. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
25. Падучева Е.В. О трансформации прономинализации: глубинные структуры предложений со словами один, другой // Проблемы грамматического моделирования. М. : Наука, 1973. С. 138–154.
26. Сутырина Ю.А. Атрибутивная валентность кванторных местоименных существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 16 с.
27. Урунова Р.Д., Азитова Г.Ш. К вопросу об особенностях кванторных местоимений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 124–128.
28. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford : Oxford University Press, 1997. 431 p. URL: <https://zenodo.org/record/1133894#.YD4ePSJR2Uk> (accessed: 27.01.2021).
29. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М. : Наука, 1989. С. 158–231.
30. Петрунина С.П. Цетера: функционально-стилевой аспект // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 218–232.

Functions of the Pronoun DRUGOY [OTHER] and Features of Its Representation in Dictionaries

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 64–85. DOI: 10.17223/22274200/22/4

Victoria N. Noskova, Irina P. Matkhanova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vika_muhtarova@mail.ru / matkhanova@mail.ru

Keywords: other, defining pronouns, functions of pronouns, lexicographing of pronouns, polysemy of pronouns, dictionary entry.

Based on the analysis of the behavior of the pronoun DRUGOY [OTHER] in utterances, the article studies the features of its representation in dictionary entries and develops a specific dictionary entry model taking into consideration the deictic, anaphoric, and quantifying functions of this lexeme. The article examines pronouns in the broad sense – determined by the absence of a nominative function and the presence

of quantifying and indicative functions, as well as a complex of such specific features as grammatical heterogeneity, semantic incompleteness, egocentrism, absence of a stable denotation, broad meaning, etc. The article is based on the dictionary entries (about 500) of the basic explanatory dictionaries and text fragments containing the lexeme DRUGOY from the Subcorpus of Spoken Russian of the Russian National Corpus. The pronoun DRUGOY belongs to the group of defining pronouns that are especially interesting to linguists and lexicographers due to the lack of studies and difficulty in describing their semantics. The pronoun has polysemy, as well as the ability to perform several functions simultaneously, to demonstrate the correlation between function and meaning, to perform an identifying function through the reflection of discrepancy with a feature/object referenced to the deictic center. The analysis of the explanatory dictionaries shows that, when compiling dictionary entries of pronouns, lexicographers usually do not consider the specifics of their interpretation as linguistic units that differ significantly in their semantics from lexemes with nominative meanings, do not indicate explicitly the role of the deictic center in their characteristics, although illustrative material may contain contexts with the pronoun DRUGOY that performs various functions. The authors suggest defining the pronoun's functions as the main principle of compiling dictionary entries. According to this, the authors compiled the dictionary entry of the pronoun DRUGOY analyzing its behavior in utterances where the pronoun performs deictic, anaphoric, and quantifying functions determined by the different components of communication, elements of the previous context, and other contextual indicators. The developed dictionary entry model applies descriptive (and not reference) definitions, which are constructed based on the leading function. The definitions represent a single hierarchically arranged semantic structure: the meaning that can serve as a source of derivation and function in terms of a minimum context is considered as main or first. Due to the peculiarity of the pronominal meaning, the authors recommend including in the dictionary entries specific lexical and grammatical information. The dictionary entry model of the pronoun DRUGOY developed by the authors as a result of this research can serve as a starting point for the compilation of a specialized dictionary of Russian pronouns in the future.

References

1. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Vol'f, E.M. (1974) *Grammatika i semantika mestoimeniy: na materiale ibero-romanskikh yazykov* [Grammar and semantics of pronouns: based on the material of the Iberian Romance languages]. Moscow: Nauka.
3. Seliverstova, O.N. (1988) *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in language and speech]. Moscow: Nauka.
4. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [The utterance and its correlation with reality: (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka.
5. Otkupshchikova, M.I. (1984) *Mestoimeniya sovremennogo russkogo yazyka v strukturno-semanticheskom aspekte* [Pronouns of the modern Russian language in the structural and semantic aspect]. Leningrad: Leningrad State University.

6. Krylov, S.A. (1989) O semantike mestoimennykh slov i vyrazheniy [On the semantics of pronominal words and expressions]. In: *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika* [Russian pronouns: semantics and grammar]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute. pp. 5–13.
7. Shelyakin, M.A. (1989) Mestoimenie [Pronoun]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: teoreticheskiy kurs: slovoobrazovanie, morfologiya* [Modern Russian language: theoretical course: word formation, morphology]. Moscow: Rus. yaz. pp. 108–130.
8. Shuvalova, I.E. (2007) *Semantika russkikh mestoimenyi* [Semantics of Russian pronouns]. Kursk: Kursk State University.
9. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Sov. entsikl.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.
11. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (1999) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az'.
13. Efremova, T.F. (2001) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory derivational dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.
14. Morkovkin, V.V. (ed.) (2003) *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka. Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory dictionary of the Russian language. Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, linking verbs]. Moscow: Astrel': AST.
15. Trufanova, I.V. (2017) Lexicographic portrait of the pronoun OTHER. *Vestnik RUDN. Ser. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 8 (3). pp. 509–518. (In Russian).
16. Trufanova, I.V. (2017) Opredelitel'nye mestoimeniya, oboydennyye grammatikami [Defining pronouns bypassed by grammars]. *Obshchestvennye nauki*. 4–1. pp. 131–142.
17. Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkiy semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
18. Priyatkina, A.F., Starodumova, E.A. & Sergeeva, G.N. (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of functional words of the Russian language]. Vladivostok: Primpoligrafkombinat.
19. Efremova, T.F. (2004) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of the Russian Language]. Moscow: Astrel': AST.
20. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova. Narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of word equivalents. Adverbial, functional, modal units]. Moscow: Rus. yaz.
21. Komarova, Z.I. & Shadrina, Yu.Yu. (2010) Problemnoe pole mestoimennosti i mestoimenyi: istoriya i sovremennost' [Problem field of pronominality and pronouns:

history and modernity]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika*. 1. pp. 32–39.

22. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2000) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

23. Boguslavskaya, O.Yu. & Murav'eva, I.A. (1987) *Mekhanizmy anaforicheskoy nominatsii* [Mechanisms of anaphoric nomination]. In: *Modelirovanie yazykovoy deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* [Modeling of language activity in intelligent systems]. Moscow: Nauka. pp. 78–128.

24. Yartsev, V.N. (ed.) (2002) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl.

25. Paducheva, E.V. (1973) O transformatsiyakh pronominalizatsii: glubinnye struktury predlozheniy so slovami odin, drugoy [On the transformations of pronominalization: deep structures of sentences with the words one, another]. In: Zaliznyak, A.A. (ed.) *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Issues of grammatical modeling]. Moscow: Nauka. pp. 138–154.

26. Sutyryna, Yu.A. (1999) *Atributivnaya valentnost' kvantornykh mestoimennykh sushchestvitel'nykh* [Attributive valence of quantifier pronominal nouns]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.

27. Urunova, R.D. & Azitova, G.Sh. (2019) Towards the issue of specificities of quantifier pronouns. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 6 (139). pp. 124–128. (In Russian).

28. Haspelmath, M. (1997) *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://zenodo.org/record/1133894#.YD4ePSJR2Uk> (Accessed: 27.01.2021).

29. Kuz'mina, S.M. (1989) *Semantika i stilistika neopredelennykh mestoimenyi* [Semantics and stylistics of indefinite pronouns]. In: *Grammaticheskie issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt. Supersegmentnaya fonetika. Morfologicheskaya semantika* [Grammatical Studies. Functional and stylistic aspect. Suprasegmental phonetics. Morphological semantics]. Moscow: Nauka. pp. 158–231.

30. Petrunina, S.P. (2008) *Tsetera: funktsional'no-stilevoy aspekt* [Cetera: functional and stylistic aspect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 218–232.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374 + 81'373.211 + 811.511.11

DOI: 10.17223/22274200/22/5

Е.В. Захарова, И.И. Муллонен

ОЙКОНИМЫ КАРЕЛИИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ»¹

Описываются параметры представления названий населенных мест карелов-людики в региональном словаре. Рассматриваются источники, общая структура словаря, структура и особенности словарных статей, приводятся их образцы. Выявляется комплекс проблем лексикографического описания ойконимов Карелии, связанных с двуязычным форматом их бытования, сопряженным с двумя уровнями номинации – официальным и неофициальным, с сокращением количества поселений в регионе, а также с вопросами акцентуации.

Ключевые слова: словарь, топонимы, ойконимы, Карелия, карелы-людики, карельский язык, русский язык

Коллекция топонимических словарей в последние годы активно пополняется изданиями разных типов и форматов. Лексикографические труды, посвященные названиям географических объектов, отличаются выбором описываемого материала и решаемыми задачами. Особую актуальность и популярность приобретают издания, представляющие топонимические системы отдельных территорий (список российских региональных топонимических словарей включает около 200 наименований), среди которых наиболее востребованными являются словари названий населенных мест. При этом ойконимический материал в них может подаваться в виде свода, а также в виде словарных статей, отличающихся по своей структуре от издания к изданию, в частности по параметру включенности этимологического раздела. Составители словаря, описанию которого посвящена данная статья, решали

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

несколько задач: представление материала, включающего в себя как официальный (русский), так и неофициальный (карельский) уровень номинации, становление наименований во времени, начиная с первых упоминаний в письменных источниках, а также этимологическая интерпретация ойконимов.

Историографический обзор и источники

Работа известного финляндского исследователя В. Ниссиля по ойконимам людиковского Прионежья [1] положила начало лексикографическому описанию топонимов Карелии. В 1976 г. карельские ученые Г.М. Керт и Н.Н. Мамонтова выпустили небольшой словарь научно-популярного плана «Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии» [2], в котором рассматривается около полусотни названий наиболее известных географических объектов республики (в том числе и ойконимов). Книга выдержала несколько переизданий. В последующие десятилетия топонимической группой сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН был издан ряд работ словарного формата: «Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)» (далее СГС) [3], «Свод топонимов Заонежья» (далее СТЗ) [4], а также топонимический словарь «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» [5].

Первые два издания (СГС и СТЗ), подготовленные в сотрудничестве с коллегами из Санкт-Петербурга, представляют собой своды топонимов двух уникальных историко-культурных зон Карелии — Присвирья и Заонежья. СГС содержит более трех тысяч гидронимов, которые подаются в гидрографической последовательности от верховий реки Свири и ее притоков к низовьям, что позволяет увидеть взаимодействие разноразличных топонимических систем (вепсской, карельской и русской), выявить локальные топонимические модели, определить и проанализировать ареалы, выходящие за пределы Присвирья и связывающие эту территорию с сопредельными областями. СТЗ включает около 12 тысяч топонимов Заонежья, сгруппированных по поселенческому принципу и демонстрирующих сложение и функционирование топонимической системы на уровне отдельного селения или волости [6. С. 333]. В свою очередь, в работе «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» [5], выполненной в словарном формате, рассматривается происхождение около 2 500 названий географических объектов

Заонежья – от наиболее крупных и известных, таких как Онежское озеро, о. Кижи, до микропонимов (названий отдельных урочищ, полей, болот и пр.). Особую ценность представляют историко-культурные комментарии данного издания, в них демонстрируется значительная доля субстратного прибалтийско-финского компонента в русской топонимии Заонежья, на основе анализа типовых топооснов и фонетических данных определяются критерии дистрибуции субстратного пласта географических названий на карельские и вепские, с помощью применения ареально-типологической методики показано диалектное членение территории на две зоны русских говоров и установлены разные пути ее освоения.

Топонимы активно привлекались и в качестве иллюстраций при работе над словарями местных географических терминов. Так, в состав статей «Словаря карельской народной географической терминологии» [7] вошло около 10 тысяч названий географических объектов Карелии.

Основным источником материала для обозначенных работ (помимо архивных, статистических, картографических и исторических сведений) послужили богатые полевые данные. Ежегодные топонимические экспедиции в районы Карелии и сопредельных областей, проводимые сотрудниками сектора языкознания с 1970 г., позволили создать одну из крупнейших топонимических коллекций в России – Научную картотеку топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН, содержащую более 300 тысяч единиц хранения на карельском, вепском и русском языках. На ее основе создана ГИС «Топонимия Карелии», позволяющая не только хранить в электронном виде базу данных, осуществлять поиск и анализировать топонимический материал по 20 параметрам, но и отображать привязанные к топографическим картам объекты. Эта научная база, накопленный за полстолетия опыт анализа топонимического материала, полученные результаты, а также наработки и достижения современных школ отечественной и зарубежной (прежде всего прибалтийско-финской) ономастики¹ позволили исследовательскому коллективу приступить к масштабному проекту «Словарь топонимов Карелии» (далее СТК). Для реализации данного проекта было принято решение о подготовке серии изданий, представляющих топонимию разных

¹ Имеются в виду Уральская ономастическая школа (г. Екатеринбург, УрФУ), центры ономастических исследований Финляндии и Эстонии (см., напр.: [8, 9]).

в этноязыковом отношении районов Карелии¹. В качестве материала для апробации параметров представления и описания географических названий Карелии был выбран разряд ойконимов как наиболее известный и интересный широкому кругу пользователей. Что касается ареала исследования, им стала территория современного и бывшего расселения карелов-людигов² как наиболее освоенная в поселенческом отношении. Именно здесь располагаются столица республики Петрозаводск и один из крупных городов – Кондопога, кроме того, ряд наименований традиционных людиковских поселений встречается вдоль федеральной трассы Р-21 «Кола» (на участках Санкт-Петербург–Петрозаводск и Петрозаводск–Мурманск).

Следует отметить, что названия населенных мест карелов-людигов анализировались в трудах финляндского исследователя В. Ниссиля [1, 11], а также в работах представителей карельской топонимической школы [2, 12–15], при этом подготовленный «Словарь названий населенных мест карелов-людигов» (сост.: Е.В. Захарова, И.И. Муллонен) является по преимуществу авторским, поскольку подавляющее большинство этимологий было разработано или переработано его составителями.

Параметры представления и описания ойконимического материала

Двухязычный формат. Особенностью ойконимической системы Карелии является ее функционирование в двух разноязычных форматах:

¹ Регион условно можно поделить на «карельскую» и «русскую» Карелию, в которых, в свою очередь, выделяется несколько этноязыковых зон: южная Карелия, представляющая территорию исторического расселения карелов-ливвиков; центральная и северная Карелия, освоенная носителями собственно карельского наречия карельского языка; Прионежье, заселенное вепсами и карелами-людиками; а также ареалы проживания этнолокальных групп русских – Заонежье, Поморье, Пудожье.

² Карелы-людики – один из трех карельских субэтносов – проживают в Прионежье, в восточной части Онежско-Ладожского перешейка, от реки Суны до реки Свири. Следует отметить, что в последнее время часто поднимается вопрос этногенеза людигов. Ряд лингвистов считают их отдельным народом, в то время как последние исследования фонетической и морфологической систем карельского языка с использованием метода кластерного анализа (подробнее см.: [10]) подтверждают устоявшуюся в отечественном финно-угроведении точку зрения о том, что язык людигов является одним из трех наречий карельского языка (наравне с собственно карельским и ливвиковским).

на официальном уровне на русском, на неофициальном – на карельском / вепском языке (в зависимости от территории). Под официальным уровнем понимается закрепление ойконима в официальных государственных реестрах, списках, на картах, в атласах и пр. Неофициальный уровень – устное бытование ойконима в среде местного населения¹. Такая ситуация объясняется длительным (на протяжении столетий) сосуществованием и взаимодействием в данном регионе двух этноязыковых традиций: прибалтийско-финской (карельской и вепской) и русской. При этом официальный и неофициальный варианты названия часто не соответствуют друг другу². Если, например, официальное русскоязычное название дер. *Порожек* практически совпадает по своей семантике с карельским оригиналом *Kosken|kylä*³ (ср. карел. *koski*, *kosk* ‘порог’, *kylä* ‘деревня’⁴, т.е. букв. «деревня порога» или «деревня при пороге»), то официальное наименование дер. *Новоселовская*, сохраняющее память о ее новопоселенном характере с XVIII в., отличается от карельского наименования *Bošši*, *Boššin|kylä*, образованного от антропонима – родового имени первопоселенца *Bošši* (карел. *bošši* ‘баран’ (как прозвище упряма)). Другой пример: в официальном названии дер. *Нюхово* (исторически *Нюхкоево*) закрепился антропоним прозвищного характера (ср. карел. *nyhkeä* ‘кряхтеть, охать, стонать’ или вепс. *n’ühkta* ‘хныкать, вхлипывать, шмыгать носом’, *n’ühkota* ‘мрачнеть, сердиться’), в то время как карельский неофициальный ойконим *Yliči* отражает местоположение деревни на противоположном от центра волости и других волостных поселений берегу оз. Долгого (ср. карел. *ylīči* ‘расположенный через, за’).

Поскольку словарь составлен на русском языке и статус официальных названий в Карелии закреплён только за русскоязычными вариантами, в качестве заголовочного слова словарной статьи выносятся русское название. В ряде случаев может приводиться несколько

¹ Корпус неофициальных ойконимов Карелии собран в ходе многолетних полевых исследований и хранится в Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей ИЯЛИ КарНЦ РАН.

² Подробнее о причинах соответствия / несоответствия официальных и неофициальных вариантов ойконимов Карелии см.: [16].

³ Здесь и далее знак | используется для разграничения частей сложных по структуре топонимов.

⁴ Здесь и далее значения карельских лексем приводятся по [17], значения вепских лексем – по [18].

вариантов русскоязычных ойконимов (закрепленных письменной нормой и бытующих в устном употреблении): дер. *Канцево, Канчепосад*; дер. *Корташева Сельга, Корташи*; дер. *Кучино, На Бору*. В таком случае ойконимы подаются в алфавитной последовательности, поскольку словарь не выполняет функции нормирования и стандартизации. Следом за русским названием приводится (при наличии) карельский вариант (варианты¹). Словник словаря выстроен в алфавитной последовательности. Для облегчения поиска информации в качестве приложений к словарю составлено два алфавитных указателя – на русском (в который, помимо ойконимов, вынесенных в заголовочные слова, вошли не рассматривающиеся отдельно, но упомянутые в составе иных словарных статей наименования) и карельском языках. Этимологическая интерпретация в статьях по возможности приводится как для русского, так и для карельского варианта названия.

Административная привязка. Ойконимическая система карелов-людигов включает в себя более 200 наименований – это названия кустов, или гнезд, поселений² (*Кончезеро / Kendärv*³, *Святозеро / Pyhärv(i)*, *Шуя / Šuoju*), концов или частей кустов (*Южный Конец / Suviagd'*, *Средняя Пряжа / Kesskylä*, *Западное Кончезеро / Luodehkylä*), отдельных деревень, хуторов, выселков, не входящих в гнезда (*Косалма / Kossalm*, *Половина / Pošte*, *Маткачи / Matkač ~ Matkačču*⁴). Каждый из перечисленных типов имеет свой набор номинативных моделей, характеризующихся структурными особенностями и временем бытования⁵. Хронологические рамки возникновения наименований мест, освоенных карелами-людиками, достаточно широки: ряд дошедших до наших дней ойконимов фиксируется уже в материалах писцового дела XVI–XVII вв. (дер. *Лембачево / Lembačšov*: дер. на Лембоче [21]; дер. *Кукойнаволоок / Kukuoiniet, Niem*: *Кукуев Наволок* [22]), некоторые

¹ В силу отсутствия у карельского и вепсского языков официального статуса большинство карело- и вепскоязычных географических названий Карелии не приведено к единой норме, поэтому в словарной статье может даваться несколько бытующих в устной практике вариантов названия.

² Гнездом (кустом) поселений считается группа тяготеющих друг к другу деревень, имеющих самостоятельные названия, но объединенных общим наименованием и осознаваемых жителями как единое целое [19. С. 80].

³ Через знак / даются разноязычные варианты названия.

⁴ Через знак ~ даются фонетические варианты названия.

⁵ Подробнее об особенностях людиковской ойконимии и типах традиционных людиковских поселений см.: [20].

названия (прежде всего, именованья хуторов, выселков, отдельных концов гнезд поселений) впервые появляются на рубеже XIX–XX вв. (дер. *Нурка* / *Nirka* ~ *Nirkka* ~ *Nirkke*: *Нурки* [23], дер. *Понизовье* [24]). В настоящее время значительная часть людиковских поселений имеет статус бывших¹, в существующих населенных пунктах национальный состав населения претерпел значительные изменения, кроме того, многие традиционные деревни превращаются в места отдыха (туристические базы и садоводческие товарищества). Несмотря на то, что большая часть названий поселений этой территории исчезла из официальных списков, они продолжают жить в топонимической системе региона и в памяти местных жителей. Это объясняет включение наименований бывших поселений в словник «Словаря названий людиковских поселений». Отметим, что ряд названий населенных пунктов, возникших на исконной территории расселения карелов-людиков уже в XX в. в связи с экономическим освоением региона, не вошел в словник словаря, поскольку эти ойконимы (имеются в виду наименования поселков, образованных при племсовхозах, мелиоративных станциях и пр.) создавались, как правило, административным путем, в отрыве от народной традиции.

Неоднократные изменения, происходившие в течение XX в. в административно-территориальном устройстве Карелии, поставили перед составителями словаря проблему административной привязки ойконимов, включенных в состав словника. За основу было решено взять административное членение республики, отраженное в «Списке населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года)» [25], поскольку исчезнувшие (в том числе и людиковские) населенные пункты в наиболее полном виде представлены в той административной сетке. Привязка ойконимов дается по формуле: район, сельский совет. В случае отсутствия географического названия в указанном источнике его бывшая или настоящая территориальная принадлежность указывается в тексте статьи. Для удобства пользователей в качестве приложения к словарю составлена таблица соотношения административного членения 1926 г. с современным административным устройством Карелии.

¹ Согласно Списку населенных мест 1926 г., в Карельской АССР в первой трети XX в. насчитывалось 2 852 населенных пункта [25], в настоящее время в Республике Карелия официально существует 802 населенных пункта [26].

Акцентуация. Введение такого параметра, как ударение, на этапе разработки структуры словарной статьи СТК не планировалось, но в связи с увеличением количества запросов, поступающих в ИЯЛИ КарНЦ РАН со стороны различных ведомств, СМИ, специалистов, о правильной акцентуации в географических названиях Карелии было принято решение о включении данного параметра в словарь ойконимов.

Определенные сложности возникают при постановке ударения в отдельных русскоязычных названиях (в противоположность карельским, не требующим такового ввиду фиксированного ударения на первом слоге во всех прибалтийско-финских языках), поскольку не всегда в распоряжении составителей есть необходимые материалы. Это относится к ряду наименований исчезнувших к настоящему времени деревень, ударение в которых не отразилось в официальных, исторических и полевых источниках. Такие случаи составляют особую небольшую категорию названий, в которых ударение осталось непроставленным.

Проблема акцентуации затронула также ойконимы, вошедшие в русскую систему именования географических объектов в результате прямого усвоения либо калькирования прибалтийско-финских названий. Отдельные наименования такого типа сохранили свойственное прибалтийско-финским языкам ударение на первом слоге (дер. *Téреки* / *Törökkä* (карел. *törökki* ‘недоросль; простофиля; маленький мальчик’ [27. Р. 1507–1508]), дер. *Кéняки* / *Ken’akko* (люд. *ken’akko* ‘высокий песчаный бугор’ [7. С. 65]), в других с течением времени произошла его передвигка (дер. *Маткачй* (с ударением на последнем слоге) / *Matkačši* (приб.-фин. *matka, matk* ‘путь, дорога, расстояние, перешеек’ [28. С. 59]). Передвигка ударения с первого слога на второй произошла и в таких названиях, как *Лехнáволок*, *Мартнáволок*, *Пертнáволок* и др., являющихся полукальками сложных по структуре карельских ойконимов *Leh|niem ~ Leht|niem* (карел. *lehto* ‘роща, дубрава’, *niem* ‘наволок, мыс’), *Mart|niem* (букв. ‘Мартына мыс’), *Pert’|niem* (люд. *pert’* ‘изба’, *niem* ‘мыс, наволок’). При этом в сложных по структуре ойконимах нередко оба структурных элемента ударны, особенно если первый из них имеет два слога: *Тймóйгорá*, *Рйгосéльга*. Следует отметить и те случаи, когда ударение, отраженное в официальных источниках, не соответствует употребляемому местным сообществом. Так, например, название озера Кончезера, по которому получили свое название село *Кончезеро* и деревни *Западное Кончезеро* и *Восточное*

Кончезеро, в «Словаре названий гидрографических объектов России и других стран – членов СНГ» представлено в форме *Кончѐзеро* [29. С. 190], тогда как местная традиция допускает варианты с гласными *о* и *е*, но ударным всегда является первый слог: *Кѐнчезеро*, *Кѐнчозеро*. В таких случаях составители словаря придерживаются сложившихся местных вариантов.

История становления ойконима. Одной из особых задач, поставленных составителями словаря, стала реконструкция истории становления ойконима, демонстрация его эволюции и закрепления в официальной практике в специальном разделе словарной статьи. Для достижения этой цели использовался значительный корпус источников: помимо полевых данных, статистической литературы (списки населенных мест 1873, 1905, 1926, 1960 гг.), картографических материалов (включая старые карты XVIII–XIX вв.), привлекался широкий спектр исторических источников XVI–XIX вв. (писцовые и дозорные книги, ревизские сказки и пр.), в аккумулированном виде представленных в ГИС «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.»¹, а также приобретенных в виде копий в Центральном государственном архиве древних актов в рамках гранта РФФИ 19-012-00068 «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций». Современное официальное бытование ойконимов сверялось по такому источнику, как Автоматизированный государственный каталог географических названий по Республике Карелия [30].

Структура словаря

«Словарь названий населенных мест карелов-люди́ков» включает следующие разделы: введение, корпус словарных статей, список сокращений, списки источников и литературы и шесть приложений.

Во введении представлена подробная информация о карелах-люди́ках, территории их расселения, особенностях люди́ковской ойконимии, даны карты (карта распространения наречий карельского языка и карта люди́ковских поселений по данным 1905 г.), также описываются принципы построения словаря и структура словарной статьи.

¹ Создана в ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Словник словаря включает более 200 наименований населенных пунктов, расположенных в алфавитном порядке согласно закрепившемуся в лексикографической практике принципу представления ойконимического материала.

В качестве приложений выступают алфавитные указатели ойконимов на русском и карельском языках, таблица соответствий административно-территориального устройства Карелии по данным 1926 и 2021 гг., список детерминантов (основных компонентов сложных по структуре названий) прибалтийско-финских ойконимов, словарь терминов, а также комплект из 7 карт, отображающих расположение (былое и нынешнее) всех рассмотренных в словаре населенных мест. Данный комплект включает карту территории расселения карелов-людигов с указанием наиболее крупных и значимых водных объектов, разбитую на 6 квадратов, а также шесть карт, представляющих собой увеличенные фрагменты общей карты, с нанесенными значками ●, к каждому из которых прикреплен числовой индекс. Числовой индекс соответствует определенному населенному пункту, название которого на русском и карельском языках можно найти в приведенном к картам списке.

Структура статьи

Словарная статья состоит из следующих основных разделов: ойконим с проставленным ударением, его карельский вариант или варианты (при наличии); административная привязка (в круглых скобках указывается район и сельский совет); тип объекта; уточняющая информация:

ВА́ЖИНСКАЯ ПРИ́СТАНЬ – карел. **SIMANIŠTO** (Святоз, Важинопристанский), деревня на южном берегу оз. Святозеро.

Далее, после знака ●, следует раздел с документальными свидетельствами истории развития ойконима. Здесь представлены упоминания топонима в письменных источниках XV–XIX вв., ссылки на которые приводятся в квадратных скобках. При этом данные источников XV–XVII вв. в силу их немногочисленности и ценности приводятся максимально полно, а из свидетельств XVIII–XIX вв. выбраны только наиболее показательные с точки зрения интерпретации истоков названия:

• *Поч. на Важенской дороге* [21], *починок Важинская Пристань* [22], *что был починок Важенская пристань* [31], *Важенская пристань* [32], *Важенская пристань* [33], *Авженская пристань* [34], *Важинская пристань* [35], *Важенская пристань* [36], согласно СНМ 1873 г., дер. *Важинская Пристань* включала в себя два поселка: *Кара* и *Сик-Наволоок* [37], которые в списках населенных мест последующих лет фиксируются как отдельные деревни с названиями *Кара* (см.) и *Сигнаволоок* (см.) [24, 25, 38], *Важинская Пристань* [25, 39], совр. *Важинская Пристань* [30].

Основной частью словарной статьи является историко-этимологический комментарий, отделяющийся знаком ♦. Помимо собственно этимологии (которая по возможности дается как для русскоязычного, так и для карельского вариантов ойконима), приводится и связанная с ней лингвистическая (словообразовательная модель ойконима, семантика формантов, фонетические особенности и изменения, модели интеграции в иноязычную среду и др.), а также экстралингвистическая информация (сведения о самом объекте, характере его использования и т.д.). Данный раздел словарной статьи довольно свободен по форме изложения и по объему, поскольку отдельные топонимы требуют развернутых комментариев. Следует отметить, что не для всех ойконимов Карелии удалось найти убедительную этимологию, особенную сложность вызывают так называемые вторичные, или оттопонимные, ойконимы, образованные от названий рек и озер, на берегах которых возникли. В случае, когда авторы словаря не смогли предложить надежного этимологического решения, в статье указывается, что этимологические истоки ойконима неясны. В рассматриваемом словаре в подавляющем большинстве случаев представлены этимологии, разработанные членами авторского коллектива. В том случае, когда известны более ранние интерпретации, они приводятся с указанием на источник. Позиция составителей словаря может совпадать с выдвинутой предшественниками, но может и разниться в силу накопленных материалов и знаний. Так выглядит этимологический раздел по ойкониму *Важинская Пристань*:

♦ Закрепление термина *пристань* в русском варианте названия деревни, указывает не просто на наличие удобного для причала берега, а на пристань на оз. Святозеро, где осуществлялась перевалка грузов, перевозимых по историческому водно-волоковому пути, который

связывал реки Свирь и Шую через реку Важинку и оз. Святозеро. Карельское название включает в себя антропоним (имя первопоселенца) *Simana* ← рус. *Симон*, осложненный суффиксом с коллективной семантикой *-što*, букв. ‘род, семья Симана’. Происхождение названия реки *Важинки* (карел. *Vuažn'and'ogi*, *Vuad'že*) связывается с саам. *vuočšo*, *vuáčši* или реконструированным приб.-фин. **vatso* ‘длинное узкое болото’ [12. С. 287–289].

При необходимости в словарной статье даются перекрестные ссылки, обозначенные пометой (см.):

НОВОСЁЛОВСКАЯ – карел. **BOŠŠI**, **BOŠŠINKYLÄ** (Петров, Мунозерский), бывшая деревня, входившая в состав села Мунозерский Погост (см. **Погост**).

КАТЧЕЛА – карел. **KAČČAL**, **KAČČALA** (Кондоп, Сунский), деревня в составе куста поселений **Янишполе** (см.).

Ряд словарных статей снабжен иллюстративным материалом, это могут быть карты ареалов топонимных моделей или топооснов, значимых с точки зрения этноязыковой истории региона, фотографии деревень, фрагменты исторических карт и документов. Часть используемых в работе иллюстративных материалов (рисунки, карты топонимических ареалов) подготовлена в ИЯЛИ КарНЦ РАН, копии архивных документов (ряд фото и планы деревень) приобретены авторами по указанному выше гранту РФФИ.

В заключение приведем несколько примеров словарных статей, построенных в соответствии с представленным форматом:

КИВАЧ – карел. **KIVAČČU** (Кондоп, Вороновский), выселок. ● У *Кивача* [24], *Старый Кивач* [38], *Кивач* [39]. ♦ Населенный пункт назван по одноименному водопаду *Кивач* на реке Суне – памятнику природы, известному экскурсионному объекту. Упомянут впервые в XVI в. как «под Кивачом порогом тоня» [21]. Из ряда интерпретаций топонима научную поддержку получили две, изложенные в наиболее полном виде известным финляндским исследователем В. Ниссиля [1. Р. 34–35] и позднее воспроизведенные авторами «Загадок карельской топонимии» [2. С. 48–52]. Одна – более популярная – связывает его с карел. *kivi* ‘камень’, не объясняя, однако, генезис гласного *a* второго слога. Вторая версия предлагает исходить из приб.-фин. прилагательного *kiivas* ‘стремительный, бурный’, адекватно отражающего харак-

тер водопада. Ср. известный порог *Kivakka* на р. Оланга на севере Карелии, при карел. *kivakko* ‘бурный, стремительный’. Собственно карельскому суффиксу *-kko* / *-kka* в людиковских говорах соответствует суффикс *-čši*.

ЧУПА́ – карел. *ŠUPPU* (Петров, Кончезерский), деревня в составе с. **Кончезеро** (см.), на северной оконечности оз. Кончозеро. ● *Новой починок Чюпа в Каменном конце Кончозера* [40], *Новый починок Чюпа в Сиверном конце Конч-озера* [34], *Новый починок Чюпа в северном конце Кончезера* [41], *Чюпа Закончезерска* [35], *Кончезерская Чюпа* [37], совр. *Чюпа* [30]. ♦ Ойконим отражает расположение деревни в конце узкого и длинного озера: карел. *širri* ‘конец, угол, край’ (рис. 1). Ср. в южном конце озера дер. *Шуйская Чюпа*.

Рис. 1

Заключение

Параметры, выработанные для проекта «Словарь топонимов Карелии», были апробированы в ходе работы над «Словарем названий населенных мест карелов-людиков». В результате была скорректирована структура словарной статьи. В современном виде она позволяет не только привести весь корпус названий поселений и их бытование в двуязычной среде, а также хронику исследования отдельных ойконимов, но и отразить через этапы формирования названий историю становления ойконимической системы региона в целом. В свою очередь, историко-этимологический раздел словаря является хорошей базой для реконструкции значительного блока утраченных из бытования карельских антропонимов, а также отдельных лексем и в целом для демонстрации вторичной жизни слова в топониме. Одновременно он полезен и как источник для анализа формирования поселенческой сети, влияния на нее социально-экономических факторов и приоритетов в выборе ландшафтов. Словарь выполняет и большую просветительскую функцию, отвечая на интерес населения к истории родных мест.

Список сокращений, географические объекты

дер. – деревня
о. – остров
оз. – озеро
поч. – починок
р. – река
с. – село

языки, наречия

вепс. – вепсский язык
карел. – карельский язык
люд. – людиковское наречие карельского языка
приб.-фин. – прибалтийско-финские языки, прибалтийско-финский
рус. – русский язык
саам. – саамский язык

районы (по СНМ 1926 г.)

Кондоп – Кондопожский район
Петров – Петровский район
Святоз – Святозерский район

прочие

букв. – буквально
см. – смотри
совр. – современный
ср. – сравни

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск)

УрФУ – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Литература

1. *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki : SUS, 1967. 130 s.
2. *Керт Г.М., Мамонтова Н.Н.* Загадки карельской топонимии. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1976. 104 с.
3. *Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / под ред. А.С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 224 с.
4. *Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С.* Свод топонимов Заонежья / под ред. А.С. Герда. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. 251 с.
5. *Муллонен И.И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. 242 с.
6. *Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Муллонен И.И.* Полвека ономастических исследований в Карелии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 325–338.

7. Кузьмин Д.В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020. 272 с.
8. *Suomalainen paikannimikirja* / Toim. S. Paikkala. Helsinki : Karttakeskus, 2007. 592 s.
9. *Eesti kohanimeraamat* / Toim. P. Päll, M. Kallasmaa. Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2016. 1055 s.
10. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
11. *Nissilä V. Kuujärven paikannimistöstä* // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13–19.
12. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. 356 с.
13. Муллонен И.И. Людики на топонимической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада : Четвертые Шегреневские чтения : сб. ст. СПб. : Европейский Дом, 2011. С. 229–239.
14. Захарова Е.В., Кузьмин Д.В. Историко-культурный потенциал людиковской топонимии // Локальные исследования южной Карелии: опыт комплексного анализа / под ред. А.Ю. Жукова. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. С. 25–51.
15. Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Муллонен И.И., Шибанова Н.Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М. : ЯСК, 2018. 272 с.
16. Муллонен И.И., Жуков А.Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолудиковском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131.
17. *Karjalan kielen sanakirja*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. Helsinki : SUS, 1968–1997. 1–6.
18. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 745 с.
19. Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этнографический очерк. М. ; Л. : Наука, 1965. 245 с.
20. Захарова Е.В. Типы традиционных лудиковских поселений по данным ойконимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 130–133.
21. Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР / под ред. М.Н. Покровского. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А.М. Андрияшев. С. 57–254.
22. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / подг. к печ., ред. И.А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск : КарНЦ РАН ; Йознсуу : Ун-т Йознсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.
23. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1. Канцелярия олонекского губернатора. Оп. 17. Д. 24/33–24/34. По циркуляру м-ра Вн. Дело о доставлении сведений в Центральный стат. Комитет относительно состава территории и населения сельского общества в Олонекской губернии. 1884 г.

24. *Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год* / сост. действ. член-секретарь комитета И.И. Благовещенский. Петрозаводск : Олонецкая губ. тип., 1907. 326 с.

25. *Список населенных мест Карельской АССР* : (по материалам Переписи 1926 года) / сост. Стат. управлением АКССР. Петрозаводск : Изд. Стат. управл., 1928. XVI, 159 с.

26. Республика Карелия. Административно-территориальное устройство : справочник / Гос. комитет Республики Карелия по взаимодействию с органами местного самоуправления. Петрозаводск, 2015. 48 с.

27. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki : SKS, 1975. 5. Р. 1257–1676.

28. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1991. 162 с.

29. *Словарь названий гидрографических объектов России и других стран – членов СНГ* / под ред. Г.И. Донидзе. М. : Картгеоцентр–Геодезиздат, 1999. 464 с.

30. *Реестр* зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов Республики Карелия // Государственный каталог географических названий. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/217/x3hnfdxv3oc6qen1ep2zv16bafnchdbq.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).

31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородского уезда Олонеским дворцовым погостам писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году, да тутю же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 1270го году», 1615/16–1616/17–1618/19 гг.

32. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. 577 л. Подлинный список. «Книги переписные государевымъ царевымъ и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостомъ чернымъ волостям деревнемъ и митрополичым и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянскимъ и бобыльским переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьяего Якова Еуфимьева 156 и 155 году [1646/47–1647/48 гг.], а что в котором погосте сель государевных и починков и в них дворов крестьянских и бобыльских, и во дворех людей по имяномъ и з детми, и з братьею, и с племянники, и со внучатами, и с подсоседники, то писано в книге сей имянно».

33. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8579. Л. 134 об., 135. (Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова 1707 г.) // Макарова А.П. Историко-этнографический очерк деревни Кавгора // Кижский вестник. Вып. 17. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. С. 30–45.

34. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородцкой губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в пержную перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году».

35. План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты: 4 версты в дюйме. 1790. URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/. (дата обращения: 04.05.2021).

36. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/569. 73 л. [9-я ревизия] 1850 г. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Шуйской волости Мунозерского мирского общества, приписных к Олонецким заводам деревни.

37. *Список* населенных мест по сведениям 1873 года: Олонецкая губерния / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб. : Тип. МВД, 1879. XCV, 235 с.

38. *Список* населенных мест: по материалам Переписи 1933 года. Петрозаводск : Изд. УНХУ АКССР Союзоргучет, 1935. 130 с.

39. *Карельская АССР. Административно-территориальное деление* (по состоянию на 1 января 1960 г.). Петрозаводск : Гос. изд-во Карельской АССР, 1960. 95 с.

40. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2370. 1726 г. 596 л. Подлинник. «Книга переписная, окладная дворцовых, помещичьих и монастырских врестьян, монастырских работников Вытегорского, Андомского, Пудожского, Шальского и Лопских погостов, Пещанской, Водлозерской волостей, Шуйской половины Олонецкого уезда, положенных на содержание Фоменцына полка».

41. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/16. 147 л. [4-я ревизия] 1782 г. Ревизские сказки экономических крестьян Олонецкого уезда Шуйского погоста, Ялгубской, Виданской волостей, Мунозерского конца.

Oikonyms of Karelia as an Object for Lexicographic Description: An Experience of Working on the Dictionary of Ludic Karelian Settlement Names

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 86–106. DOI: 10.17223/22274200/22/5

Ekaterina V. Zakharova, Irma I. Mullonen, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: katja.zaharova@mail.ru / irma.mullonen@hotmail.com

Keywords: dictionary, toponyms, oikonyms, Karelia, Ludic Karelians, Karelian language, Russian language.

The study is a part of the state assignment carried out by the Karelian Research Centre of the RAS.

The article describes the main parameters of oikonymic material representation in the regional dictionary dedicated to the settlement naming system of one of the three Karelian ethnic subgroups – Ludic Karelians. The lexicographic description of Karelia's oikonyms faces the following key challenges: their co-existence in two languages, involving two levels of their nomination – official and unofficial; administrative affiliations of a substantial corpus of settlement names that are now classified as “former”; accentuation issues caused both by the impossibility to place stress in some Russian-language oikonyms in the absence of relevant data on vanished settlements or due

to stress adjustment in the names adopted into the Russian place naming system from Karelian. With field material as one of the sources, it became possible, in addition to the corpus of Russian-language oikonyms used as title words, to also provide a listing of unofficial (vernacular) variants functioning orally in Karelian. For instance, the Russian name of the village *Nyukhovo* (historically *Nyukhkievo*) descends from a byname-type anthroponym (cf. Karelian *nyhkeä* ‘to grunt, to groan, to moan’ or Vepsian *n’ühkta* ‘to whimper, to snivel’, *n’ühkota* ‘to sulk, to be angry’), preserving the memory of the settlement’s founder, whereas the Karelian unofficial oikonym *Yliči* reflects the position of the village on the Lake Dolgoye shore opposite from the volost center (cf. Karelian *yliči* ‘situated across, behind sth’). Where possible, the historical-etymological part of the dictionary entries contains information on both Russian and Karelian names. To link the oikonyms to the administrative units system, the republic’s 1926 administrative grid was taken, which offers the most complete coverage of settlements in Karelia that vanished over the 20th century (a table for correspondence between 1926 and 2021 administrative divisions was appended). Accentuation issues arise only in the Russian-language corpus of the oikonyms (since stress in Karelian is always on the first syllable), in the names incorporated into the Russian toponymic system through direct assimilation or calquing of Karelian source names. In some names, the stress remained on the first syllable (Vlg. *Kényaki/Ken’akko* from Ludic *ken’akko* ‘high sandy mound’), while in others it shifted over time (Vlg. *Matkachì/Matkačču* from Finnic *matka*, *matk* ‘road, way, distance, isthmus’). The suggested dictionary entry structure makes it possible to both show the entire corpus of settlement names and their uses in the bilingual neighborhood (due to involvement of a large amount of historical sources from the 16th–19th cc.), as well as the history of the study of individual oikonyms, and to trace the evolution history of the region’s overall oikonymic system through stages in place-name formation.

References

1. Nissilä, V. (1967) *Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes*. Helsinki: SUS.
2. Kert, G.M. & Mamontova, N.N. (1976) *Zagadki karel'skoy toponimii. Rasskaz o geograficheskikh nazvaniyakh Karelii* [Riddles of Karelian toponymy. A story about the geographical names of Karelia]. Petrozavodsk: Kareliya.
3. Mullonen, I.I., Azarova, I.V. & Gerd, A.S. (1997) *Slovar' gidronimov Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya (basseyn reki Svir')* [Dictionary of hydronyms of the South-Eastern Ladoga region (the Svir River basin)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Mullonen, I.I., Azarova, I.V. & Gerd, A.S. (2013) *Svod toponimov Zaonezh'ya* [The toponyms of Zaonezhie]. Petrozavodsk: KarRC RAS.
5. Mullonen, I.I. (2008) *Toponimiya Zaonezh'ya: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami* [Toponymy of Zaonezhie: a dictionary with historical and cultural commentaries]. Petrozavodsk: KarRC RAS.
6. Zakharova, E.V., Kuz'min, D.V. & Mullonen, I.I. (2020) Half a Century of Onomastic Research in Karelia. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*. 17 (3). pp. 325–338. (In Russian).

7. Kuz'min, D.V. (2020) *Slovar' karel'skoy narodnoy geograficheskoy terminologii* [Dictionary of Karelian folk geographical terminology]. Petrozavodsk: Periodika.
8. Paikkala, S. (ed.) (2007) *Suomalainen paikannimikirja*. Helsinki: Karttakeskus.
9. Päll, P. & Kallasmaa, M. (eds) (2016) *Eesti kohanimeraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
10. Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A. & Siilin, L. (2019) *Karel'skiy yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noe issledovanie foneticheskoy i morfologicheskoy sistem* [The Karelian language in grammars. A comparative study of phonetic and morphological systems]. Petrozavodsk: KarRC RAS.
11. Nissilä, V. (1947) Kuujärven paikannimestöstä. *Virittäjä*. 1. pp. 13–19.
12. Mullonen, I.I. (2002) *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [Toponymy of the Svir region: problems of ethno-linguistic contacts]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
13. Mullonen, I.I. (2011) Lyudiki na toponimicheskoy karte Karelii [Ludic on the toponymic map of Karelia]. In: *Istoriko-kul'turnyy landschaft Severo-Zapada: Chetvertye Shegrenovskie chteniya* [Historical and cultural landscape of the North-West: Fourth Shegren Readings]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom. pp. 229–239.
14. Zakharova, E.V. & Kuz'min, D.V. (2015) Istoriko-kul'turnyy potentsial lyudikovskoy toponimii [Historical and cultural potential of Ludic toponymy]. In: Zhukov, A.Yu. (ed.) *Lokal'nye issledovaniya yuzhnoy Karelii: opyt kompleksnogo analiza* [Local studies of southern Karelia: an experience of complex analysis]. Petrozavodsk: KarRC RAS. pp. 25–51.
15. Zakharova, E.V. et al. (2018) *Toponimnye modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste* [Toponymic models of Karelia in spatio-temporal context]. Moscow: YaSK.
16. Mullonen, I.I. & Zhukov, A.Yu. (2020) Dynamics of Development of Oikonymic System in Northern Lyudik Language Area. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 113–131. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131
17. Virtaranta, P., Koponen, R., Torikka, M. & Joki, L. (eds) (1968–1997) *Karjalan kielen sanakirja*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. Vols 1–6. Helsinki: SUS.
18. Zaytseva, M.I. & Mullonen, M.I. (1972) *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Veps language]. Leningrad: Nauka.
19. Taroeva, R.F. (1965) *Material'naya kul'tura karel (Karel'skaya ASSR): etnograficheskiy ocherk* [Material culture of the Karelians (Karelian ASSR): an ethnographic essay]. Moscow; Leningrad: Nauka.
20. Zakharova, E.V. (2019) [Types of traditional Ludic settlements according to oikonymy]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. Proceedings of the IV International Conference. Yekaterinburg. 9–13 September 2001. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 130–133. (In Russian).
21. Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1930) *Materialy po istorii narodov SSSR* [Materials on the history of the peoples of the USSR]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS. pp. 57–254.
22. Chernyakov, I.A. & Katayal, K. (eds) (1993) *Istoriya Karelii XVI–XVII vv. v dokumentakh / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* [History of Karelia in the 16th–17th centuries in documents]. Vol. 3. Petrozavodsk: KarRC RAS; Yoensuu: Un-t Yoensuu. pp. 34–341.

23. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 1. Kantselyariya olonetskogo gubernatora [Office of the Olonets Governor]. List 17. File 24/33–24/34. *Po tsirkulyaru m-ra Vn. Del o dostavlenii svedeniy v Tsentral'nyy stat. Komitet otносит'no sostava territorii i naseleniya sel'skogo obshchestva v Olonetskoy gubernii. 1884 g.* [By the circular of the Ministry of the Interior, on the delivery of information to the Central Statistics Committee on the composition of the territory and population of rural society in Olonets Province. 1884].

24. Blagoveshchenskiy, I.I. (1907) *Spisok naseleennykh mest Olonetskoy gubernii po svedeniyam za 1905 god* [List of settlements in Olonets Province according to information for 1905]. Petrozavodsk: Olonetskaya gub. tip.

25. Karelian ASSR Statistics Office. (1928) *Spisok naseleennykh mest Karel'skoy ASSR: (po materialam Perepisi 1926 goda)* [List of settlements in the Karelian ASSR: (based on the 1926 Census)]. Petrozavodsk: Izd. Stat. upravl.

26. Government of the Republic of Karelia. (2015) *Respublika Kareliya. Administrativno-territorial'noe ustroystvo: spravochnik* [Republic of Karelia. Administrative-territorial structure: reference book]. Petrozavodsk: Verso.

27. Kulonen, U.-M. (ed.) (1975) *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Vol. 5. Helsinki: SKS. pp. 1257–1676.

28. Mamontova, N.N. & Mullonen, I.I. (1991) *Pribaltiysko-finskaya geograficheskaya leksika Karelii* [Baltic-Finnish geographical lexicon of Karelia]. Petrozavodsk: KarRC RAS.

29. Donidze, G.I. (ed.) (1999) *Slovar' nazvaniy gidrograficheskikh ob"ektov Rossii i drugikh stran – chlenov SNG* [Dictionary of names of hydrographic objects in Russia and other countries – members of the CIS]. Moscow: Kartgeotsentr–Geodezizdat.

30. State Catalog of Geographical Names. (2021) *Reestr zaregistrirovannykh v AGKGN geograficheskikh nazvaniy ob"ektov Respubliki Kareliya* [Register of Geographical Names of Objects of the Republic of Karelia Registered in the State Catalog of Geographical Names]. [Online] Available from: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/217/x3hnfdxv3oc6qen1ep2zv16bafnchdbq.pdf> (Accessed: 04.05.2021).

31. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. Pomestnyy prikaz, votchinnaya kantselyariya, votchinnyy departament [Estate Prikaz, Chancery of Estates, Department of Estates]. List 1. File 8554.

32. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. List 1. Book 980. 577 p.

33. Makarova, A.P. (2017) Istoriko-etnograficheskiy ocherk derevni Kavgora [Historical and ethnographic essay on the village of Kavgora]. *Kizhskiy vestnik*. 17. pp. 30–45. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. List 1. Kn. 8579. Pages 134 rev., 135.

34. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 350. Landratskie knigi i revizskie skazki [Landrat books and revision reports]. List 2. 1719–1763 gg. Skazki i perepisnye knigi I–III reviziy [Reports and census books of I–III revisions]. File 2378. Pages 1–903 rev. 1749 g. *Kniga perepisnaya muzheska polu dush Novgorodskoy gubernii Olonetskogo uezdu, pripisannykh k Petrovskim zavodam gosudarstvennym krest'yanom, kotorye v perzhnuyu perepis' pisalis' gosudarstvennymi zhe krest'yan, uchinennaya v 749-m godu* [1749 census book of males of Novgorod Province Olonets

Uezd, state peasants assigned to Peter's factories, also recorded in the first census as state peasants].

35. Etomesto.ru. (2021) *Plan General'nogo Mezhevaniya Petrozavodskogo uezda. Masshtab mezhevoy karty: 4 versty v dyuyme. 1790* [Plan of the General Land Survey of Petrozavodsk Uezd. Boundary map scale: 4 versts in an inch. 1790]. [Online] Available from: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/. (Accessed: 04.05.2021).

36. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 4. List 18. File 61/569. 73 p.

37. Central Statistics Committee of the Ministry of the Interior. (1879) *Spisok naseleennykh mest po svedeniyam 1873 goda: Olonetskaya guberniya* [List of populated places according to 1873: Olonets Province]. St. Petersburg: Tip. MVD.

38. Soyuzorguchet. (1935) *Spisok naseleennykh mest: po materialam Perepisi 1933 goda* [List of populated places according to the 1933 Census]. Petrozavodsk: Izd. UNKhU AKSSR Soyuzorguchet.

39. Anon. (1960) *Karel'skaya ASSR. Administrativno-territorial'noe delenie (po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1960 g.)* [Karelian ASSR. Administrative-territorial division (as of January 1, 1960)]. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karel'skoy ASSR.

40. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 350. Landratskie knigi i revizskie skazki [Landrat books and revision reports]. List 2. Part 2. File 2370. 1726. 596 p.

41. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 4. List 18. File 2/16. 147 p.

УДК 81-13 + 030 + 908

DOI: 10.17223/22274200/22/6

О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОНИМА ЧЕЛЯБИНСК (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)¹

Статья посвящена лексикографическому и дискурсивному анализу топонима Челябинск. В работе использованы дефиниционный, когнитивно-матричный, диахронический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы. С целью лексикографического изучения топонима применялись географические справочники, британские толковые словари, энциклопедия; дискурсивное функционирование изучалось на материале двух корпусов текстов: the British Newspaper Archive, NOW corpus.

Ключевые слова: лексикография, когнитивно-дискурсивный подход, топоним, Челябинск, корпус, британский дискурс

Введение

Исследование принципов адаптации знаков одной культуры к реальности другой культуры приобретает особую значимость в межкультурном пространстве, когда происходят взаимовлияние и пересечение языковых, семиотических и лингвокультурных систем. Лингвосомиотической системой особого рода являются топонимы, которые из локального феномена перерастают в явление более высокого уровня, испытывающее на себе влияние экстралингвистических условий и обстоятельств. В этой связи важным представляется изучение топонимов одной страны (региона) в другом языке и отдельном типе дискурса, что позволит выявить и описать особенности их функционирования вне топонимической среды региона и государства, для которых подобная топонимика представляет норму, а для иноязычной среды является средством трансляции иноязычных смыслов и когнитивно-дискурсивных особенностей представляемой культуры.

При этом топоним может функционировать и как единица определенного лексикона, отраженная в словаре, и как часть определенного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740014.

дискурса, лингвистические особенности которой детерминированы экстрадискурсивными факторами. С целью более корректной интерпретации когнитивно-дискурсивных смыслов топонима, представленных в том или ином типе дискурса (особенно на материале другого языка), важно выстроить четкий алгоритм анализа, который будет включать в себя изучение лексикографических толкований топонима, а затем описание его когнитивных значений в том или ином типе дискурса. В настоящей работе при изучении лексикографического и дискурсивного функционирования топонима *Челябинск* реализуется именно такой алгоритм. Целью исследования является сопоставительный анализ обобщенного лексикографического значения и дискурсивной реализации топонима *Челябинск* на английском языке.

Когнитивно-дискурсивное исследование топонимов

Классическое определение лексикографии, когда она понимается как теория и практика составления словарей, в современных дискурсивных условиях и обстоятельствах трансформируется и модифицируется. На сегодняшнем этапе развития науки о языке лексикография трактуется, скорее, как теория и практика представлений знаний о мире, так как словари «откликаются на все изменения в жизни и в обществе, в статичной форме демонстрируя картину динамических языковых процессов» [1. С. 6]. Лексикографическая практика вышла на новый уровень и из текстоцентричной все больше становится антропо- и социоцентричной.

Анализ направлений деятельности ученых-лексикографов говорит о развитии лексикографии в рамках дискурсивно-антропоцентрической парадигмы, когда словарь отражает функционирование языка не постфактум, а в момент существования в языковом коллективе. Наибольший интерес к антропоцентрическому ракурсу исследований прослеживается в топонимических словарях, так как «топонимическая система существует не только в системоцентрическом, но и в антропоцентрическом измерении» [2. С. 6]. При этом топоним функционирует не только как единица языка и речи, но и как дискурсивное образование, которое реализует словарное и более широкое значение, обусловленное бытованием топонимов и топонимической системы в общественном и когнитивно-дискурсивном пространстве. Н.Д. Голев, Л.М. Дмитриева указывают: «В процессе функционирования топоним получает смыс-

ловые связи и наполняется ассоциациями, коннотациями, которые углубляют значение топонима, делают его *говорящим*» [2. С. 12–13]. Таким образом, системность языка, сознания и культуры как отраженных в топонимической системе констант говорит в пользу необходимости разработки когнитивной топонимики, которая позволит выявить когнитивно-дискурсивные особенности образования и функционирования топонимов и микротопонимов. На необходимость дискурсивного изучения топонимов указывают также зарубежные ученые [3–5].

Наиболее релевантным способом когнитивно-дискурсивного исследования топонимов является построение когнитивной матрицы [6, 7], которая формируется по принципу «ядро–периферия», где ядром матрицы является сам топоним, а периферию образуют когнитивные контексты, обращение к которым необходимо для понимания значения топонимических единиц и феноменов. Важно понимать, что топоним может реализовывать не только лексикографическое значение, но и более широкие функционально-дискурсивные смыслы. Именно эти смыслы выявляются в когнитивном контексте, т.е. в совокупности историко-культурных событий, фоновых знаний целевой аудитории, формирующих и интерпретирующих лексикографическое значение топонима. Когнитивная матрица, в свою очередь, представляет собой множество когнитивных контекстов, актуализирующих определенное значение топонима в тот или иной исторический отрезок. Например, приоритетное развитие географического объекта в экономике, политике, культуре находит отражение в доминирующих словах и словосочетаниях, относящихся к данной предметной области. Формируемые при помощи выделенных лексических единиц характеристики топонима и образуют когнитивную матрицу.

Выявлению когнитивных контекстов с целью построения когнитивной матрицы способствуют корпусные технологии, которые могут оказать неоценимую помощь лингвистам в изучении различных типов дискурса (в синхронии или диахронии), в описании этически и аксиологически маркированных феноменов, анализе того или иного языка в реальных условиях коммуникации. В настоящее время активно развивается корпусная лексикография, которая использует «наряду с первичным источником – корпусом – иные, вторичные и прочие источники» [8. С. 7].

Изучение когнитивно-дискурсивных особенностей функционирования топонимов возможно не только на материале топонимических

систем, отражающих географическое пространство мира и отдельной страны. Особую значимость в данном случае приобретает изучение региональной топонимики, что важно для лингвокультурологического понимания отдельного топонима и топонимической системы в целом. Такой подход восполнит недостаток региональных социально-гуманитарных исследований и позволит изучить микротопоним на фоне дискурсивного и геополитического макроконтекста.

Методы исследования

Для комплексного анализа топонима в исследовании использованы дефиниционный, когнитивно-матричный, диахронический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы.

Лексикографический метод представлен дефиниционным анализом, направленным на исследование определений топонима *Chelyabinsk*, зафиксированных в англоязычных лексикографических источниках, включающих «языковое и энциклопедическое знание» [9. Р. 18]. Дефиниционный анализ дополнен методикой обобщения словарных дефиниций, которая предполагает их сопоставление, выявление основных содержательных характеристик и вариативных признаков в семантике топонима. Методика основана на «теоретическом принципе дополнительности дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения и направлена на получение максимально полного описания значения» [10. С. 152] топонима в системе иностранного языка на базе всей совокупности имеющихся источников.

Когнитивно-матричный анализ применяется для исследования топонимической системы и изучения ее представленности в разноплановых дискурсивных и временных контекстах, в которых происходят формирование и реализация соответствующих значений топонимов, проявляется их культурная специфика [6, 7, 11]. В таком случае топонимы функционируют одновременно как ономастические, диалектные, культурно-маркированные, прецедентные единицы, которые затем выстраиваются в когнитивные матрицы [6].

Диахронический анализ предполагает сопоставление когнитивных матриц топонима *Chelyabinsk*, созданных на материале британского медийного дискурса трех столетий (XIX–XXI вв.), фиксацию динамики изменений, выявление архетипичных когнитивных контекстов

и определение вариативных компонентов. При периодизации исследовательского материала применяется методика фокусной фрагментации дискурса, которая предполагает разбивку дискурса на дискретные периоды времени, не привязанные к обязательной последовательности синхронных срезов. Выбор сегментов фрагментации в этом случае может быть обусловлен собственно лингвистическими и экстралингвистическими причинами [12]; в случае проводимого исследования – данными, полученными при анализе словарных дефиниций.

Когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы используются для объяснения наличия / отсутствия когнитивных контекстов в структуре матрицы русскоязычного топонима в британском медийном дискурсе определенного хронологического среза, архетипичности / вариативности когнитивных контекстов, реструктуризации когнитивной матрицы (перемещения доминантного компонента на периферию или периферийного компонента в доминантную зону) при диахроническом сопоставлении данных трех хронологических срезов. Когнитивный контекст относится к доминантным на основании количественной представленности в выбранном хронологическом срезе, архетипичным – при условии наличия данного контекста в структуре когнитивных матриц топонима трех анализируемых срезов.

Источники и результаты лексикографического анализа топонима *Chelyabinsk*

В источники материала включены онлайн-ресурсы, которые имеют аналоги печатных словарей и справочников, опубликованных британскими издательствами, базы данных, разработанные британскими / международными организациями, в которых предлагается статья о топониме *Chelyabinsk*. Поскольку лексикографическое описание значения иноязычного топонима требует обобщения данных разных словарей, в исследовании использованы географические справочники (географические словари), содержащие общую информацию о географическом объекте (GeoNames [13], The Getty Thesaurus of Geographic Names [14], The Concise Dictionary of World Place-Names [15]), электронные версии авторитетных толковых словарей (Collins English Dictionary – Complete and Unabridged [16], Oxford

Lexico [17])¹, энциклопедия на английском языке (Encyclopaedia Britannica) [18]), размещенные на онлайн-платформах и предполагающие удаленный (открытый или коммерческий) доступ к ресурсу.

Из приведенного списка англоязычных словарей были отобраны все значения топонима *Chelyabinsk*. Описание топонима представлено как совокупность совпадающих и несовпадающих толкований в анализируемых словарях, т.е. даже значения / толкования, имеющие минимальные различия в анализируемых источниках, включены в описание семантики топонима как отдельные. Пометы разных словарей (при несовпадении) приводятся списком. Сводная словарная статья топонима *Chelyabinsk* представляет собой его интегрированное лексикографическое описание, полученное в результате применения дефиниционного анализа и метода обобщения словарных дефиниций:

CHELYABINSK

Placename [15, 16], noun [16], proper noun [17]²

Pronunciation | Произношение

[tʃɪl'ja:bmsk] [15, 17]

Coordinates | Координаты

Lat³: 55 12 00 N *degrees minutes*; lat: 55.2000 *decimal degrees*; long⁴: 061 25 00 E *degrees minutes*; long: 61.4167 *decimal degrees* [14]

Location | Местоположение

On Miass River [14, 18], in SW Russia [16]; in southern Russia on the eastern slopes of the Ural Mountains [17]; in west-central Russia, on the eastern flank of the Ural Mountains [15, 18]⁵

¹ Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus, Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford English Dictionary Online, Oxford Lexico, The Chambers 21st Century Dictionary, The Free Online English Dictionary from Macmillan Education. Словарная статья с толкованием топонима Chelyabinsk представлена в двух из названных толковых словарей.

² Топоним [15, 16], имя существительное [16], имя существительное собственное [17].

³ Lat – latitude (широта).

⁴ Long – longitude (долгота).

⁵ На реке Миасс [14, 18]; на юго-западе России [16]; в южной России на восточном склоне Уральских гор [17]; в западно-центральной России, на восточном склоне Уральских гор [15, 18].

Population | Население

1062919 [13]; 1 067 000 (est. 2005) [37]; 1 092 958 est. (2006) [40]; 1092500 (est¹. 2008) [17]

Names | Наименования

Chelyabinsk (preferred², C³, V⁴) [14]

Alternative Titles (варианты названия): Čel'abinsk [14, 18]; Cheliabinsk [14, 18]; Tcheliabinsk (H⁵) [14]

Hierarchical Position | Положение в иерархии

World (facet) – Asia (continent) – Russia (nation) (P⁶) – Chelyabinskaya Oblast' (P) – Chelyabinsk (inhabited place)⁷ [14, 15]

Place Type | Тип населенного пункта

inhabited place (preferred, C) [14], city (C) [13–18], regional capital (C) [14, 15], seat of a first-order administrative division [13], administrative centre [18], industrial center (C) [14], an industrial city [16], transportation center (C) [14], manufacturing center (C) [14], educational center (C) [14], cultural center (C) [14, 15]

Note | Комментарий

Chelyabinsk was founded as a fortress in 1736, began as an agricultural town, grew with the coming of the Trans-Siberian Railroad in 1894–1896⁸. Thereafter growth was continuous; it was greatly stimulated by the eastward evacuation of industry in World War II. Industries include ironworks, engineering, zinc refineries, tools & machinery. In 2013 a large meteor exploded in an airburst over the city's surrounding district. Today it is one of the most important industrial centres of Russia: it has large ironworks and steelworks, a zinc refinery, a ferroalloys plant, chemical industries, and a wide range of

¹ (est.) – estimated (общая численность населения по оценкам на определенный год).

² preferred – (помета, указывающая на предпочтительное название).

³ C – the current name (помета, указывающая на текущее название).

⁴ V – the name is in the vernacular (local) language (помета, указывающая на название на родном языке).

⁵ H – historical name (помета, указывающая на историческое название).

⁶ P – part / whole relationship (помета, указывающая на отношение «часть / целое»).

⁷ населенный пункт [14], город [13–18], региональный центр [14, 15], местонахождение административного подразделения первой ступени [13], административный центр [18], индустриальный центр [14], промышленный город [16], транспортно-пересадочный центр [14], центр машиностроения [14], образовательный центр [14], культурный центр [14, 15].

⁸ Официально строительство Транссибирской магистрали началось в 1891 г.

heavy- and medium-engineering industries. Chelyabinsk has a university and a large polytechnic institute as well as medical, teacher-training, and agricultural-mechanization institutes and many scientific-research institutes. There are also an opera, ballet, and other theatres and a philharmonic hall¹ [14, 18].

На основе полученного сводного лексикографического описания можно выделить те когнитивные контексты, обращение к которым необходимо для осмысления топонима *Chelyabinsk* в английском языке: *территория, политико-экономические особенности, культура, образование, история*.

Доминантными компонентами являются «территория» (разделы «Координаты», «Местоположение», «Положение в иерархии», «Тип населенного пункта»: населенный пункт, город, региональный центр) и «политико-экономические особенности» (разделы «Население», «Тип населенного пункта»: индустриальный центр, индустриальный город, центр машиностроения и др., «Комментарий»), что представляется логичным, поскольку анализируемый топоним является маркером «чужой» культуры в английском языке. К периферийным относятся следующие когнитивные контексты: культура («Тип населенного пункта»: культурный центр, «Комментарий»), образование («Тип населенного пункта»: образовательный центр, «Комментарий»), история («Комментарий»).

Интегрированное лексикографическое значение топонима *Chelyabinsk* и когнитивные контексты матрицы, выявленные на его основе, дают «максимально полное описание значения исследуемого слова» в системе английского языка, но «не являются исчерпывающими для описания его реального функционирования» [10, 19]. Они представляют собой необходимый этап для дальнейшего анализа функционирования топонима в британском медийном дискурсе.

¹ Челябинск был основан как крепость в 1736 г., вначале был сельскохозяйственным городом, начал развиваться во время строительства Транссибирской магистрали в 1894–1896 гг. После этого рост был непрерывным; он был в значительной степени стимулирован эвакуацией промышленности на восток во время Второй мировой войны. В 2013 г. над окрестностями города взорвался крупный метеорит. Сегодня это один из важнейших промышленных центров России: здесь расположены крупные металлургические заводы, цинковый завод, завод ферросплавов, развиты химическая промышленность и широкий спектр отраслей тяжелого и среднего машиностроения. В Челябинске есть университеты: крупный политехнический институт, медицинский, педагогический, сельскохозяйственный институты, много научно-исследовательских институтов. Есть также театр оперы и балета, другие театры, филармония [14, 18].

Источники и результаты анализа функционирования топонима *Chelyabinsk* в британском медийном дискурсе (XIX–XXI вв.)

Источники материала для анализа функционирования топонима *Chelyabinsk* в британском медийном дискурсе представлены двумя корпусами текстов: The British Newspaper Archive (BNA) [20] – для ретроспективных срезов XIX, XX вв. и NOW [21] – для современного среза.

BNA – коммерческий англоязычный полнотекстовый корпус, в котором представлены оцифрованные исторические издания Великобритании. Корпусный менеджер, которым обеспечен архив, дает возможность поиска ключевого слова в фиксированной форме, во всех возможных формах, указания временного диапазона, места опубликования, определенного издания, типа публикации, сортировки результатов поиска по релевантности, начиная с самой ранней или самой последней публикации. Корпусный менеджер выводит статистические данные о частоте заданного слова в указанном временном диапазоне (например, 1939–1945), позволяет проследить изменение частот и текстов по годам (например, 1939, 1940 и т.д.). Возможен поиск нескольких заданных слов (например, *Chelyabinsk*, *culture*), которые находятся рядом в пределах одного контекста, но не обязательно следуют непосредственно друг за другом. Этот вид поиска используется в работе для уточнения статистических данных по количеству вхождений для каждого компонента, включенного в когнитивную матрицу на этапе лексикографического анализа.

NOW Corpus (News on the Web) – подкорпус Британского национального корпуса. Как следует из названия корпуса, его отличает постоянная наполняемость актуальным речевым материалом, он характеризуется жанровым разнообразием, наличием инструментов для изучения коллокаций. Британский национальный корпус дает возможность фиксировать реальное употребление языка его носителями, что отвечает современной научной парадигме.

Следуя логике фокусной фрагментации и принимая во внимание данные, полученные в ходе лексикографического анализа, нижние границы хронологических рамок представлены 1894 г.¹ (начало строительства Транссибирской магистрали), 1939 г. (начало Второй миро-

¹ В корпусе BNA первое упоминание о Челябинске датируется 1894 г., поэтому указанный в разделе Note | Комментарий 1736 год не включен в сопоставительный ряд.

вой войны), 2013 г. (падение Челябинского метеорита), отраженными в компонентах когнитивной матрицы, актуализирующих интегрированное лексикографическое значение топонима *Chelyabinsk*. Авторами выбран равномерный шаг фрагментации – 6 лет, чтобы обеспечить относительную «эквивалентность» хронологических рамок, объема и репрезентативности выборок. Таким образом, срезы, определенные для анализа функционирования топонима *Chelyabinsk* в британском медийном дискурсе, представлены следующими временными отрезками: 1894–1900 (XIX в.), 1939–1945 (XX в.), 2013–2019 (XXI в.).

При работе с данными корпусов чередовались автоматизированная и ручная обработка материала. Автоматизированная выборка в корпусах осуществлялась во всех изданиях, вышедших в одном из указанных выше временных диапазонов, по ключевому слову *Chelyabinsk*, представленному в интегрированном лексикографическом описании как предпочтительное наименование, тип документа – статья, иллюстрированная статья, сортировка – по релевантности. Дополнительные параметры поиска включали варианты названия города, зафиксированные в словарях. Первый параметр, указанный при характеристике каждого хронологического среза, – количество текстов.

Необходимость дальнейшей ручной обработки материала продиктована следующими причинами: во-первых, количество текстов, извлеченных на первом этапе, может быть не равно количеству контекстов, в которых функционирует топоним *Chelyabinsk*, поскольку в одном тексте может быть представлено несколько контекстов, объективирующих один компонент или разные компоненты когнитивной матрицы; во-вторых, тексты XIX и XX вв. хранятся и извлекаются в формате pdf, текстовые документы, обработанные с помощью оптической системы распознавания данных, которой оснащен корпус, не лишены искажений и погрешностей, обусловленных качеством и дефектами исходных текстов прошлых столетий. Второй параметр – количество контекстов, отобранных с помощью ручной обработки материала. Критерием для отнесения того или иного контекста к конкретной концептуальной области (когнитивному контексту матрицы) является наличие взаимосвязанных с ней единиц.

На следующем этапе создается когнитивная матрица топонима *Chelyabinsk* с указанием доминантных компонентов, выявленных на основании анализа частотности их представленности в медийном дискурсе определенного хронологического среза. Все компоненты

когнитивной матрицы взаимосвязаны, их разделение в рамках исследования носит условный характер. Для каждого компонента приводится иллюстративный пример; экстралингвистическая разметка контекста включает указание автора (при наличии), названия публикации (при наличии), названия издания, места и даты опубликования, страницы.

На следующем этапе проводятся диахронический анализ когнитивных матриц топонима *Chelyabinsk*, созданных на материале трех хронологических срезов, и сопоставление с данными, полученными в ходе лексикографического анализа, выявляются архетипичные и вариативные когнитивные контексты; исторические изменения в матричной структуре топонима объясняются с привлечением методов когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического анализа. Представим краткий фрагмент анализа данных британского медийного дискурса, извлеченных из корпусов BNA и NOW.

Хронологический срез 1894–1900 (BNA)

Тексты отобраны по ключевому слову *Chelyabinsk*, выборка состоит из 58 документов (Англия – 43, Северная Ирландия – 4, Шотландия – 9, Уэльс – 2). Варианты названия *Cel'abinsk* и *Cheliabinsk* не зафиксированы, отмечен вариант *Cheljabinsk*, не указанный в словарях. По дополнительному параметру поиска – *Tcheliabinsk*, включенному на основании данных лексикографического анализа, где это название помечено как историческое, количество текстов составило 31 (Англия – 25, Северная Ирландия – 1, Шотландия – 5). Итого: 89 документов. Количество извлеченных контекстов, в которых употреблен топоним, – 112. Когнитивная матрица представлена двумя когнитивными контекстами.

Территория (79,5%): On the 15th of last month the regular service of trains was inaugurated on the recently completed West Siberian Railway, which, starting from *Chelyabinsk, at the foot of the Ural Mountains*, has its terminus at Tomsk, in the region of the Obi River¹ (Tomsk and the West Siberian railway. From a correspondent // Morning Post, London, England, 28.12.1896, p. 7).

¹ 15-го числа прошлого месяца было открыто регулярное движение поездов по недавно построенной Западно-Сибирской железной дороге, которая, начинаясь от Челябинска, у подножия Уральских гор, заканчивается в Томске, в районе реки Оби.

Политико-экономические особенности (20,5%): During only six weeks no fewer than fifty-six *political exiles were transported to Siberia, via Chelyabinsk. It is a place that has been mattered in tears for centuries. All convicts and exiles for Siberia were marched over the Urals to Chelyabinsk.* We must acknowledge that the reign of Nicholas II is beaten by none of his predecessors in the line of summarily disposing of the liberty and well-being of those Russians who show any spirit of independence¹ (Socialism // Reynolds's Newspaper, London, England, 15.08.1897, p. 9). *The cost of travelling to Siberia is remarkably low. A third-class ticket from Granica, on the Austrian frontier, to Chelyabinsk costs £5*² (The Trans-Siberian Railway // Greenock Telegraph and Clyde Shipping Gazette, Renfrewshire, Scotland, 13.04.1896, p. 4).

Все случаи функционирования топонима *Chelyabinsk* в британском медийном дискурсе XIX в. связаны с проектом Транссибирской железнодорожной магистрали, который был направлен на развитие аграрно-индустриальной сферы, крестьянских переселений, освоение сибирских и дальневосточных регионов. Доминантный компонент «территория» представлен контекстами, в большинстве своем указывающими на расстояние между Челябинском и другими населенными пунктами и время в пути, протяженность Западно-Сибирской железной дороги, географические и климатические особенности. Компонент «Политико-экономические особенности» репрезентируется на фоне политики и экономики государства в целом: город приобретает статус крупного транспортного узла, становится «воротами» из европейской части России в Сибирь и важным пунктом переселенческого движения. Однако в британском дискурсе акцентируются прежде всего негативные смыслы «мученического пути на каторгу», связанные с этапированием политических заключенных и ссыльных в Сибирь через Челябинск и, следовательно, с произволом власти в Российской

¹ Всего за шесть недель, начиная с 11 апреля (30 марта) 1897 г., через Челябинск в Сибирь было перевезено не менее пятидесяти шести политических ссыльных. Это место, которое веками утопало в слезах. Все ссыльные и заключенные отправлялись в Сибирь через Урал и Челябинск. Мы должны признать, что царствование Николая II не уступает ни одному из его предшественников в том, что касается бесцеремонного лишения свободы и здоровья тех русских, которые проявляют какой-либо дух независимости.

² Стоимость поездки в Сибирь на удивление низкая. Билет третьего класса из Граника (граница) на австрийской границе в Челябинск стоит 5 фунтов.

империи, что свидетельствует о критическом взгляде британских журналистов на российскую монархию и избирательности фактов, представляемых аудитории.

Хронологический срез 1939–1945 (BNA)

Тексты отобраны по ключевому слову *Chelyabinsk*, выборка состоит из 55 документов (Англия – 40, Северная Ирландия – 3, Шотландия – 10, Уэльс – 2). По дополнительному варианту названия Cheliabinsk, указанному в интегрированном лексикографическом описании, отобрано еще 8 текстов (Англия – 6, Шотландия – 2). Варианты исторического названия Tcheliabinsk и Cheljabinsk, отмеченные в предыдущем срезе, не зафиксированы. Итого: 65 документов. Количество извлеченных с контекстов, в которых употреблен топоним, – 273. Когнитивная матрица представлена тремя когнитивными контекстами.

Политико-экономические особенности (76,2%): *Chelyabinsk*, another old town, has **over 273,000 people; its population has more than doubled** since 1926. It specialises in **agricultural machinery**. **Nickel supplies** come from **the region of Chelyabinsk** <...>, **gold is got** in several places, notably near **Chelyabinsk**¹ (R. Finch, Russia's Second Line of Industrial Defence // The Sphere, London, England, 13.09.1941, p. 17). **The Chelyabinsk factory** produces 40,000 tractors a year. In producing harvesters the Soviet Union leads the world² (Merthyr Express, Glamorgan, Wales, 17.01.1942, p. 3). **The tractor factory at Chelyabinsk** is so large that 12 League football matches could be played at the assembly shop alone, and still leave room for spectators³ (Russia // Western Daily Press, Bristol, England, 14.07.1941, p. 4).

Культура (12,8%): Quite a crop of **kinemas** of the "intimate sort", seating only about three hundred, is springing up at **Chelyabinsk**, to serve

¹ В Челябинске, еще одном «старом» городе, проживает 273 тыс. человек; его население увеличилось более чем в два раза с 1926 г. Город специализируется на производстве сельскохозяйственной техники. Поставки никеля осуществляются из Челябинска <...> золото добывают в нескольких местах рядом с Челябинском.

² Челябинский завод выпускает 40 000 тракторов в год. Советский Союз лидирует в мире по производству уборочной техники.

³ Тракторный завод в Челябинске настолько велик, что можно было бы провести 12 матчей Футбольной лиги только в сборочном цехе, при этом осталось бы место для зрителей.

the workers' settlements there¹ (Planning Kinemas in Soviet Russia // Kinematograph Weekly, London, England, 09.08.1945, p. 51).

Территория (11%): The Mali Theatre has been evacuated to **Chelyabinsk in the Urals**, where the great munition plants are. <...> The company performs serious plays to the troops and workers. Recently the Little Theatre had a great success with Sheridan's "School for Scandal" and a Shakespeare season, which included "Twelfth Night", "Julius Caesar" and "Othello". "Hamlet" is to be one of the coming productions (Front line concerts in Russia² // Manchester Evening News, Lancashire, England, 08.01.1943, p. 8).

Доминантным когнитивным контекстом в рамках анализируемого среза является компонент «Политико-экономические особенности», наполнение которого в первую очередь связано с промышленным и природоресурсным потенциалом города и региона. Наибольший удельный вес текстов (40) и контекстов (167), объективирующих данный компонент, приходится на 1941–1942 гг.: годы вынужденного вступления СССР в войну (июнь 1941), заключения договора между СССР и Великобританией (май 1942) и, как следствие, обретения последней в лице Советской России сильного союзника в борьбе с врагом, что обуславливает повышенное внимание британских журналистов к Челябинску и Уралу в целом, где была сосредоточена основная часть военно-промышленного комплекса. Основным показателем социально-экономического развития города являются численность населения и сравнительные данные с предыдущими десятилетиями. Примечателен второй когнитивный контекст («Культура»), обращение к которому в британском дискурсе периода Второй мировой войны прежде всего обусловлено эвакуацией в Челябинск Малого театра, артисты которого не остались в стороне от всеобщей борьбы за Победу и одними из первых приняли участие в работе фронтовых бригад. Когнитивный контекст «Территория» не является частотным, содер-

¹ В рабочих поселках Челябинска появляется большое количество небольших кинотеатров, которые вмещают всего около трехсот человек.

² Малый театр эвакуирован в Челябинск на Урал, где находятся огромные заводы по производству боеприпасов. <...> Труппа ставит серьезные пьесы для солдат и рабочих. Недавно в Малом театре с большим успехом прошли «Школа злословия» по Шеридану и шекспировский сезон, включавший пьесы «Двенадцатая ночь», «Юлий Цезарь» и «Отелло». Одной из ближайших постановок должен стать «Гамлет».

жит обобщенную и краткую характеристику географического положения Челябинска в ряду других уральских городов либо указание на нахождении города на Урале, которому, напротив, дается развернутое и детализированное описание. Показательно включение маркеров британской лингвокультуры в наполнение контекстов матрицы. К примеру, представление площади Челябинского тракторного завода дается через ассоциативные связи с футболом, национальным чемпионатом (Футбольной лигой Англии), проводившимся, в частности, и в период войны; в описании спектаклей Малого театра в Челябинске и на фронтовых площадках основной акцент сделан на театральных постановках по одноименным пьесам британских классиков.

Хронологический срез 2013–2019 (NOW)

В Британском национальном корпусе количество контекстов равно выдаваемым при поиске по ключевой лексеме *Chelyabinsk* речевым примерам (675). Контексты с вариативным написанием названия города *Cheliabinsk* представлены спорадически (3–5 примеров в зависимости от года) и по этой причине не были включены в анализ. Когнитивная матрица представлена следующими основными когнитивными контекстами: территория, спорт, политико-экономические особенности.

Приведем контексты употребления ключевого слова *Chelyabinsk* для выделенных составляющих когнитивной матрицы.

Территория (47,2%): A view of the wall of a local zinc plant which was damaged by a shock wave from a meteor *in the Urals city of Chelyabinsk*. A meteor strike *in central Russia* that left hundreds of people injured is the biggest known human toll from a space rock¹ (The Independent, December 23, 2013).

Спорт (32,6%): A six-foot-four power forward who at 18 is already in his third season playing against older players with the *KHL's Traktor Chelyabinsk*. Capable of setting up goals with his physicality or passing,

¹ Вид на стену местного цинкового завода, который был поврежден взрывной волной от падения метеорита в уральском городе Челябинск. Падение метеорита в центральной России, в результате которого были ранены сотни человек, стало самой известной трагедией современности от столкновения с космическим телом.

Karvtsov will be counted on to be among Russia's offensive leaders¹ (The Sunday Times, December 26, 2018).

Политико-экономические характеристики (20,2%): This signed document became the fourth ecological agreement currently being implemented by Mechel in Chelyabinsk. Besides measures on reducing waste emissions, which are part of the federal Clean Air project, **Chelyabinsk Metallurgical Plant** is also pursuing programs on reducing its impact on nearby water sources and improving industrial water cleansing² (The Irish News, January 29, 2019).

Компоненты когнитивной матрицы XXI в. актуализируют те события, благодаря которым Челябинск и Челябинская область стали известны на мировом уровне. Безусловно, одним из главных медиатопиков в зарубежной прессе стало падение челябинского метеорита 15 февраля 2013 г. Данное событие стимулировало решение увеличить финансирование программ по изучению потенциально опасных небесных тел в ряде стран мира. В лингвистическом плане контексты, связанные с падением метеорита, представляют собой интересный объект для анализа с точки зрения метонимизации значения, когда *Chelyabinsk* употребляется для наименования не только населенного пункта, но и метеорита, упавшего на земную поверхность в его окрестностях. Вторым по когнитивной значимости компонентом матрицы является контекст «Спорт», в частности в его дискурсивной реализации «хоккей», который позиционирует Челябинск не только как крупный промышленный город, но и как родину хоккейного клуба «Трактор», выступающего в Континентальной хоккейной лиге. Спорт в сознании носителей языка не только ассоциируется с победами и поражениями, но и является символом Родины, национальной идеи, объединяющего начала. Спорт и спортивный дискурс репрезентируют дихотомию «свой–чужой», отражают особенности национального

¹ Мощный форвард ростом под два метра, которому сейчас 18 лет, уже третий сезон играет против старших соперников за челябинский «Трактор». Кравцов, способный забивать голы благодаря своей физической силе или умелой передаче, будет одним из самых сильных игроков нападения.

² Подписанный документ стал четвертым экологическим соглашением, реализуемым Мечелом в Челябинске. Помимо мер по сокращению выбросов отходов, которые являются частью федерального проекта «Чистый воздух», Челябинский металлургический комбинат также реализует программы по снижению его воздействия на близлежащие источники воды и улучшению очистки промышленных вод.

характера носителей русского языка и культуры, стремление защищать Родину не только на поле битвы, но и на спортивной площадке. Наконец, важным компонентом когнитивной матрицы является контекст «Политико-экономические особенности», представленный, в частности, эргонимом «Челябинский металлургический комбинат», который репрезентирует не только деятельность самого промышленного гиганта, но и экологическую проблематику, которая не представлена в анализируемом материале эксплицитно, а выводится имплицитно из соответствующих контекстов.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что анализ лексикографического функционирования топонима всегда должен предшествовать описанию его дискурсивной реализации. Затем необходимо сравнить словарные контексты реализации значения топонима с его когнитивно-дискурсивными вариантами. Наиболее полная картина такого сравнения воссоздается только в диахронической перспективе.

Диахронический анализ функционирования топонима *Chelyabinsk* в британском медийном дискурсе показывает, что в основу осмысления ядерного для рассматриваемой когнитивной матрицы элемента неизменно включены компоненты «территория» и «политико-экономические особенности», что обусловлено использованием названия города вне топонимической среды государства и региона, для которых его употребление представляет норму. Закономерно, что для «чужой» культуры архетипичными когнитивными контекстами осмысления названия города, который находится в другом государстве, становятся его местоположение (где-то на Урале, на Урале, в Уральских горах и т.д.), основные особенности / потенциал развития (промышленность, промышленный город, заводы и т.д.), что также закреплено в интегрированном лексикографическом описании топонима.

Актуализация как архетипичных, так и вариативных компонентов когнитивной матрицы (например, «культуры» и «спорта») всегда детерминирована эстрадискурсивно, привязана к конкретному событию (эвакуация Малого театра в Челябинск во время Второй мировой войны как эстрадискурсивный фактор обусловила частотность когнитивного контекста «культура» во втором хронологическом срезе) либо соотносится с периодом развития городской среды (основание

челябинского хоккейного клуба в 1947 г. – частотность когнитивного контекста «спорт» только в третьем хронологическом срезе).

Показательно, что интегрированное лексикографическое описание топонима *Chelyabinsk* представлено бóльшим количеством когнитивных контекстов по сравнению с его дискурсивными реализациями в выбранных хронологических срезах. Например, в исследовательском корпусе отсутствуют контексты, репрезентирующие компоненты «история» и «образование». С одной стороны, это может быть связано с тем, что названные компоненты относятся к периферийным содержательным признакам, закрепленным в словарных толкованиях, с другой – они могут быть актуализированы в иных хронологических срезах, не включенных в сопоставительный ряд в рамках проведенного исследования.

Литература

1. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.
2. *Голев Н.Д., Дмитриева Л.М.* Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 5–17.
3. *Xuri T.* Toponym Resolution in Discourse. URL: <https://www.researchgate.net/publication/224439380> (accessed: 29.01.2020).
4. *Seemann J.* Poetics and Politics in the Naming of Brazilian Towns // Handbook of the Changing World Language Map / S.D. Brunn, R. Kehrein (eds.). Switzerland : Springer Nature, 2020. P. 2083–2095.
5. *Scholz R.* Analyzing Knowledge-Based Post-Industrial Societies: Challenges and Chances // Quantifying Approaches to Discourse for Social Scientist. Palgrave Macmillan, 2019. P. 167–212.
6. *Болдырев Н.Н., Алтаов В.В.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (17). С. 5–14.
7. *Болдырев Н.Н., Куликов В.Г.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65, № 3. С. 3–13.
8. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
9. *Kleiber G.* La sémantique du prototype: Catégories et sens lexical. Paris : PUF, 1990. 199 p.
10. *Рудакова А.В.* Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 152–156.
11. *Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, CA : SUP, 1987. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. 540 p.

12. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М. : Флинта, 2020. 236 с.
13. GeoNames. URL: <http://www.geonames.org> (accessed: 29.11.2020).
14. The Getty Thesaurus of Geographic Names. URL: <https://www.getty.edu> (accessed: 29.11.2020).
15. *The Concise Dictionary of World Place-Names* / J. Everett-Heath (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2014. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199580897.001.0001/acref-9780199580897> (accessed: 04.12.2020).
16. *Collins English Dictionary* : free online dictionary, thesaurus and reference materials. 12th Ed. 2014. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 27.11.2020).
17. *Lexico.com*. URL: <https://www.lexico.com> (accessed: 01.12.2020).
18. *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com> (accessed: 05.12.2020).
19. Стернин И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике // Лингвоконцептология и психолингвистика. Воронеж : Истоки, 2012. Вып. 5. С. 8–17.
20. The British Newspaper Archive (BNA). URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (accessed: 01.10.2020).
21. NOW Corpus (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed: 01.10.2020).

Lexicographic and Discursive Representation of the Place-Name *Chelyabinsk* in English

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 22, pp. 107–127. DOI: 10.17223/22274200/22/6

Olga A. Solopova, Natalya N. Koshkarova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: o-solopova@bk.ru / nkoshka@rambler.ru

Keywords: lexicography, cognitive and discursive approach, place-name, Chelyabinsk, corpus, British discourse.

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Chelyabinsk Oblast, Project No. 20-412-740014.

The authors study the place-name “Chelyabinsk” from lexicographic and discursive perspectives employing definitional, cognitive-matrix, diachronic, cognitive and discursive, linguistic and cultural methods. The definitional method helps to explore the meanings of the place-name ‘Chelyabinsk’ recorded in English dictionaries. The authors compare and contrast the definitions, reveal semantic characteristics that constitute components of the place-name cognitive matrix in English, work out an integrated lexicographic definition of the place-name ‘Chelyabinsk’. The cognitive-matrix analysis is used to investigate the place-name’s representation in British media discourse of different time spans, namely, of the 19th, 20th, and 21st centuries. The diachronic analysis aims at studying the development, evolution, and change in the matrices over time. Linguistic and cultural methods are employed to demonstrate the functioning of the place-name ‘Chelyabinsk’ in British media discourse of a certain time span. The lexicographic study of the place-name ‘Chelyabinsk’ is carried out on the basis of

British online dictionaries. The discursive characteristics of the place-name ‘Chelyabinsk’ are interpreted based on the material of the British Newspaper Archive and the British National Corpus. The integrated lexicographic description of the place-name ‘Chelyabinsk’ allowed the authors to single out the following cognitive domains: territory, political and economic peculiarities, culture, education, history. The cognitive matrix of 1894–1900 is represented by two domains: territory and political and economic peculiarities. The cognitive matrix of 1939–1945 is represented by three domains: political and economic peculiarities, culture, and territory. The cognitive matrix of 2013–2019 is represented by three domains: territory, sport, and political and economic peculiarities. The diachronic analysis of the place-name ‘Chelyabinsk’ in British media discourse shows that the foregrounding of archetypal and variable meanings depends on extra-linguistic factors, connected with a certain time span and correlated to a specific event in the history of the country, region or city. The findings obtained may serve as the basis for compiling the English-Russian dictionary of Chelyabinsk toponymy, which will manifest not only dictionary but also discursive meanings of place-names. This dictionary will contribute to linguistic and cultural studies, strengthen British-Russian relations, and mirror the place-name’s functioning in the foreign culture.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Russian lexicography: the present century and the past century]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
2. Golev, N.D. & Dmitrieva, L.M. (2008) Edinstvo ontologicheskogo i mental'nogo bytiya toponimicheskoy sistemy (k problematike kognitivnoy toponimiki) [Unity of ontological and mental existence of a toponymic system (to the problems of cognitive toponymy)]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*. 5. pp. 5–17.
3. Xuri, T. (2008) *Toponym Resolution in Discourse*. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/224439380> (Accessed: 29.01.2020). DOI: 10.1109/NLPKE.2008.4906777
4. Seemann, J. (2020) Poetics and Politics in the Naming of Brazilian Towns. In: Brunn, S.D. & Kehrein, R. (eds) *Handbook of the Changing World Language Map*. Switzerland: Springer Nature. pp. 2083–2095.
5. Scholz, R. (2019) *Quantifying Approaches to Discourse for Social Scientists*. Palgrave Macmillan. pp. 167–212.
6. Boldyrev, N.N. & Alpatov, V.V. (2008) Kognitivno-matrichnyy analiz angliyskikh khristianskikh toponimov [Cognitive-matrix analysis of English Christian toponyms]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4 (17). pp. 5–14.
7. Boldyrev, N.N. & Kulikov, V.G. (2006) O dialektnom kontsepte v kognitivnoy sisteme yazyka [On the dialect concept in the cognitive system of the language]. *Izvestiya RAN. Ser. literature i yazyka*. 65 (3). pp. 3–13.
8. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a tool and as an ideology:

on some lessons of modern corpus linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (16). pp. 7–20.

9. Kleiber, G. (1990) *La sémantique du prototype: Catégories et sens lexical*. Paris: PUF.

10. Rudakova, A.V. (2015) Metodika obobshcheniya slovarnykh definitsiy pri opisaniy integrirrovannogo leksikograficheskogo znacheniya slova [Technique of generalization of dictionary definitions in the description of the integrated lexicographic meaning of a word]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 58. pp. 152–156.

11. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: SUP.

12. Chudinov, A.P., Budaev, E.V. & Solopova, O.A. (2020) *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot* [Political metaphorology: a discursive turn]. Moscow: Flinta.

13. *GeoNames*. [Online] Available from: <http://www.geonames.org> (Accessed: 29.11.2020).

14. *The Getty Thesaurus of Geographic Names*. [Online] Available from: <https://www.getty.edu> (Accessed: 29.11.2020).

15. Everett-Heath, J. (ed.) (2014) *The Concise Dictionary of World Place-Names*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199580897.001.0001/acref-9780199580897> (Accessed: 04.12.2020).

16. *Collins English Dictionary: free online dictionary, thesaurus and reference materials*. (2014) 12th Ed. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 27.11.2020).

17. *Lexico.com*. [Online] Available from: <https://www.lexico.com> (Accessed: 01.12.2020).

18. *Britannica*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com> (Accessed: 05.12.2020).

19. Sternin, I.A. (2012) Problema needinstvennosti metayazykovogo opisaniya mental'nykh edinit v lingvistike [The problem of non-uniqueness of the metalinguistic description of mental units in linguistics]. In: *Lingvokontseptologiya i psikholingvistika* [Linguistic Conceptology and Psycholinguistics]. Vol. 5. Voronezh: Istoki. pp. 8–17.

20. *The British Newspaper Archive* (BNA). [Online] Available from: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (Accessed: 01.10.2020).

21. *NOW Corpus* (NOW). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/now/> (Accessed: 01.10.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДЯДЕЧКО Людмила Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина).
E-mail: eptonim@ukr.net

ЗАХАРОВА Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, науч. сотр. сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск).
E-mail: katja.zaharova@mail.ru

КАЛИНИНА Людмила Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).
E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

КОШКАРОВА Наталья Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
E-mail: nkoshka@rambler.ru

МАТХАНОВА Ирина Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: matkhanova@mail.ru

МОЛЬКОВ Георгий Анатольевич – д-р филол. наук, ст. науч. сотр. отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: georgiymolkov@gmail.com

НОСКОВА Виктория Наильевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: vika_muhtarova@mail.ru

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск).
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

СОЛОПОВА Ольга Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры «Лингвистика и перевод» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

E-mail: o-solopova@bk.ru

ФАЛЕЕВА Анна Сергеевна – магистрант, мл. науч. сотр. кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

E-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2021. № 22

Редактор Е.Г. Шумская
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 10.03.2022 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.

Печ. л. 8,3; усл. печ. л. 7,7. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 4937.

Дата выхода в свет 18.03.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru